

ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№3(13) 2014

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:

141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:

8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ЮБИЛЕЙ

Валерий МИХАЙЛОВ

Тайна Лермонтова.....4

ПОЭЗИЯ

Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ

«Возьми нас домой, Россия!»22

Юрий БОГДАНОВ

I. Княгиня Ольга64

II. Князь Владимир.....71

Николай ГОЛОВКИН

Возвратись к любви.....78

Сергей СКОРЫЙ

«Несбывшихся желаний тоскуют
корабли...»86

Пётр ГУЛДЕДАВА

«Млечный Путь озаряет снега...»98

Юрий КОЛОДНИЙ

«Не надо жить чужой судьбой,
чужие песни петь...»100

Нина ПОПОВА

Душа, которая простит.....122

Валентин СУХОВСКИЙ

«И славен веками характер былинный...»..125

Вячеслав ШЕВЧЕНКО

«Над полем Бородинским нависла
тишина...»137

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

«Уносит время наших близких...»140

Василий КУЗНЕЦОВ

О любви и верности.....151

Ольга МАТВЕЕВА

«Размышляйте, люди, время ещё есть...»..154

Борис МИНЧЕНКО

«Завещаю вам любовь подруг...»161

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№3(13) 2014
Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»

Подписано в печать 15.10.14.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ А-6693.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2014
© Авторы, 2014

- Тамара ПОТАПОВА
«Кто сказал, что гармошка не в моде?..»168
- Валерий КОРАБЛИН
«Лишь солнце шагнёт из-за леса в тумане...» 177
- Рубен САРКИСОВ
«Крепись держава русская...»180
- Анатолий УВАРОВ
«Вольной птицей взлечу
выше Кезьминских гор...»188

Л И Т Е Р А Т У Р О В Е Д Е Н И Е

- Елена ТРЕТЬЯКОВА
Чаша на пиру.....43

П У Б Л И Ц И С Т И К А

- Николай ШУЛЬГИН
Новый изничтожитель русских.....80

П Р О З А

- Игорь УДАЧИН
Пчёлка и Долгопят.....103
Человеку плохо.....112

- Евгения ДОРОГОВА
Любовь долготерпит.....184

В Е Р Н И С А Ж

- Валентина ЕФИМОВСКАЯ
«...Одна заветная» (герои Первой мировой
войны на исторических картинах
художника Филиппа Москвитина)129

- Елена ТКАЧЕВСКАЯ
Летний вечер в музее.....157

П А М Я Т Ъ

- Сергей КОБЕЛЕВ
Выдающиеся узники Бутырской тюрьмы:
Александр Дмитриевич Самарин144

- Наталья МАСЛОВА
Над временем никто не властен
Ни мудрый гений, ни пророк.....173

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Сегодня много и обоснованно говорится о том, что современная российская литература утратила своё влияние на читателя, утратила связь с народом; о том, что писатель перестал быть голосом народа, превратившись, вполне в духе времени, в обыкновенного «поставщика услуг» (развлекательных, образовательных, политических и т.д.). К сожалению, следует признать, что эти разговоры в значительной степени справедливы и обоснованны. В сфере общественного сознания происходит тупое, но последовательное насаждение ряда как бы литературных имён, зачастую даже плохо владеющих русской грамотой, не говоря уже о даровании и духовно-нравственном содержании их писаний. У многих сегодня создаётся впечатление, что назначение в «известные российские писатели» происходит словно по некоей разрядке, из какого-то секретного «обкома». В результате книжные прилавки книжных магазинов завалены русскоязычной по форме, но зачастую агрессивно-антирусской, антироссийской по сути книжной продукцией. Вред от этого трудно недооценить, но противостоять этому практически невозможно: у книготорговцев железный аргумент – рынок диктует условия. Что же, неужели такой спрос на антирусскую макулатуру? И неужели писатели, работающие в русской традиции, совершенно не имеют читателя? Нет, конечно. А в чём же дело? Я думаю, все понимают, в чём...

Не вдаваясь в эту долгую тему в рамках вступительной заметки, скажу только, что журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» продолжает линию, направленную на утверждение традиционных ценностей русской литературы. Сегодня в России существует ещё немало изданий, не поддавшихся искушениям суетного века и продолжающим ревностное служение заветам русской литературной классики. И хотя все мы не имеем возможности непосредственно противостоять всевластию «литературного рынка», но мы можем поддерживать пространство традиционной русской литературы, русских духовных ценностей и предлагать вниманию читателей произведения талантливых писателей патриотической направленности. Что мы и будем продолжать делать – по мере наших сил, во благо Русского Мира, во славу России.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ
Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

ЮБИЛЕИ

Валерий МИХАЙЛОВ

К 200-летию со дня рождения
М.Ю. Лермонтова

Тайна Лермонтова

Всякий человек для людей загадка, но гений – тайна.

Душа и обычного-то человека непонятна; душа того, кто одарён безмерно, – непостижима.

Тайну Михаила Юрьевича Лермонтова разгадывают уже два века, однако раскрыта ли она? Чем ближе пытаются приблизиться к ней, тем дальше уходит она в свои дали, в свои глубины, в свои высоты. Не сказать, что труды исследователей были напрасны, им удалось многое понять и почувствовать в Лермонтове. Но всё-таки тайна эта остаётся недостижимой. Как недостижим земной окоём, как недостижимы звёздные пространства.

Древние говорили: познай самого себя. Задача поставлена верно – но кто же справился с нею? Самый мудрый из людей заметил: я знаю лишь то, что ничего не знаю. Может быть, огромный дар и даётся затем, чтобы лучше познать самого себя, ощутить в себе, как в частице жизни, всё мироздание, его поэзию, его смысл. Однако тайна от этого не убывает, а лишь обнаруживается всё более и полнее в своей безмерности.

Про великого человека говорят, что тайну свою он уносит с самим собой. Пожалуй, что и так, да вот сам он – познал ли её? На это не хватит никакой жизни... И всё же гений ближе всех был к разгадке своей тайны. Непостижимым образом он касался её в своих прозрениях, постигая в себе земное и небесное.

М.Ю. Лермонтов (1814–1841).
Рисунок Д.П. Палена.
23 июля 1840 г.

Валерий Фёдорович Михайлов – поэт, прозаик, публицист, автор шестнадцати книг стихов, изданных в Казахстане и России, документальной повести «Великий джугт» («Хроника Великого джугта»), книги «Лермонтов» (серия ЖЗЛ). Главный редактор литературно-художественного журнала «Простор».

Живёт в Алматы (Казахстан).

Вот почему никогда не утратится интерес к жизни такого человека и она навсегда останется притягательной для людей.

Лермонтов – лучшее тому подтверждение.

Его сознание пробудилось в самом раннем младенчестве, и связано это пробуждение с песней, которую певала ему мать. В голосе звучала любовь и печаль, и он плакал от этого напева. Песню он вспомнить потом не мог, но был уверен, что если бы услышал её вновь, то сразу бы узнал и снова бы у него потекли слёзы.

Мать, Марья Михайловна, умерла совсем молодой, когда ребёнку было всего два с половиной года. Но она, словно чистый камертон, успела настроить душу сына на ту дивную внутреннюю музыку, которая впоследствии лилась в нём всегда, до конца дней.

Отзвуком этой неизвестной нам песни стала и Песнь Ангела, услышанная юношей Лермонтовым однажды в небе полуночи в Середниково под Москвой; и волшебная, написанная словно бы не земными словами, а мерцающим светом и прозрачным воздухом Песнь Демона «На воздушном океане...»; и упоительная по красоте серебристого звучания и надмирной неги, примиряющей со всем на свете – жизнью, смертью, вечностью – Песнь рыбки, что услышал в полубреду на берегу реки раненный беглец Мцыри.

Не материнскому ли напеву обязаны мы той благословенной гармонии, которой проникнуто от первого до последнего слога стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива...», эта благоуханная, благодарная молитва всей земной красе, что позволила поэту постигнуть счастье на земле и в небесах увидеть Бога...

Все эти и многие другие лермонтовские стихи, откликнувшись в сердцах и душах композиторов и певцов, стали чудесными песнями, а такие, как «Казачья колыбельная песня» и «Выхожу один я на дорогу...» – сделались народными.

Вообще, музыкой, музыкальной гармонией напоена вся поэзия Лермонтова: и лирика, и эпика; в его зрелой прозе также звучит тонкая музыка, расстворённая в слове. И всё это не нарочито, не напоказ, а по самому естеству языка, по совершенному чувству меры, благородной точности интонации.

В душе гениального сына образ любимой и любящей матери преобразился в образ Богородицы, тёплой заступницы мира холодного, и это исполнило его поэзию пречистого молитвенного света. Священник и поэт Сергей Дурьлин заметил в дневнике, что души человеческие пахнут, но очень редко так, как того хотел бы ум. И привёл в пример Толстого, который исписал много томов о вере, а там ни маленькой струйки религиозного аромата. «А вот грешный и байронический Лермонтов – весь религиозен: религиозный запах его прекрасен».

Врождённая религиозность – естество небесного порядка, которое ничем не подделать и которое невозможно вызвать в себе никакими ухищрениями ума и воли. Это свойство души, может быть, ещё более редкий дар, чем творческие способности. Оно или есть или его нет. У Лермонтова оно – было. И, что характерно, он никогда не пытался его выразить в доводах ума. Он просто жил с этим в глубине души, никому не показывая, по наитию храня как святыню. И лишь в заветных стихах сказывался – дух.

Сильнейшее влияние оказал на Лермонтова отец, Юрий Петрович, хотя они и прожили почти в полной разлуке. В образе отца юноша Лермонтов видел драгоценные обломки игрою счастья обиженных родов, погранные новой

знатью, прозревал великую и таинственную судьбу своих предков. Поначалу воображение увлекло его в Испанию, но потом он узнал, что родовые корни имени – в средневековой Шотландии.

Эти гордые прозрения оказались близки к истине: Лермонты по древности и знатности гораздо превосходили род Столыпных, откуда вышла его властная бабушка. Она всячески превозносила себя над небогатым помещиком, отставным капитаном Лермонтовым, что оскорбляло душу юного поэта и жгло его обидой за отца. В короткой своей жизни Михаилу так и не пришлось узнать, что один из его предков, поэт-прорицатель Томас Лермонт, прозванный – Рифмач, в XIII веке положил основания шотландской литературы, а сам он, которого иронически называли байронёнком (хотя был он – другой, ещё неведомый избранник) доводится дальним родственником Джорджа Байрона. Но полумифической арфы шотландской струну Лермонтов всё же задел, и даже его критик и недоброжелатель, философ Владимир Соловьёв спустя полвека после смерти Лермонтова признал его близким по духу к «вещному и демоническому Фоме Рифмачу, с его любовными песнями, мрачными предсказаниями, загадочным двойственным существованием и роковым концом».

Философа Соловьёва явно раздражала лермонтовская тайна, которую ему хотелось считать только лишь напускной таинственностью. Не в силах её понять, он срывался на иронию и обвинения поэта в «демонизме», в безответственности перед данным ему от природы гением, а смерть поэта назвал духовной гибелью, самовольно отправив его в преисподнюю. Отец Лермонтова куда как лучше знал и чувствовал своего сына: в своём завещании Юрий Петрович сказал семнадцатилетнему Михаилу: у тебя доброе сердце, – и пожелал ему жить, не забывая о том, что за талант предстоит некогда дать отчёт Богу.

Теперь, по прошествии века после «разоблачений» Вл. Соловьёва, стало ещё более очевидно, что жил Лермонтов – строго по отцовскому завету, не уклоняясь от своего предназначения. Недаром уже в наши дни священник Дмитрий Дудко предложил канонизировать Лермонтова – в ряду любимейших русских поэтов, пояснив: «Всякий дар исходит от Бога, а дар писателя – особый дар. Русская литература – апостольская литература, так на это и надо смотреть! И она в наше время будет иметь первостепенное значение».

Отец и мать – два самых родных ему человека... А третьим таким человеком стала для Лермонтова его бабушка. Кто знает, как бы сложилась его судьба, если бы рядом с ним не было Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, с её всепоглощающей любовью к своему «Мишеньке», которая стала смыслом и содержанием её жизни.

Бабушке, которая не могла забыть своего погибшего мужа, он обязан своим именем (в роду Лермонтовых до него мальчиков поочерёдно называли то Петром, то Юрием). Михаил – имя Архистратига Небесных Сил и значит: «Кто как Бог». Павел Флоренский писал, что это имя означает наивысшую ступень богоподобия: «Это – имя молниевой быстроты и непреодолимой мощи, имя энергии Божией в её осуществлении, в её посланничестве. Это – мгновенный и ничем не преодолимый огонь, кому – спасение, а кому – гибель. Оно “исполнено ангельской крепости”. Оно подвижнее пламени, послушное высшему велению, и несокрушимее алмаза Небесных Сфер, которыми держится Вселенная».

Бабушка пестовала внука в Тарханах, жила вместе с ним в Москве, когда он учился в университете, заботилась о нём в Петербурге, в начале военной

службы... Узнав о несчастной дуэли, унёсшей его жизнь, она буквально выплакала очи – ослепла, повелев убрать от себя и отнести в храм самую дорогую для себя икону, пред которой молилась о его здравии... Через год после дуэли, в 1842-м, Елизавета Алексеевна, испросив позволения у государя, перевезла прах Лермонтова из Пятигорска в Тарханы, перезахоронив в родовом склепе рядом с дочерью, и поставила над ними часовню.

Тарханы, родная земля поэта, – его святыня. Здесь он провёл детство и отрочество; здесь возникла его странная, непобедимая рассудком любовь к Отчизне; здесь пришли к нему стихи – из пламя и света рождённое слово. Его поэзия – слияние, сплав земного и небесного начал: пламя, пламя – огонь сердца, страсти, ума; свет – горнее сияние высшей истины. Всё, что связано у Лермонтова с родимым имением в Пензенской губернии, вроде бы появилось само собой, но, если вдуматься, Тарханы – самый дорогой дар бабушки своему ненаглядному внуку. Ведь именно здесь он напитался русским духом: нашими сказаниями, напевами, обычаями, историей.

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром...», вполне возможно, подслушано поначалу где-нибудь на завалинке крестьянской избы в селе у мужиков-солдат, когда-то сражавшихся на Бородинском поле, – а в Тарханах такие были!.. Совершенный слух поэта в точности уловил народный говор – а чутьё и зоркий ум вполне осознали народную правду о сражении с врагом... Лев Толстой назвал «Бородино» зерном своей эпопеи «Война и мир», Василий Розанов сказал, что в этом стихотворении «уже взят полный аккорд нашего народничества и этнографии 60-х годов», – вот какую высоту одолел молодой ещё по годам поэт, воспитанный, как и все тогдашние дворянские дети, казалось бы, целиком на французской культуре. По жутким рассказам о пугачёвском мятеже, что порой велись дома или у соседей за барским столом, отрок Лермонтов сумел понять ту правоту, что вела крепостных людей на бунт бессмысленный и беспощадный: в «кровожадных рабах» он разглядел людей, жаждущих справедливости. Незавершённый юношеский роман «Вадим» – лишь черновой набросок к тому, что он задумал создать в прозе об эпохе Екатерины II, да не успел осуществить...

Всё это и многое другое – родом из Тархан. А старинные песни, что распевали девки за шитьём и в хороводах!.. А сельские гулянья по праздникам, когда ради удалой забавы мужики бились стенка на стенку!.. Дворовые подмечали во время этих молодецких схваток, что у их младого летами барина Михаила Юрьевича «рубашка тряслась», – так он рвался в бой, только что дворянское звание не позволяло...

По воспоминаниям старожиллов, однажды мальчик заметил с балкона, что в сельских хатах дым через крышу идёт: топили избы по-чёрному. Другой барчонок отвернулся бы и забыл, а Лермонтов попросил бабушку дать мужикам кирпичей с её кирпични, чтобы они сложили себе настоящие печки с трубами. И скуповатая Елизавета Алексеевна, которая день-ги сберегала для внука, выдала селянам кирпичей со своего заводика... Повзрослев, в один из приездов в родные места, Лермонтов задумал по выходе в отставку поставить каменные дома всем крестьянским семьям в Михайловке – деревне, названной в честь его рождения. И наверняка осуществил бы своё желание...

Ни заморские дядьки-гувернёры, ни французские классики и романтики, ни Шиллер с Байроном не перебороли в отроке и юноше Лермонтове того, что надыхали, напели, наговорили ему Тарханы. Впервые увидав в Москве

людей света и среди них своих ровесников, он был неприятно удивлён их офранцузенностью – скучной подстриженностью мыслей и чувств, достойной разве что презрения. В зрелом же возрасте он лишь утвердился в своём мнении. Неспроста хорошо знавший писателей мемуарист Филипп Вигель называл Лермонтова руссоманом.

В ряду лучших поэтов золотого века русской литературы Лермонтов, без сомнения, самый русский по духу.

Да, поэт любил родину странно любовью, но в этом чувстве нет ничего сомнительного: столь глубоко, с рождения, оно жило в нём, что даже рассудок не мог достать до корней...

Основа его постижения России – глубокое искреннее чувство и поразительная, провидческая по существу интуиция. Лермонтов всегда был далёк от умозрительных рассуждений; будущее отчизны открывалось ему стихийно, в образах и видениях.

В 1830 году, в шестнадцать лет, поэт провидит России чёрный год, когда царей корона упадёт – страшную картину гибели монархии и разрушительных народных бедствий. Внешне бесстрастное, несколько сомнамбулическое описание этой жестокой катастрофы (смерть и кровь, болезни и голод) только подчёркивает, что юному поэту было дано некое откровение (вряд ли он толком знал подлинные замыслы декабристов 1825 года о царубийстве, да и история Французской революции, о которой ему можно было почерпнуть сведения в книгах и рассказах, не давала прямого повода для фантазии апокалиптического размаха).

Тем значимей представляется другое видение Лермонтова о грядущем отчизны, которое он записал незадолго до гибели, в полном расцвете творческих сил, в виде сказочной притчи:

«У России нет прошедшего; она вся в настоящем и будущем.

Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем двадцать лет и спал крепко, но на двадцать первом году проснулся от тяжкого сна, и встал. И пошёл... и встретил он тридцать семь королей и семьдесят богатырей, и побил их, и сел над ними царствовать.

Такова и Россия».

Тут вера в будущее величие Родины, в её богатырскую духовную мощь, в её предназначенье на Земле.

Дар пророчества обычно понимают как способность предсказывать то, что произойдёт. Лермонтов, несомненно, был наделён прозорливостью этого рода, что особенно проявилось в его удивительном стихотворении «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...»), этом неповторимом шедевре русской и мировой лирики. За несколько месяцев до роковой дуэли он напрямую увидел собственную смерть – и всё так потом и произошло, до совпадения подробностей. Но всего поразительнее даже не это, а образ, в котором картина явилась ему, – тройное сновидение. Это был сначала сон о его смертельном ранении; затем сон, что снится ему, умирающему – о любимой женщине, которая сидит где-то далеко от него, на сияющем огнями вечернем пиру; и, наконец, грустный сон души её молодой, в котором любимой видится он сам, смертельно раненный, умирающий в опалённой жаром долине Дагестана... – Какие непомерные глубины сознания приоткрывались интуиции гения, обострённой до предела!..

Однако такое явление, как поэт-пророк, значит нечто большее, чем прорицатель будущих событий или же обличитель общественного зла и

человеческих пороков наподобие ветхозаветных учителей. Сущность этого явления лучше всех раскрыл философ Иван Ильин:

«Они выговаривали – и Жуковский, и Пушкин, и Лермонтов, и Баратынский, и Языков, и Тютчев, и другие, – и выговорили, что художник имеет пророческое призвание; не потому, что он “предсказывает будущее” или “обличает порочность людей” (хотя возможно и это), а потому, что через него про-рекает себя Богом созданная сущность мира и человека. Ей он и предстает, как живой тайне Божией; ей он и служит, становясь её “живым органом” (Тютчев): её вздох – есть вдохновение; её пению о самой себе – и внемлет художник...»

Поэт-пророк и сам не знает, что происходит в глубине его души, что зарождается, зреет и развёртывается там. Но когда созревшее наконец выговаривается, это – «прорекающийся отрывок мирового смысла, ради которого и творится всё художественное произведение, <...> прорекающаяся живая тайна».

Лермонтов и про-рекал в своём творчестве эту живую тайну – сущность мира, мирового смысла.

Но откуда берутся поэты – среди, в общем-то, прозаической жизни?

Ответ на этот вопрос связан с тайной поэзии, которая так же неуловима для определений, как душа.

Известно, от избытка сердца уста глаголют. Поэт – это когда душа всклень, когда песня сама рвётся наружу. Песня – это душа, отверстая миру, людям, небу, звёздам...

Поэт поёт, как дышит; всё на свете его пронзает и ранит: и счастье и горе – и песня вырывается и лётся из него, как кровь. Ведь чрезмерная способность чувствовать, свойственная поэту, столь же непомерна, как и обоюдоостра.

Василий Розанов однажды заметил по поводу «несносного» характера Лермонтова, что поэт есть роза и несёт около себя неизбежные шипы, «<...> и мы настаиваем, что острее из этих шипов вонзены в собственное его существо».

Он же, в одной из своих статей о Лермонтове, попытался разгадать, откуда, как и почему появляются поэты:

«Поэт и всякий вообще духовный гений – есть дар великих, часто вековых зиждательных усилий в таинственном росте поколений; его краткая жизнь, зримо огорчающая и часто незримо горькая, есть всё-таки редкое и трудно создающееся в истории миро, которое окружающая современность не должна расплёскивать до времени».

М и р о !..

Поразительно это уподобление, сделанное философом!.. Миро, или, по-старославянски, муро – благоуханный освящённый состав, точной формулы которого не существует, сваренный из множества благовонных веществ для таинств служения Господу.

Да ведь и сама поэзия – миро, созданное словно бы изо всех видов искусств и освящённое Тем, Кто есть Бог-Слово.

Тут нельзя не вспомнить, что счастливые способности к искусствам в Лермонтове домашние и гости Тархан заметили чуть ли не с его младенчества.

Едва заговорив, мальчик стал радоваться созвучиям, – так зарождалась рифма.

Рано начал читать: на русском, французском, немецком, – тяга к литературе с годами только увеличивалась.

Превосходно рисовал акварелью и обожал уроки живописи; ваял из крашеного воска целые картины: охоту на зайцев с борзыми, сражение «при Арбеллах» со слонами, колесницами... – Если бы Лермонтов занимался только живописью, он вырос бы в замечательного художника, о чём говорят его пейзажи маслом, акварелью и особенно – блестящая сатирическая графика.

Обожал праздничные потешки и представления на селе – и сам устраивал театр на дому. – Всё это проявилось потом в драматургических опытах и позднем шедевре – драме «Маскарад».

Был одарён способностями музыканта, но не прилежен в рутинных уроках... – Выучился игре на скрипке, фортепьяно, пел по настроению и напевал порой собственные мелодии к своим стихам...

Словом, все искусства волновали гениального ребёнка и кипели в нём подобно огненной лаве, сменяясь одно другим и обогащаясь друг другом.

А в детских играх со сверстниками проявилась склонность к военным потехам, к верховой езде, к гимнастике и ружейной охоте.

Страсть, движение, игра, огненный восторг, неустанная деятельность – всё это было свойственно Лермонтову с самого детства. Но пуще всего в нём бушевало воображение.

Созерцание луны, разнovidных облаков, упоительной красоты солнечных закатов... – небесная стихия властно притягивает его с детства. «Я помню один сон; когда я был ещё восьми лет, он сильно подействовал на мою душу. В те же лета я один ехал в грозу куда-то; и помню облако, которое, небольшое, как бы оторванный клочок чёрного плаща, быстро несло по небу: это так живо передо мною, как будто вижу», – записал он в юношеском дневнике. А в незавершённой повести о Саше Арбенине, резвом и шаловливым мальчике, внезапно заболевшем и надолго прикованном к постели, Лермонтов поведал о скрытом огне душевных грёз, с помощью которых ребёнок преодолевал страдания тела: «Он воображал себя волжским разбойником, среди синих студёных волн, в тени дремучих лесов, в шуме битв, в ночных наездах, при звуке песен, под свистом волжской бури».

Конечно же, это рассказ о самом себе. И он содержит важное признание: «Болезнь эта имела <...> странное влияние на ум и характер Саши: он выучился думать. Лишённый возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой». Новая игрушка оказалась огнеопасной, – взрослый Лермонтов понял это, когда воображение завладело всем его существом и сделалось содержанием жизни.

Вершиной всего, что занимало его в детстве и отрочестве, стало – слово.

Слово всегда приходит позже, вырастая вместе с сознанием – со-знанием смысла жизни, проявляющемся в образе, когда на смену первоначальным впечатлениям и понятиям приходит мысль, выражающая их суть. Всё, что было в душе юного Лермонтова, переплавившись в горниле воображения, претворилось в стихи.

Огненная лавина воображения прорвалась наружу и обернулась лавиной сочинений. Стихи, поэмы, драмы, проза... множество сюжетов, вспыхивающих, как искры, и жаждающие слова... – юношеское творчество Лермонтова похоже на со-творение собственного мироздания.

Это – как зарождение его Вселенной, где хаос преобразуется в космос. Как гигантский черновик, огромнейшая поэтическая мастерская, в которой

наскоро записанные, иногда в нескольких вариантах, тексты теснятся грудой ещё необработанного материала, дожидаясь своего часа.

Его ранняя лирика – пылкие, романтические, сумрачные, мистические монологи, с беспощадной правдивостью и безудержной отвагой испытывающие глубины собственной души, мирские страсти и человеческий характер – и, наконец, небесные бездны, с их вечным противоборством света и тьмы, добра и зла. Его первые поэмы – исследование героического начала в человеке, широкий экскурс в историю народов и родной страны, попытка понять вечные законы духовной борьбы (уже в пятнадцать лет написана первая редакция «Демона»). В этом нагромождении стихов, будто в скопище ещё тёмных, необработанных драгоценных камней, впрочем, уже блистали совершенными бриллиантами такие стихи, как «Парус», «Ангел»...

Прошло время, и из такого сырого произведения, как стихотворение «Поле Бородино», написанного в семнадцать лет, возник шедевр – «Бородино». Другая поэтическая вершина Лермонтова – стихотворение «Есть речи – значенье...» тоже была достигнута далеко не сразу – подступом к ней были два ранних наброска: «К Д.» («Есть слова – объяснить не могу я...») и «К*» («Есть звуки – значенье ничтожно...»). Всё это свидетельствует о том, что Лермонтов сначала почти что бессознательно творил: набрасывал тему, сюжет, схватывал ту или иную мысль, характер, движение души и духа, – предполагая затем вернуться к написанному и довести его до возможного совершенства. «Демона» он писал и бесконечно переделывал в течение всей своей творческой жизни – и, конечно же, создавал и пересоздавал бы поэму и потом, не случись ему погибнуть так рано, – совершенству, как и мысли, нет предела...

Начав марафет стихи в четырнадцать лет, он только к двадцати двум своим годам ощутил ту полноту духовной, душевной и творческой зрелости, которая победила в нём требовательность к самому себе и наконец вывела его – из глубин одиночества – на открытую поэтическую стезю. До этого Лермонтов показывал любопытствующим лишь лёгкие, шуточные стихи и мало кого знакомил со своими серьёзными сочинениями. Скорее всего, по своей исключительной взыскательности он никогда бы не опубликовал большую часть своих произведений, написанных в юности и молодости, – но по его смерти распорядились иначе...

«Бородино» было первым стихотворением, которое поэт сам отдал в печать и подписал своим именем.

И это произошло не раньше и не позже того, как Лермонтов утвердился в самом себе как народный поэт. Конечно, вряд ли он определял своё самоощущение такими словами, но суть от этого не меняется. Перед читающей публикой, а шире – перед народом, он хотел – и появился именно в таком качестве.

Впрочем, к тому времени, то есть к маю 1837 года, когда «Бородино» было напечатано в журнале «Современник», всё произошло само собой: Лермонтова уже знала вся читающая Россия. Знала по одному стихотворению – «Смерть поэта» – не опубликованному, но переписанному в тысячах и тысячах экземпляров множеством людей.

В конце января 1837 года в Петербурге умер Александр Пушкин, смертельно раненный на дуэли. Лермонтов был потрясён: Пушкина он любил беззаветно. Пуля Дантеса словно бы вонзилась и в Лермонтова – и вырвала прямо из сердца тот мощный пламень, что до этого, невидимо для других, бушевал у него в груди. Неизвестно, как бы сложилась его судьба, и личная и творческая, если бы не эта страшная для России потеря... Возможно, сияние

пушкинской поэзии и было самой важной причиной, из-за которой Лермонтов так медлил с печатанием своих стихов: в виду с о л н ц а на небе русской поэзии ему не хотелось явиться незаметной звездой...

Стихотворение на смерть Пушкина определило судьбу Лермонтова резко и бесповоротно. Вернее сказать, сам поэт – раз и навсегда – изменил свою жизнь этими стихами. Бесстрашно и безоглядно. Свободно повинувшись порыву своего могучего естества.

Николай I получил по городской почте стихотворение Лермонтова с припиской: «Воззвание к революции». На докладной графа Бенкендорфа царь написал: «Приятные стихи, нечего сказать: я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся ещё другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону».

За эти непопозволенные стихи поэт был арестован и отдан под суд. Наказанием стала ссылка на Кавказ – перевод из столичной лейб-гвардии в обычный гусарский полк. Если бы не хлопоты бабушки и заступничество влиятельных знакомых, всё могло бы обернуться для Лермонтова гораздо хуже. Впрочем, Кавказ отнюдь не был тогда курортным местом: там шла война...

Явление Лермонтова было столь ярким и неожиданным, что общество далеко не сразу поняло, что же произошло и что за поэт вдруг возник на небосклоне русской словесности.

Георгий Адамович впоследствии с удивлением отметил, что все современники Пушкина входят в его «плеяду», а вот Лермонтова «туда никак не втолкнёшь»:

«<...> он врывается в пушкинскую эпоху как варвар и как наследник, как разрушитель и как продолжатель, – ему в ней тесно и, может быть, не только в ней, в эпохе, тесно, а в самом том волшебном, ясном и хрупком мире, который Пушкиным был очерчен. Казалось, никто не был в силах отнять у Пушкина добрую половину его литературных подданных, Лермонтов это сделал сразу, неизвестно как, с титанической силой, и, продолжай Пушкин жить, он ничего бы не смог изменить».

И далее:

«По-видимому, в самые последние годы Лермонтов сознавал своё место в литературе и своё предназначение. Но в январе 1837 года он едва ли о чём-либо подобном отчётливо думал. Однако на смерть Пушкина ответил только он, притом так, что голос его прозвучал на всю страну, и молодой гусарский офицер был чуть ли не всеми признан пушкинским преемником. Другие промолчали. Лермонтов как бы сменил Пушкина “на посту”, занял опустевший трон, ни у кого не спрашивая разрешения, никому не ведомый. И никто не посмел оспаривать его право на это».

В «Смерти поэта» чувство так живо, простодушно и трепетно, что не сразу понимаешь: стихотворение слишком личное, чтобы быть только о Пушкине. Это ещё – и о себе: тут невольное предсказание и о собственной участи. Так ведь смерть-то – поэта!..

«Бородино» вышло в свет через несколько месяцев, как раз тогда, когда Лермонтов подъезжал к Кавказу на место новой службы.

Жить и творить – отныне уже печатая свои произведения – ему оставалось всего четыре года...

«Смерть поэта» – не самое лучшее и совершенное стихотворение Лермонтова; есть там и фактические неточности. Но при всех издержках оно – по дыханию, по пламенному напору – явление большого огня.

Большой огонь обновляет душу.

Впечатление от этого стихотворения было столь сильным, что никто не заметил вдруг возникшего чуда.

Этим чудом была – лирика.

Несколько лет до этого Лермонтов как лирик жил почти в полном молчании. И вот лирические стихи вновь пришли к нему. Они возникли на выжженном пустыре юнкерских поэм, стихотворной эпики с уклоном в прозу, недописанных романов, что он бросал на полпути, торопливых любовных разборок в виде драматических произведений и прочего... всего, что нанесла его могучая, неугомонная творческая натура на опустевший после юности алтарь лирической поэзии.

«Ветка Палестины», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»), «Кинжал», «Дума»... – чуть ли не сплошь отборные стихи, одно лучше другого. Сильное чувство, стальной ум, неповторимый напев, несравненная интонация!..

В Лермонтове появилось новое качество. Время для него предельно уплотнилось, породив в стихах небывалую энергию содержания.

Внешне Лермонтов жил, казалось бы, своей обычной жизнью офицера, светского человека, доброго приятеля, неутомимого на выдумки и шутки в товарищеском кругу. Но внутри – совершалась совершенно иная жизнь. Душа – вошла в область такого высокого поэтического напряжения, что в любое мгновение поэта и с к р л о – стихами, прозой, замыслами, сюжетами.

И всё равно остаётся удивительной загадкой, как он, молодой гусар, сполна отдававший суетную дань службе и общению с друзьями, который так часто бывал в долгих и утомительных поездках, ходил на Кавказе в военные походы, участвовал в боевых стычках и сражениях, как он, никогда не располагавший настоящим уединением для творчества и тем более – писательским кабинетом, смог написать так много произведений, отличающихся превосходным качеством.

Далеко не все они являлись сразу целиком и в совершенном виде, хотя случалось и такое. Черновики свидетельствуют о тщательной отделке стихов и прозы. В поиске единственно необходимого ему образа он был поразительно неутомим и необыкновенно требователен. Достаточно вспомнить восемь редакций поэмы о Демоне, в которой дух изгнания всякий раз является другим, обновлённым свежими красками и чертами характера. Что вело поэта? что заставляло его вновь и вновь переделывать написанное, порой отбрасывая замечательные строки, изменяя композицию?.. Конечно, им руководила глубокая творческая интуиция, то созидательное наитие пронизывающего воображения, которое, может быть, и нельзя вполне воплотить в слове. Но Лермонтов и стремился к осуществлению невозможного, не удовлетворяясь до конца ничем...

Одно время он собирался печатать «Демона» и даже получил первоначальное разрешение цензуры – однако им «не воспользовался». Читал отрывки в салонах, снял копию для царского двора, позволял расходиться поэме в многочисленных списках, но сам так и не расстался с ней до конца жизни.

Владимир Одоевский однажды спросил Лермонтова, с кого он списал своего Демона? – «С самого себя, князь, – отвечал шутливо поэт, – неужели вы

не узнали?» В этой великосветской шутке кроется невольное признание. Постоянно раскрывающаяся в могучей силе и сложности человеческая и творческая натура Лермонтова требовала такого же по широте души и мощи духа героя: вся внутренняя жизнь поэта была, как и у Демона, полётом меж небом и землёй.

Лермонтовский Демон отнюдь не дьявольского происхождения. Дьявол – сплошная тьма, сплошное зло; Демон «...похож на вечер ясный: / Ни день, ни ночь, ни тьма, ни свет». У тончайшего знатока поэзии Лермонтова Сергея Дурылина это был самый любимый поэтический образ. Этот православный батюшка считал, что около Пушкина стоял ангел Радости, а около Лермонтова – ангел Печали. Он писал:

«В лице Лермонтова написано: в глазах – “какая грусть!”, в усмешке – “какая скука”».

Так и в поэзии: в глазах – одно, в усмешке – другое. А вместе... что ж вместе?

Вместе – самая глубокая, самая прекрасная тайна, какой отаинствована свыше русская поэзия».

Слово найдено – отаинствована...

Демон – средоточие этой самой глубокой и самой прекрасной тайны, отраженье в поднебесье и в небесах лермонтовского духа.

Этот образ рос, проявлялся и воплощался в слове вместе с самим поэтом и, наверное, потому, попросту, не мог быть законченным, как не завершается же вместе с земной жизнью человеческая душа. Это – осмысление земного существования и всего мироустройства с высоты вечного полёта души. Небу зачем-то не хватает земли: Демон, впервые увидев Тамару, вдруг возненавидел свою свободу, «как позор», и свою власть – и позавидовал невольно неполным радостям людей.

И самому Лермонтову в будущей вечности недостаёт земного; в одном из стихотворений он напрямую говорит: «Что мне сиянье Божьей власти / И рай “святой”! / Я перенёс земные страсти / Туда с собой». Наконец, речи Демона к Тамаре так похожи на любимые мысли Лермонтова о ничтожестве земных печалей, бренности человеческой жизни и труда.

Критик Сергей Андреевский писал, что устами Демона поэт излил всю свою неудовлетворённость жизнью, «...т. е. здешнюю жизнью, а не тогдашним обществом, всю исполинскую глубину своих чувств, превышающих обыденные человеческие чувства, всю необъятность своей скучающей на земле фантазии...»

По Андреевскому, Демон – даже не падший ангел: причина его падения осталась в тумане, это скорее – ангел, упавший с неба на землю, которому досталась жалкая участь ничтожной властвовать землёй. «Короче, это сам поэт».

Если в Демоне узнают Лермонтова, то кем же тогда навеян образ Тамары? Судя по всему – Варварой Лопухиной. Ей посвящена третья редакция поэмы (1831), ей же поэт послал шестую редакцию «Демона» с посвящением, и, наконец, незадолго до гибели он отправил ей свою последнюю переделку поэмы. Лопухиной же посвящены такие шедевры, как «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»), «Валерик», поэма «Измаил-Бей» и другие стихи. Студентом, семнадцати лет, он познакомился с этой милой, умной как день, в полном смысле восхитительной девушкой. Двоюродный брат поэта, Аким Шан-Гирей, вспоминал, что это была натура пылкая, восторженная,

поэтическая и в высшей степени симпатичная: «Чувство Лермонтова к ней было безотчётно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей, несмотря на некоторые последующие увлечения...»

«Характер её, мягкий и любящий, покорный и открытый для выбора увлекал его. <...> В неоконченной юношеской повести он в Вадиме выставлял себя, в Ольге – её...», – писал биограф Лермонтова Павел Висковатый.

Таинственная красавица с портрета в незаконченной фантастической повести «Штосс», как и образ прекрасной монахини Тамары, как и Ольга в «Вадиме», свидетельствуют о том, что и в любви Лермонтов искал невозможного – женщину-идеал, женщину-ангела. Конечно, он сознавал, что это «...причуда, понятная в первой юности, но редкая в человеке, который сколько-нибудь испытал жизнь», но ничего поделать не мог: «...есть люди, у которых опытность ума не действует на сердце, и Лугин был из числа этих несчастных и поэтических созданий» («Штосс»).

Художник Лугин обликом словно бы списан с Лермонтова. И неудержимая страсть его к игре вызвана как раз тем, что было так свойственно самому поэту, – виденьем. В повести «Штосс» фантазия смешана с бытовой приземлённостью, иронией, – тем резче, заметнее выделяется своим возвышенным тоном описание этого виденья:

«В эту минуту он почувствовал возле себя чьё-то свежее ароматическое дыханье, и слабый шорох, и вздох невольный, и лёгкое огненное прикосновение. Станный, сладкий и вместе болезненный трепет пробежал по его жилам. Он на мгновенье обернул голову и тотчас опять устремил взор на карты: но этого минутного взгляда было бы довольно, чтоб заставить его проиграть душу. То было чудное и божественное виденье: склоняясь над его плечом, сияла женская головка; её уста умоляли, в глазах была тоска невыразимая... она отделялась на тёмных стенах комнаты, как утренняя звезда на туманном востоке. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно-неземного, никогда смерть не уносила из мира ничего полного пламенной жизни: то не было существо земное – то были краски и свет вместо форм и тела, тёплое дыхание вместо крови, мысль вместо чувства; то не был также пустой и ложный призрак... потому что в неясных чертах дышала страсть бурная и жадная, желание, грусть, любовь, страх, надежда, – то была одна из тех чудных красавиц, которых рисует нам молодое воображение, перед которыми в волнении пламенных грёз стоим на коленях, и плачем, и молим, и радуемся Бог знает чему, – одно из тех божественных созданий молодой души, когда она в избытке сил творит для себя новую природу, лучше и полнее той, к которой она прикована».

Набросок повести сделан в Петербурге в начале 1841 года, последнего года в жизни Лермонтова, когда он приехал в столицу в последний раз. Возвращаясь потом на Кавказ, поэт продолжал думать о повести, чему свидетельство его записная книжка. Исследователи предполагают, что повествование должно было закончиться гибелью Лугина...

Ни с «Демоном», ни с Лопухиной, ни с мечтой своей об идеальной подруге Лермонтов до конца жизни так и не расстался.

Одна, но пламенная страсть...

Последние его годы на земле удивительны по накалу творческого горения. Жажда жизни и деятельности тем сильнее в нём, чем ощутимее предчувствие скорой гибели. И чем больше поэт убеждался в душе, что смерть близка и неотвратима, тем рискованнее он жил.

Лермонтов очень хорошо понимал, кому он бросил вызов теми заключительными шестнадцатью строками «Смерти поэта», и осознавал, что Свободы, Гения и Славы палачи никогда не простят его.

Поэт знал, на что идёт, знал, что его неминуемо ждёт участь Пушкина. И он заранее пригрозил палачам Божьим судом:

*И вы не смаете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!*

Он вызвал их, эту высочайшую знать, надменных потомков известной подлостью прославленных отцов, подыскавших для Пушкина убийцу Дантеса. В ответ они нашли Лермонтову сначала – де Баранта, а затем Мартынова.

Но чем опаснее было жить, тем ярче ему мыслилось и творилось.

Так метеор, приближаясь всё с большей скоростью к земле чтобы разбиться, разгорается небывалым пламенем.

С той же стремительной силой проявлялся в нём гений, росло мастерство. Лирика становилась всё проникновеннее, поэмы – мощнее и отточеннее, проза – всё совершеннее. В эти годы появились такие чудесные произведения, как «Молитва» («В минуту жизни трудную...»), «Памяти А.И. Одоевского», «Как часто, пёстрою толпою окружён...», «И скушно и грустно...», «Три пальмы», «Казачья колыбельная песня», «Завещание» («Наедине с тобою, брат...»), «Родина», «Спор», «Сон», «Выхожу один я на дорогу...», «Пророк» и другие; замечательные поэмы «Сказка для детей» и «Мцыри»; первый русский психологический роман «Герой нашего времени».

Критик Виссарион Белинский долго желал поговорить с Лермонтовым по душам, да всё нарывался на насмешки. Но однажды всё-таки добился своего – попал под настроение: это случилось в 1839 году в столичном ордонанс-гаузе, где поэт сидел под арестом за дуэль с де Барантом. Под свежим впечатлением Белинский написал своему другу:

«Недавно я был у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура!»

А через три года после гибели Лермонтова Белинский, не скрывая изумления, писал:

«Он действовал на литературном поприще не более каких-нибудь четырёх лет, а между тем в это короткое время успел обратить на свой талант удивлённые взоры целой России; на него тотчас же стали смотреть как на великого поэта... И такой успех получить после Пушкина!»

Ссылка на Кавказ, где небо ближе, а опасность за каждым углом, только разогрела поэту кровь.

Отроком Лермонтов уже бывал на Кавказе – сюда привозила его бабушка, Елизавета Алексеевна, чтобы поправить внуку здоровье. Тогда же он влюбился в этот дикий край синих гор, первозданной природы, в свободу и естество той жизни, которой жили горцы. Но по-настоящему Лермонтов проникся Кавказом, его духом, только повзрослев.

Что-то тёмное и неизбежное, непонятное и огромное властно захватило его душу и нашло в ней могучий отклик, и это чувство навеки сроднило его с Кавказом.

Это было – соприкосновение двух стихий!

К стихии гор рванулась навстречу стихия его души.

На русской равнине Лермонтову не хватало этого бунта каменных громад, этих вздыбленных скалистых утёсов, этого разреженного хрустального воздуха. На Кавказе всё было по нему: резкий контраст света и тьмы, жара и холода, безоблачной неги и мятежной тоски...

Недаром вслед за ним, сосланным на Кавказ, туда же чудесным образом перелетел и Демон. Поскитавшись, как неродной, в Испании, больше похожей на декорацию (первые редакции поэмы), Демон только в Кавказских горах обрёл своё истинное место: земля в поэме стала настоящей, живой, нашла свои цвета, запахи, звуки.

Кавказ напитывал память, душу и сердце Лермонтова новыми и сильными впечатлениями: военная среда была полна интересных людей и самобытных натур. Один родственник Лермонтова Аким Акимович Хастатов чего стоил! Храбрец и удалец, известный всему Кавказу. Его боевые приключения и житейские похождения весьма занимали поэта: именно от Акима Хастатова он почерпнул сюжеты «Бэлы» и «Фаталиста». На Кавказе Лермонтов познакомился и сошёлся с Александром Одоевским и другими декабристами.

Война была затяжной, стычки редкими. Об этом вялотекущем противостоянии Лермонтов потом с благодушной иронией написал в превосходном очерке «Кавказец», где точно схвачен характер Максима Максимыча и ему подобных простых офицеров, на коих держалась вся армия. В короткое время поэту стали близки и понятны обе воюющие стороны: и свободолюбивые воины-горцы – и русские солдаты и казаки.

Глубокой осенью 1837 года он писал к другу, Святославу Раевскому:

«С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьём за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов. Ел чурек, пил кахетинское даже...

Здесь, кроме войны, службы нету...»

Восток, колыбель человеческой мудрости, всё больше привлекал Лермонтова, он начал учиться по-татарски, строил планы поездок в Мекку, в Персию и далее, но это было несбыточно. Оставалось лишь проситься в экспедицию с Перовским в Хиву...

Кавказ, как всегда, необыкновенно его взбодрил: Лермонтов часто бывал в переходах, наскоро снимал виды – зарисовывал примечательные места. Слазил на снеговую Крестовую гору и любовался с вершины зелёными долинами Грузии: «...право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух – бальзам; хандра к чёрту, сердце бьётся, грудь высоко дышит – ничего и не надо в эту минуту: так сидел бы да смотрел целую жизнь».

Во второй своей ссылке на Кавказ (после дуэли с де Барантом) Лермонтову пришлось уже воевать. Он показал себя отчаянным храбрецом, удивлял удалью даже старых кавказских джигитов. При этом был всегда весел, острел; впрочем, шутки, как обычно у него, быстро переходили в злые сарказмы. Лермонтову поручили командовать сотней охотников – фронтовых разведчиков, и он со своим лихим отрядом сражался самозабвенно, выбирая самые опасные дела.

В сентябре 1840 года Лермонтов писал к Алексею Лопухину, что шатается всё время по горам с отрядом, и поведал про сражение у реки Валерик: «У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось

6 часов сряду. Нас было около 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и всё время дрались штыками. У нас убито до 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте – кажется, хорошо! – вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела ещё пахло кровью. <...> Я вошёл во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдётся удовольствий, которые не показались бы приторными...»

Но в стихотворении «Валерик», написанном вскоре после сражения, Лермонтов с горечью и отстранённым ужасом ведёт рассказ о бессмысленной резне, о жалком человеке, непрерывно враждующим под ясным небом на земле, где места много всем. Здесь в поэте говорит не столько ненависть к войне, сколько безмерное, высокое сочувствие к человечеству, к человеческой природе, бессильной перед кровопролитием и самоуничтожением.

Лермонтов смотрел прямо на всякую истину, на всякое чувство – и был беспощадно правдив. Верный воинскому долгу, воспитанному в нём поколениями предков, он без колебаний выполнял должное на войне – и чувствовал опьянение в бою. Но он понимал драматизм и трагедию того, что совершают и его братья на земле, и он сам. Двойное зрение, которым он обладал, показывало ему земную правду в свете небесной истины.

Печорин перед самой дуэлью говорит доктору Вернеру:

«Во мне два человека: один живёт в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час простится с вами и миром, а второй... второй...»

Что же второй?.. – осталось недосказанным: Печорин вдруг прерывает свою речь словами: «Посмотрите, доктор, <...> это, кажется, наши противники».

За него договорил критик Сергей Андреевский: «Вот этот-то второй – бессмертный, сидевший в Печорине, и был поэт Лермонтов, и ни в ком другом из людей той эпохи этого великого человека не сидело».

Филолог Пётр Перцов в своих афоризмах пишет, что Лермонтов – «...лучшее удостоверение человеческого бессмертия. Оно для него не философский постулат и даже не религиозное утверждение, а просто реальное переживание. Ощущение своего “я” и ощущение его неуничтожимости сливались для него в одно чувство. Он знал бессмертие раньше, чем наступила смерть».

Может быть, в этом и кроется природа того, отмеченного всеми, поразительного бесстрашия Лермонтова – на войне ли, в обычной ли жизни.

Впрочем, некоторые из знавших поэта считали его поведение безумием и бравадой, а кое-кто усматривал в его безоглядной отваге замаскированное стремление к самоубийству. Но смелый воин и бретёр Руфин Дорохов, тот однажды лишь вздохнул: «Славный малый – честная, прямая душа – не сносить ему головы».

Так и головоломную храбрость Лермонтова на дуэлях подвёрстывали под скрытое желание досрочной смерти...

Однако можно ли называть замаскированным самоубийством нежелание стрелять в Мартынова, как до этого в де Баранта? Очевидно, что как воин Лермонтов признавал за собой право на кровопролитие только в сражении с врагом отечества на поле боя – но не на дуэли. И на войне, и в жизни он искал сильных ощущений, но сам по характеру был отходчив и отнюдь не кровожаден. Да и как тот, кто в постоянном споре с Небом отстаивал своё достоинство, кто постиг своего Демона во всей его безмерной мощи, мог всерьёз считать своими врагами – заносчивого, недалёкого де Баранта или туповатого,

мелкого себялюбца Мартынова? «Французика» ему было вполне достаточно поставить на место, слегка проучить, а с «Мартышкой», как-никак приятелем, поэт готов был тут же помириться. Стрелять в безоружного (а что такое ожидающийся выстрел на дуэли, как не безоружный) было не по нему.

Да и разве всё возрастающее желание Лермонтова выйти в отставку и целиком заняться творчеством, обдумывание трёх (!) романов – свойства тайного самоубийцы?..

Другое дело, Лермонтов не мог не понимать, что в своём вечном споре с Богом («Демон», стихотворение «Благодарность» и другие произведения) он испытывает Его терпение и рискует жизнью.

Но какова суть его «распри» со Всевышним? «Лермонтов тем, главным образом, отличается от Пушкина, что у него человеческое начало автономно и стоит равноправно с божественным. Он говорит с Богом, как равный с равным, – и так никто не умел говорить. <...> Именно это и тянет к нему: человек узнаёт через него свою божественность», – писал Пётр Перцов. Философ развивает свою мысль: «У Гоголя – ещё природный человек, – в вечном смятении перед Богом, как ветхозаветный иудей. Только у Лермонтова он – сын Божий, и не боится Отца, потому что “совершенная любовь исключает страх”»...

Разумеется, бережёного Бог бережёт. Однако поэту, похоже, хотелось знать больше: а сбережёт ли Бог его, не желающего беречься? Он готов был принять всё, что ему велено, – потому и жил мгновением.

Весной 1840 года вышел в свет «Герой нашего времени». Поразительно отличие этого замечательного романа от той прозы, что ещё недавно выходила из-под пера Лермонтова («Вадим», «Княгиня Лиговская»). У современников поэта роман вызвал восхищение. Николай Гоголь заметил: «Никто ещё не писал у нас такую правильную, прекрасную и благоуханную прозой». Виссарион Белинский сказал о «Тамани», что, если её цитировать, то лишь всю, от слова до слова: «...это словно какое-то лирическое стихотворение». Сергей Аксаков писал Гоголю, что находит в романе большое достоинство, и добавил: «Живо помню слова ваши, что Лермонтов прозаик будет выше Лермонтова стихотворца».

Около двух столетий прошло с тех пор, а роман, сколько его ни перечитывай, всё так же свеж, стремителен, захватывающе привлекателен, глубок и по-прежнему блещет живостью, красками, поэзией, умом, юмором, трезвостью оценок, как будто бы написан вчера, – и по языку своему нисколько не устарел. Иван Бунин вспоминает, что Антон Павлович Чехов с восторгом говорил о «Тамани»: «Не могу понять... как мог он, будучи мальчиком, сделать это! Вот бы написать такую вещь <...>, тогда бы и умереть можно!»

Лев Толстой приоткрыл одну из тайн прозы Лермонтова. В пору своей литературной молодости, когда он упорно работал над созданием собственного стиля, Лев Николаевич записал в дневнике: «Я читал “Капитанскую дочку”, – и уввы! должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара не слогом, но манерой изложения. Теперь справедливо – в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самых событий... Повести Пушкина голы как-то».

Интерес подробностей чувства – это явно под впечатлением от образа мыслей Печорина, от его самопризнаний...

Примером исключительной требовательности к самому себе стала первая книга стихов Лермонтова, вышедшая осенью 1840 года. Всего 26 стихотворений – но зато каких: сплошные шедевры! – и две поэмы («Мцыри», «Песня

про <...> купца Калашникова»). А ведь к тому времени у Лермонтова было написано около 400 стихотворений и 30 поэм...

Откровением стали последние стихи поэта, написанные уже после книги. Он открывает в природе – человека, его макрокосмос; очеловечивает её. Когда-то в молодости он сказал: «Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде голубого неба». Теперь, в предчувствии вечной разлуки, он постигает тайную жизнь всего творения: ему больно за камни («Спор»), за растения («Три пальмы»), за воду и её олицетворение («Морская царевна»). В удивительном стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» печаль отрешённости от земного соединяется с завораживающей полнотой чувства жизни. Тут сказано несказанное про вечную жизнь, которою живёт человеческая душа на земле. Тут всё земное смыкается с небесным и растворяется в нём, душа переходит в дух, как земля в небо. Лермонтовский пророк из одноимённого стихотворения, возможно, самого последнего, – со скорбью уходит от людей, не понявших его чистых учений любви и правды.

Не оттого ли поэт так беспощадно обличал человеческую порочность, что всегда был причастен живой тайне Божией.

И тайна эта – насквозь религиозна: духом, самой тонкой тканью своей.

Пётр Перцов определял:

«Если считать существом религиозности непосредственное ощущение Божественного элемента в мире – чувство Бога, то Лермонтов – самый религиозный русский писатель. Его поэзия – самая весенняя в нашей литературе, – и, вместе, самая воскресная. Отблеск пасхального утра лежит на этой поэзии, вся “мятежность” которой так полна религиозной уверенности».

Мистика как мерцающее, светящееся таинственным светом облако всегда окружало имя Лермонтова.

Недаром же мистики, и такие «самодельные», как Дмитрий Мережковский и Василий Розанов, и такие «профессионалы», как Владимир Соловьёв и Даниил Андреев, глубоко и пристрастно думали о нём.

Даниил Андреев в «Розе мира» назвал миссию Лермонтова одной из глубочайших загадок нашей культуры. Он относил поэта, вместе с Иоанном Грозным и Фёдором Достоевским, к числу трёх великих созерцателей «обеих бездн», бездны горнего мира и бездны слоёв демонических. Мистик пытался понять дальнейшую судьбу Лермонтова, не прерви его жизни ранняя насильственная смерть. Очертив богоборческое начало в его творчестве и, противоположную ему, «светлую, задушевную, тёплую веру», Андреев делает вывод:

«Очевидно, в направлении ещё большей, предельной поляризации этих двух тенденций, в их смертельной борьбе, и победе утверждающего начала и в достижении наивысшей мудрости и просветлённости творческого духа и лежала несвершённая миссия Лермонтова. <...> Вся жизнь Михаила Юрьевича была, в сущности, мучительными поисками, к чему приложить разрывающую его силу. <...> Какой жизненный подвиг мог найти для себя человек такого размаха, такого круга идей, если бы его жизнь продлилась ещё на 40 или 50 лет? Представить Лермонтова примкнувшим к революционному движению шестидесятых и семидесятых годов так же невозможно, как вообразить Толстого, в преклонных годах участвующего в террористической организации, или Достоевского – вступившим в социал-демократическую партию. Но этого ли требовали его богатырские силы? Монастырь, скит? Действительно: ноша затвора была бы по плечу этому духовному атлету <...>. Возможно, что этот титан так и не разрешил бы никогда заданную ему задачу:

слить художественное творчество с духовным деланием и подвигом жизни, превратиться из вестника в пророка. Но мне лично кажется более вероятным другое: если бы не разразилась пятигорская катастрофа, со временем русское общество оказалось бы зрителем такого – непредставимого для нас и неповторимого ни для кого – жизненного пути, который бы привёл Лермонтова-старца к вершинам, где этика, религия и искусство сливаются в одно, где все блуждания и падения прошлого преодолены, осмыслены и послужили к обогащению духа и где мудрость, прозорливость и просветлённое величие таковы, что всё человечество взирает на этих владык горных вершин культуры с благоговением, любовью и трепетом радости».

Но всё это – запредельные догадки...

Свою миссию на земле поэт всё же свершил, насколько это было ему дано свыше.

Его загадочную судьбу, напоённое тайнами творчество ещё долгие и долгие годы будут осмысливать и постигать люди.

С тех пор как неизвестно куда отлетела эта великая душа, земля словно одушевлена, словно отаинствована ею. И наше слово, наша словесность, наши души – разве не изменились под неповторимым её и неизбывным, вечным уже излучением! Сам состав русской души – переменялся в чём-то под воздействием души лермонтовской.

Всем своим существом Лермонтов влился в то, что называется русским духом, стал его составной частью, духовной опорой в дальнейшем пути русского народа да и всех людей на земле.

Душа поэта – осознаётся это или нет кем-либо, да и всеми нами – живёт в наших душах, в нашей жизни. И навсегда останется жить.

ПОЭЗИЯ

Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ

АНАТОЛИЙ ПШЕНИЧНЫЙ

Анатолий Григорьевич Пшеничный – член Союза писателей России, член Высшего творческого совета МГО СП России, автор многих поэтических книг и музыкально-песенных альбомов. Лауреат Премии Ленинского комсомола, Премии Службы внешней разведки, Всероссийских конкурсов патриотической песни, Дипломант телевизионного фестиваля «Песня года». Песни на его стихи звучат в исполнении многих звёзд российской эстрады. Окончил филфак Уральского государственного университета и Дипломатическую Академию МИД. Долгое время работал в российских загранучреждениях в Западной Европе.

Живёт в Москве.

«Возьми нас домой, Россия!..»

Работа над ошибками

Нам вопрос этот не на засыпку –
За отцов отвечают сыны.
Мы сумели исправить ошибку:
В слове «Крым» снова пишется «Ы»!
Бьют нам в спину глухие проклятья,
Будто камни из вражеских рук...
В один миг наречённые братья
Отречёнными сделались вдруг.
Не за вас нам обидно – послушных
Хитрой воле чужих главарей,
А за ваших красивых хохлушек,
За надёжных донецких парней,
За медаль, что под Киевом деду
Командир вручал в сороковых,
И за общую нашу Победу,
И за преданных наших святых!..
А сегодня сам Вий бы без дрожи
Не глядел, как ползут меж костей
На свет Божий небритые рожи –
Вурдалаков в обличье вождей!
И, «пугая ежа голой попой»,
Верещат: «...Сжечь Россию грозой!»...
...«Ще не вмерла?...» –
 давай же – попробуй –
Погрози нам потешной косой!

Мы себе не творили кумира,
Когда встав за столом во весь рост,
Мы на выдохе: за командира! –
Поднимали свой искренний гост.
И пусть жить нам сегодня не шибко
В мире бешеной лжи и казны,
Мы сумели исправить ошибку –
В слове «Крым»
 снова пишется «Ы»!

9 Мая 2014

Жизнь и смерть...
А меж ними, как сводня –
Полосатая звёздная длань ...
Марширует в «небесную сотню»
По Майдану крикливая дрянь...
Из какой же разорванной пасти
Они выползли вдруг меж корней –
Впившись в землю обрубками свастик,
Вздыбив кости былых главарей?!
...Но какая орда или стая
Белый свет этот может снести,
Если день наш – «9-е Мая» –
Будто крепость стоит на пути?!
Если снова – не взят, не растоптан,
Стиснув зубы навстречу врагу –
В белой «форменке» встал Севастополь –
На российском родном берегу!

Откуда берутся силы
У загнанных в пустоту?..
«Возьми нас домой, Россия!» –
Кольшется на ветру.
Так – гибнущий в море кто-то
Шлёт крики радиogramм,
Так в детских домах сироты
Тайком окликают мам...
Взлетела с трезубца, каркнув,
Багровая стая крыл,
Чтоб вздрогнул Донецк и Харьков,
И чтоб захлебнулся Крым.
Славянская твердь качнулась,
Но как от дурного сна –
Россия моя очнулась,
И вспомнила – кто она!

И вспомнив свои народы,
 Плечом повела в ночи
 И пылью стряхнула годы
 Сидения на печи.
 Под бешеный вой и клёкот,
 Раздвинула правдой ложь,
 Крутой распрямила локоть
 И выдохнула:
 – Не трожь!..
 Вибрирует ось земная,
 Как будто перед войной,
 Но слышится вновь: «Родная,
 Возьми нас к себе домой!»...

Белый храм

Памяти Игоря Талькова

Уж так устроен белый свет –
 И это снова повторится –
 Когда рождается поэт,
 То перед ним или вослед
 В ночи рождается убийца.

Лишь небеса над головой
 У них всегда одни и те же,
 И в этой схватке роковой
 До срока – дым пороховой
 Как дым табачный – безмятежен.

Поэт не верит в этот срок,
 Как зной не верит в день метельный,
 Над перекрёстками дорог
 Крыла его летучих строк
 Оберегает крест нательный,

Но без конца болит душа,
 И вместо песенок «во славу»,
 Столпы сановные круша,
 Стекает боль с карандаша –
 За оскорблённую державу!

Ему шептать бы о любви,
 Ему б сюжеты интересней!
 Но на слезах и на крови,
 Держа иконы, алтари,
 Как белый храм,
 восходит песня!

Она восходит там, где мгла,
 Где славят лживого мессию..
 Ея сияют купола
 И бьют ея колокола:
 Спаси и сохрани Россию!..

Кому опасен ты, поэт?
 Кому от слов твоих не спится?

Смолкает зал,
 И гаснет свет,
 Лучи находят силуэт,
 И поднимается
 Убийца...

...Но храм из музыки и слов
 Стоит весь в белом на опушке.
 Неотомщённые,
 С крестов
 Глядят Рубцов и Гумилёв,
 Есенин, Лермонтов и Пушкин.

...И вновь рождается поэт.

После просмотра фильма «Высоцкий...»* –
 Того, где за звёздами неба не видно,
 Хочется выплеснуть в мир этот плотский –
 Горло сдавившее слово: «Обидно...».
 Как же обидно за память со сроком,
 За воссиявших, пропевших, но павших –
 наших поэтов и наших пророков,
 наших героев и гениев наших!
 ...Наши поэты и наши пророки,
 Певшие так, как другие не смели!
 Что нам их слабости или пороки –
 Мы их не знали и знать не хотели!
 И в настоящем, а не во вчерашнем
 Времени – без понуканий и рвачеств –
 Правду за нас говорили бесстрашно,
 Гибли за нас, за кулисы не прячься!

* Фильм «Высоцкий. Спасибо, что живой...» ТВ,
 1-й канал, 2011 г.

Мы и сегодня в тоске стопричинной
Слушать готовы их песни и речи –
Ценятся горы по свету в вершинах –
А не по сумраку гибельных трещин!

...Сладко отсчитывать дозы и литры
Тех, кто в бессмертье летел средь заторов...
Кончился фильм, и осыпались титры
Мелочью медной с известных актёров...

И на Урале, где вспоены кровью
Сосны, застывшие в позе вопросов,
Жизнь променявший на подлость сыновью –
Больно аукнулся Павлик Морозов...

...Как тяжела ты, предательства рана,
Лучше бы сразу удар ножевой!..
Кажется, крикнуть хотел он с экрана:
«Скажите спасибо, что я не живой!...»

Камешек удачи

Мне, выходит, повезло,
Как твердят всезнайки,
Что увидел я его
Среди прочей гальки.

Я теперь от всех тревог
Ограждён незримо –
Ведь со мною будет Бог –
Будет «Бог куриный».

Тот, кто шутит – тот живёт,
Шутки принимаю...
Но покоя не даёт дырочка сквозная.

Камень, кто тебя пробил,
Неужели волны?
Камень, кто тебя убил,
Неужели войны?

Неужель, чтоб Богом быть,
Нужно через кости
Непреренно пропустить
Пули или гвозди?..

Набирают друзей в интернете,
Как грибы в лесу – только б успеть!
Дяди взрослые, тётки и дети
Позывные забросили в сеть!
Пальцы быстрые в клавиши тычутся –
Отыскать, заловить, обогнать:
«У тебя уже сколько? Ах, тысяча!
У меня зато – тысяча пять!..»
Как на нитку бесщётные бусины
Всё нанизывают имена...

Оглянитесь, ослепшие юзеры,
На не знавшие вас времена!
Там – без клавиш блютузно-вайфаевых
Мы умели сжимать кулаки,
Там друзей на всю жизнь выбирали мы
За надёжность и крепость руки!

...А земля всё такая же, вроде бы,
И вода, но, как кровная месть
Входят в мозг – виртуальная родина,
Виртуальная дружба и честь?

...Заболею – код дальнего города
Наберу, позабыв ноутбук:
– Здравствуй, друг. Без тебя что-то холодно...
И услышу:
– Дождись меня, друг!..

Позывные ушедших друзей

В тесной книжке моей телефонной,
Что бывшее хранит, как музей,
Продолжают свои перезвоны
Телефоны ушедших друзей.
Вот Серёга, вот Юра, вот Сашка –
Сократившие путь свой земной,
С кем мне было по жизни не тяжко,
Кому было не тяжко со мной.

Среди шумных вестей, новостей и гостей,
Где бы вас ни носили ветра,
Пусть как прежде живут позывные друзей –
Не спешите стирать номера!

Мы не так уж и прожили много,
И летая маршрутом своим,
Не судили товарищей строго,
Чтобы быть не судимым самим.
Так же падают листья и звёзды,
Те же волны звенят у колен...
Только жалко – мы поняли поздно,
Что друзьям не бывает замен!

Среди шумных вестей, новостей и гостей,
Где бы вас ни носили ветра,
Пусть как прежде живут позывные друзей –
Не спешите стирать номера!

В пробке

Бедные тачки – «Порше»
и «Феррари»!..
Вам бы на скачки, вам бы на ралли...
Вам не терзать бы мосты и коробки,
Мордами тычась в московские пробки!
Вам не шарахаться б так вот – не гордо,
На холостых оборотах скуля –
Вон от того полудохлого «Форда»,
Иль, прости Господи, от «жигуля»!..

Так вот и люди – солдаты амбиций –
Рвутся из отчих просторов в столицу
И разбивают высокие лбы
О беспросветную тяжесть толпы!
В людоворотах и судьбомешалках –
Гений, герой ли – упрям и ретив –
Быстро теряет породу в осанке,
В пазла кусочек себя обратив...

Что же нас гонит, скажите на милость –
В непроползаемость, непроходимость,
В эту опасную, будто бы ВИЧ,
Ложную капсулу
с брэндом: «Москвич»!..

Но где-то есть ведь в России просторы,
Где только ветер свистит у виска,
Где не тоскуют педали и шпоры!
...Ну разожми свои когти, Москва!..

И будем знать мы
без всяких пророчеств,
Вольно шалея от вольной тропы:
Самое страшное из одиночеств –
Есть одиночество среди толпы!

Не окончена дорога,
И цветёт в окошках сад...
Мне осталось жить немного –
Лет, примерно, шестьдесят!

За спиною – та же дата.
Но, коль правду говорить:
Не хочу я вас, ребята,
Перепеть иль пережить –

Чтоб, оставив без испуга
Эту жизнь навеселе,
Точно знать,
что есть за друга –
Кому выпить на Земле!

Песня о городе Славянске

Танцуем в кругу и хмелеем от ласк...
А где-то врагу не сдаётся Славянск!
Отчаянный город – судьба без прикрас,
Но – маленький – гордо он встал за Донбасс!
И вот уж с орудий снимают чехлы –
Недобрые люди, хоть тоже хохлы,
Крещёные тоже, но вросшие в ложь –
Где лица, где рожи – не сразу поймёшь!

Припев:
Вам – злоба, а нам – вера,
Нам – край, а вам – откос!
Обама вам с Бандерой,
Нам – Иисус Христос!
И песня поётся, как было не раз:
«Врагу не сдаётся наш гордый...» Донбасс!

«Ату!» – кричит Рада!..
Но «съели блицкриг» –
И Штаты, и НАТО, и «Еврокирдык»!
Встал город к ним грудью, а смотрит на нас...
Но «вежливым людям» не отдан приказ...

А мы в день Победы всё смотрим в «Вестях» –
 Как наши полпреды не гнутся в боях!
 За люд православный – стеной и горой.
 Пусть силы не равны... Но нам не впервой!

И нам не впервые быть в битве одним,
 С того и живые – что веру храним!
 С того-то и крепнем, что в вере у нас
 Есть Брестская крепость
 И город Славянск!

Июнь 2014

...Красивый тост, красивый миф –
 Но тает...
 Бросают русские своих –
 Бывает...
 Суровость прежняя в лице,
 Но ясно:
 «Идти на выручку «нецелесообразно...»
 Кипят сомненья на плите
 И страсти:
 А вдруг те русские – не те
 Отчасти?...
 Запрут в европах вдруг «на раз» –
 Нам двери?
 А вдруг подумают про нас:
 Мол, звери!..
 Но сквозь бои, пожары, грязь
 Фальш-игр
 Глядит на Русь – пусть и не князь –
 Но Игорь!
 Стоит, как в «Слове о полку» –
 Бессонно!
 И превращаются в труху
 Резоны:
 О «нашем всём» – то есть про нефть
 С газом,
 Что можем мимо пролететь
 Разом!
 О том, что гибче надо жить
 В мире,
 С «как бы партнёрами» дружить –
 Или!...

...Страх – насквозь на погранпостах –
 На вынос –
 С застывшим криком на устах:
 – Спаси нас!
 Здесь боль, там бой – тоска везде
 Такая!..
 ...С какого ж – «русские не те» –
 Края?

Как я жил без тебя? –
 Обжигает вопрос –
 То удачу ловя,
 То летя под откос...
 Неужель над ветлой
 Также голубь летел,
 И хрустальной метлой
 Также дождь шелестел?

Как дышать было мне,
 Всяких-разных любя,
 В той напрасной стране,
 Что звалась
 «Без тебя»?
 Неужель тебя там
 Нежил кто-то другой,
 Изгибая твой стан
 Сладкостонной дугой?

Неужель выбирал
 Не тебе я цветы,
 И меня по утрам
 Целовала не ты?..
 Только помнится мне:
 В жизни ветреной той
 Я мечтал о стране,
 Что зовётся –
 «С тобой»!

...Солнце катится с крыш,
 И улыбкой слепя,
 Ты навстречу летишь...

Как я жил без тебя?

Снова нам цветными голосами
Будут петь из рощи соловьи.
Мне светло с закрытыми глазами,
Если губы рядышком твои.

Может, просто я погорячился
Иль из века вышагнул не там,
Что такой вот радости напился,
Зачерпнув любви не по летам?

Но когда тебя я покидаю –
На денёк, на месяц – всё равно –
Без тебя, голубушка родная,
Мне под всеми звёздами темно!

Потому, порой перекрестившись,
Я тревожусь думою одной:
Вдруг придётся,
с жизнью не простившись,
В темноте остаться ледяной?...

Сам с собою не буду я драться,
Пусть меня не сумела постичь –
Ты, привыкшая остерегаться,
Как любая
красивая дичь.
Ведь и вправду – не сразу сегодня
Разглядишь из-под тонкой руки:
Кто из нас –
беспощадный охотник,
А кто – просто стоит у реки...

Я над этой рекой не зависну,
И растаешь в её серебре –
Ты, привыкшая к здоровому смыслу
В бесконечной любовной игре.
И совсем не твоя в том погрешность,
Что – не знавшая бед до сих пор –
Задыхается поздняя нежность,
Получившая ранний отпор...

Ничего, я ещё отряхнуться
От волны этой горькой смогу,
И прощальные ветки сомкнутся
За тобою на том берегу.

Постою над зелёной волною,
Прикурю от искрящей ветлы...
И тихонечко так под полою
Отодвину от сердца стволы.

В это чудо – верю и не верю...
Так и петь бы, счастье не дробя,
Но живёт предчувствие потери
У меня, нашедшего тебя.

В этих думах непроизносимых
Я тебя не спутаю с другой.
Знал я много девушек красивых,
Но не помню нежности такой.

И опять смотрю я, замирая,
Будто ослепляемый лучом:
Ты летишь, голубушка родная,
На моё горячее плечо.

Полыхнёшь зелёными глазами,
Назовёшь на выдохе: родно-ой...
Было много в жизни моей званий,
Но такой награды – ни одной!

И когда – ну будто бы шутливо –
Вдруг тебя возьмусь я укорять:
Это не от ревности тоскливой,
Это – из-за страха потерять.

И вдруг ты когда-нибудь устало
Скажешь мне: прощай, мол, и держись...
Я отвечу: много, что терял я,
Но ещё ни разу, чтобы жизнь.

Прощённое воскресенье

...А на церковных куполах
Зажёт лампы луч весенний,
Природа снова расцвела
Перед прощённым воскресеньем,
А мы по разным адресам
Глядим на разные закаты...
Легко просить прощенья нам
У тех, пред кем не виноваты.

А вдруг – упрёков и обид
Совсем не зря нас мучил вирус?
Ведь даже лампа не горит,
Коль дважды «плюс» и дважды «минус».
Как не понять тепла без стуж,
А радость встреч без расставанья,
Так притяженью наших душ
Не жить без противостоянья...

Давай помиримся – не вдруг,
В святое это воскресенье,
Ведь неспроста же, словно круг,
С небес нам брошен день прощенья!
И тёплым дождиком влетит
В ладони пусть былая вьюга,
И если нас сам Бог простит,
Давай и мы простим друг друга.

Чёрная полоса

Мне опять до рассвета не спится
У чужого, скупого огня,
И удача – весёлая птица –
Прямо в тучи ушла от меня.
Битый жизнью и ею же ученый,
От России уехавший прочь,
Полосою настигнут я чёрной –
Шириною в полярную ночь!

Только в песне не будут я плакать
В этом дальнем нерусском краю,
Нет бесценнее вещи, чем память –
Я на память надеюсь свою,
Я кручу её, как киноплёнку,
Словно спички в тайге, берегу:
Вот речонка моя,
Вот девчонка,
Вот дорога в глубоком снегу...

Здесь у зим не такие приметы,
Здесь у вёсен другой перевал,
Здесь нацелены вражьи ракеты
На Москву и родимый Урал,
И на дальнюю точку на карте,
Где живёт моя грустная мать...
Вы, ракеты, забудьте о старте –
Я зубами вас буду держать!

Пусть сегодня я корчусь от боли,
Будто в сумерках сбит на шоссе,
Чтоб любить белый свет этот дольше,
Нужно в чёрной пожить полосе.
Туча высохнет, ветер умчится,
И звезда засияет в окне,
И удача – весёлая птица –
Снова на руку сядет ко мне!

Родная речь

Я не привык к чужому языку,
И сколько ни учил и ни старался,
Как будто конь о камни на скаку,
Я о чужие слоги спотыкался.

А рядом были асы, знатоки...
Но холодело сердце моё снова,
Когда мои родные земляки
Вдруг русского не находили слова...

Родная речь!
От Родины вдали,
Где в слове «Русь» –
 значение крамолы,
Я опирался, как на костыли,
На чуждые, скрипучие глаголы,

И как последних спичек коробок
В таёжном замороженном зимовье,
Я свой родной уральский говорок
Оберегал в трескучем чужесловье.

Спасибо, память, стражница-сова,
Что ты очей на службе не смыкала,
Не выпускала отчие слова
И без нужды чужие не впускала.

Пусть я высот служебных не достиг,
Хоть и постиг земные перегрузки,
Но не усвоил русский мой язык
Нелепой фразы:
 «Как это по-русски?..»

Предатель

...Он был среди нас, он жил среди нас,
Он пил среди нас, он ел
И песни наши русские
 он вместе с нами пел...
И снова не поймешь никак
Судьбу ты до конца,
Когда она в заложниках –
 у подлеца...

Ах, какие играли мы сцены,
Наши главные роли не счесть,
Но всё падают, падают цены
На достоинство, дружбу и честь.
А давно ль, не скуля по наградам,
От рискованных качались мы дел!
И при этом всегда он был рядом –
Этот мальчик, что всюду успел!

Над Сибирью,
Родимым Уралом
Вьётся тень временных поясов.
Нет за нами отцов-генералов
Или дядь – чрезвычайных послов.
За спиной запыхают мосточки,
Вздумай кто предписать нам удел!
... Что ж вы сделали, дочки-сыночки,
С этим парнем, что всюду успел?

Где-то волны катают со стоном
Волга, Днепр и сам Енисей.
За Гудзоном он дышит озоном,
Заплатив именами друзей,
Но спиной к нему новый приятель
Не решается встать, как ни смел,
Он-то знает, что рядом –
 предатель,
Этот мальчик, что всюду успел.

Ах, какие играли мы сцены!
Наши главные роли не счесть.
Я хочу, чтоб не падали цены
На достоинство, дружбу и честь.
А ещё я хочу, как и каждый,
Продержаться до судного дня
И в глаза посмотреть хоть однажды
Тому парню, что предал меня...

Он был среди нас, он жил среди нас,
Он пил среди нас, он ел
И песни наши русские
 он вместе с нами пел...

Транзитный пассажир

Кузнечикам и оводам завидуя с тоской,
Живёт бедняга Сноуден в транзите под Москвой.
Лицом небритым радуя и сухари суша,
Грозит он страшной правдою родимым США.
 Качать героя б надо,
 Да вот беда в одном:
 Никто не любит правду
 На шарике земном!
От счастья ли, от горя ли запить? Он не поймёт.
Вот сдался б нашим вовремя – другой бы был подход.
Считался бы разведчиком. Но, правду слить спеша,
Рванул он опрометчиво к «партнёрам США».
 Наивное решение!
 Не знал – себе на грех,
 Что к правде отношенья
 В Москве, как и у всех!!
Почти никем непонятый, ненужный никому
Живёт бедняга Сноуден в транзитистом дыму...
Живёт и трепыхается, как муха на стекле,
И в правде убеждается: нет правды на земле.
 Никто не счёл за счастье
 Транзитника принять...
 И лишь Мадуро с Чапман
 Не в силах отказать!...

Июль 2013

В пивной баварской...

Как будто явь после дурмана
Плывёт из глаз – и не зови!..
Россия – вотчина обмана?
А было – родина любви!

Десант в горах сожжён поротно,
Вмёрз обелиск в слюну юнцов...
Россия – страха подворотня?
А было – родина борцов!

В пивной баварской –
 недобитый
 Фашист мне тыкал под ребро:
 «Твой Русланд – вас ист хойтэ, биттэ? –
 Твой Русланд хойтэ ист зеро!..»

Я пиво в бешеную морду
 Дипломатично не плескал,
 На дне стакана зло и гордо
 Я долго истину искал

И размышлял:
 «Мычать вам рано
 Моей России “се ля ви”,
 Быть может, ложь ей, словно манна,
 Что без обмана нет любви...»

...Но в храме
 ликами простыми
 С небесной праведной стези
 Качали горестно святые
 Всея невылганной Руси...

Воздух родины

Кто удивится, а кто засмеётся,
 Кто посветлеет лицом:
 Воздух в Париже –
 И тот продаётся
 В баночке с тонким кольцом.

Мы улыбнёмся заморским курьёзам:
 Что же, Париж, весели!
 Правда, бывает,
 Мы тоже увозим
 Горстку родимой земли.

Сделали если бы –
 Не для прилавка –
 Тем, кому вёрсты вразброс,
 С воздухом Родины лёгкую банку
 Я бы с собою увёз.

Чтобы успеть, коль придётся, ребята,
 Мне пропадать где-нибудь, –
 Вырвать кольцо, как чеку из гранаты, –
 Воздух России вдохнуть.

...Кто удивится, а кто засмеётся,
 Кто посветлеет лицом:
 Воздух в Париже – и тот продаётся
 В баночке с тонким кольцом.

Белые поленья

Затопила мама печь
 Белыми поленьями.
 Хорошо с дороги лечь –
 К потолку коленями,
 Будто вдаль не унеслось
 Зим четыре короба,
 Будто вовсе я не гость
 Из большого города.

Замело былую грязь
 Белою порошею.
 Только мать и дождалась,
 Да друзья хорошие,
 Ну а та, кто столько лет
 Каждой ночью снилась,
 Мне украдкой вослед
 Лишь перекрестилась...

От конца и до конца
 Я посёлок вымерю,
 Над могилою отца
 Сигарету выкурю.
 – Чей же будешь-то, юнец? –
 Спросят долгожители
 И вдогонку:
 – Молодец,
 Не забыл родителей...

Стог соломы, как луна
 Светит над пригорками,
 Настоялась тишина
 На берёзах с ёлками.
 Обронил заботы с плеч
 Ветками оленьими...
 Это мама топит печь
 Белыми поленьями.

Куда уходят матери от нас?..

Вы сбавьте шаг, когда идёте мимо
Простых оград, где крестик да трава...
Любовь и мама –
Так неразделимы
Простые эти,
 добрые слова!

Нам не до писем.
Мы – как телеграммы –
Туда-сюда...
Не помня до поры,
Что не было бы без любви и мамы
Ни нас самих, ни нашей детворы,
Ни сладких снов на золотом восходе,
Ни лучших слов с росинками у глаз...

А всё-таки – куда они уходят?
Куда уходят матери от нас?

Средь миллионов или миллиардов
Лучистых звёзд, сигналиющих во мгле,
Я точно знаю – матушкиным взглядом
Горит одна –
И тянется к земле!

Она горит, она не умирает,
Чуть отдохнёт и запылает вновь...

Нам наши мамы землю согревают,
Чтобы на ней не кончилась любовь!

Начинаю сначала

Не беда постучала,
И не рухнула высь,
Но сегодня – сначала
Начинаю я жизнь,
Начинаю – рискую
У судьбы на краю –
Неизвестную, злую,
Но до нитки – свою!

В этот вечер негромкий,
Где закат, как экран,
До прокушенной кромки
Я наполню стакан,

Словно бритвою, водка
Полоснёт под губой,
Непростая работка –
Расставанье с собой!

До свиданья, подруги,
До свиданья, друзья,
Не вините в испуге,
Покаяньем грозя!
Если в чём и покаюсь –
В том, что хлебом крошил,
В том, что жил, пригибаясь,
И что мало грешил...

Столько лет за спиной –
Быть пора бы уже
Голове – с сединою
И покою – в душе!
Но покой или волос –
Это сущий пустяк,
Если жизнь напоролась
На два слова:
«Не так».

Не ищите улики,
Ведь не взять под вопрос
Чёрно-белые блики
На клавирах берёз.
Все торги да уступки,
Тряпки, «бабки», гульба...
Чем дороже покупки,
Тем дешевле судьба.

Так и жил, подражая
Всяким, с кем ни свяжись,
И чужая, чужая
Ты была, моя жизнь.
Я тобой не торгую
И на самом краю
Начинаю другую,
Но до нитки – свою.

Не надо,
 не надо,
 не надо
Про пользу церковных идей –

Не будет ни рая, ни ада,
А будет лишь – память людей.

Совсем не старинные книжки
Решат в вековой полумгле:
Кому там – ни дна, ни покрышки,
Кому – обелиск на скале.

И вовсе не лик на иконе
Назначит, учтя оберег:
Кого – миллионы запомнят,
Кого – лишь один человек.

Но всё-таки хочется верить,
Что где-то – в пределах иных –
Получат и люди, и звери
По бранным деяниям их...

Какая ж нужна мне награда?
Какую хочу благодать? –
Да просто не надо,
 не надо,
Не надо меня забывать!

На эскалаторе метро

Звякнут ходики с надписью «Слава»,
Новый день оседлает коня.
Вы простите,
Стоящие справа,
Пролетевшего слева –
Меня!
О рывок раскалённого века –
То ли час,
То ли год,
То ли век!
Будто в глобус пугливая белка
Забралась и затеяла бег!
Будто вечно тебя подрезает
Наших дней голубая тесьма –
Не хватает минут,
Не хватает –
Для улыбки, для ласки, письма!..
Нам на это роптать не зазорно,
Каблуками качая экспресс –
Если времени станет по горло,
То останется жизни в обрез!

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Елена ТРЕТЬЯКОВА

Чаша на пиру

Елена Юрьевна Третьякова – доктор филологических наук, профессор, автор книг и статей об А.С. Пушкине, Ф.М. Достоевском, Ю.П. Кузнецове, а также ряда учебных пособий филологического и культурологического профиля. Родилась в 1957 г. в Ташкенте. Окончила филологический факультет Ташкентского государственного университета в 1979 г. С 1980 г. печаталась в ведущих столичных и республиканских изданиях. Педагогический путь – ТашГУ (1985–1996), КубГУ (1996–2009), с 2003 г. по настоящий день преподаёт историю отечественной литературы в Краснодарском госуниверситете культуры и искусств. Редактор журнала «Культурная жизнь Юга России».
Живёт в Краснодаре.

Главное, что выделило Юрия Поликарповича Кузнецова из круга современных ему представителей отечественного искусства и сделало непохожим на коллег-товарищей по писательскому цеху, было обострённое чувство ответственности за то, что мы, дети модернистского XX столетия, теряем эпическое миропонимание и дарованное языком глубинное чутьё к целостной связи между человеческим бытием и словом. Об этом стоит говорить, поскольку он один из немногих поставил верность поэтическому долгу превыше требований века и не сменил латы духовных ратоборств на экипировку глашатаев небывалого.

На порог третьего тысячелетия мы пришли с неутешительными итогами. Гонку «техники и скоростей» сменила общая усталость. За лихорадочными видениями развала страны не встало что-либо ясное. Сквозь марево апатии людей поманили в расцвеченный льстивыми обещаниями потребительский рай. И тогда обнаружилось, что за бросками из крайности в крайность, от помпезности к иронии, от изысков к примитиву модернистский век обделил людей главным. Их как бы обнесли чашей на жизненном пиру: физически присутствующим поколениям не хватало мудрости, чтобы понять и принять друг друга, недоставало времени, чтобы прорастить сквозь себя устойчивый стержень культуры тысячелетий. Всё, вырванное из самобытных уз, становилось эклектичным, индивидуалистским. И мир пропитался фальшью, и слово стало неверным, а поэзия по большей степени искусственной. Подобные новации чужды естественной природе языка, именно они и городят глухую стену между былым и грядущим национальной культуры.

Живой язык наделяет людей эпическим пониманием мира – более глубоким и ёмким, нежели ситуативный смысл, даруемый реальными событиями или их отражением в текстах (сюжет, всплески эмоций, пережитые автором и персонажами художественного произведения). Такова

зидительная опора традиции наших предков. Опора не столь уж далёкая: эпический стержень русской ментальности вполне целостно передают православная книжность Средневековья и классика отечественной словесности золотого XIX века. Это наследие дарует нам особый, ничем не заменимый опыт восприятия. Ты погрузился в чувства раскрывшегося тебе сердца и – абсолютно одновременно – начинаешь видеть весь спектр субъективных волнений, весь лабиринт раскрывшихся тебе дум иным, не субъективным взором.

Откуда этот эффект, не лирикой порождённый, не из лирического переживания проистекающий, и почему именно он, а не жгучий напиток чувств утоляет душевную жажду? Василий Андреевич Жуковский называл эпическое чутьё сердечным воображением. «Впитанное сердцем», это чутьё насыщает строки Александра Пушкина, о нём говорится в элегиях Антона Дельвига («Когда ещё я не пил слёз из чаши бытия», 1822), Михаила Лермонтова («Мы пьём из чаши бытия», 1831), приоткрывающих тайну неавторских пластов человеческой мудрости – свойства языка, прародиной которых была метонимия, а не метафора.

*Мы пьём из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами.*

*Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадает,
И всё, что обольщало нас,
С завязкой исчезает,*

*Тогда мы видим, что пуста
Была златая чаша,
Что в ней напиток был – мечта,
И что она – не наша!*

Метафора, надо сказать, гораздо более позднее приобретение ума, – этакий умозрительный инструмент переносов смысла в разорванном пространстве, возможность соединять далёкие друг от друга предметы посредством авторской фантазии. А метонимия явление столь же древнее, как и естество языков, каким оно было до изобретения письменности. Органичное сращение свойств части со свойствами целого, метонимические смыслы аккумулируют и полноценно передают многовековые энергии культуры. Носители устного народного предания справляются с трансляцией этого потенциала гораздо лучше, чем представители книжной образованности. Дело в том, что законы письменной речи тяготеют к мышлению метафорическому. Воспитывая именно его, они подменяют эпическое восприятие мира (по природе метонимичное) индивидуалистическим типом речемышления.

Эпичность как языковое умение сравнима с «умением» природы делать белый луч из радуги. При произнесении каждая реплика окрашена присутствием говорящего лица (или лиц) – в этом смысле говорящий избирает одну из разноцветных полос радужного спектра. Акт говорения и его результат – высказывание окрашены либо субъективно (точка зрения Я), либо субъект-субъектно (координация позиций Я и ТЫ), либо коллективно (выраженное от имени МЫ). Однако каждый из нас не только говорит сам, но и чужую речь слушает или читает, то есть участвует в акте понимания. Вот тут-то важно

уметь собирать многоцветный спектр в абсолютно прозрачном луче. Иначе понимание никогда не станет полным. Оно приобретает полноту только тогда, когда форма сказанного заслоняет для слушателей (читателей) восприятие целостное – не подотчётное индивидуальным («твоим», «моим») устремлениям, *этически* прозрачное.

Процесс, в котором культурные смыслы срастаются в единый ствол и расцветают пышной кроной жизни, имеет отнюдь не искусственную подоплёку. Этот процесс раньше называли *древлением*, теперь – генетической памятью всего впаянного в психофизику человека, в естество жизни и в органику языка. Внутреннюю энергию этого триединого сплава можно без ущерба почерпнуть в средневековой православной книжности, в классическом наследии русской культуры XVIII–XIX столетий. Но для детей века техники и скоростей оказалось не так-то просто принять и передать потомкам чашу, волшебный напиток которой питает ум и душу пониманием ёмкого языкового и жизненного опыта – чуждого субъективности, отрезвляющего от индивидуализма.

Часть I. Победа над осыпающимся временем

Сухой шорох песчинок, как шёпот смерти: века сотрут и хрупкую плоть живых тел, и крепкий камень, самая величественная скала низвергнется, станет пылью и прахом. Так осыпается время... Не эти ли отзвуки слышны в лаконичной строке поэмы «Сошествие во ад», которая цепляет взгляд и надолго остаётся стоять перед умственным взором:

«Так осыпается время в клепсидах высоких...»

Сегодня далеко не всякий знает, что это вообще такое – клепсида. Любопытные, заглянув в справочник, найдут примерно такое пояснение: клепсида (*др.-греч.* ворующая воду) – древнейшее из всех устройств для измерения времени. И с удивлением спросят: почему *время осыпается*, когда в клепсиде оно должно течь?

Что ж, верно, в этих стародавних часах мерно истекающие капли наполняли / опустошали сосуд, по уровню воды в одной из чаш которого можно было судить о протекшем времени. Воду обновляли, но суммарный объём жидкости в обеих чашах оставался одним и тем же.

А относительно слова «осыпается» нет ошибки. Поэт не оговорился, можно быть в этом вполне уверенными. Он зарифмовал осыпающееся время с ямами проседающих могил: «Так оседает земля на могилах глубоких».

Яма – пустая чаша, которую покинуло её содержимое. Куда постепенно уходит холмик, насыпанный на погосте, понятно: он уходит в землю. Однако не хотел ли поэт выделить мысль о том, что рытвины могильных провалов искажают лицо матушки-земли, если время теряет свойства текучей влаги? Не будем спешить с заключениями, пока не поймём, почему на перекрестье бесчисленного множества антиномий кузнецовского художественного мира не стихает удивительный водоворот, что как раз и не даёт превращать плоть мира в песок, который проседает и осыпается.

Кузнецов учит мыслить о мире слитно – беречь и превыше всего ценить Целое, органичную связь всего со всем в живой действительности, а не разрозненные крупинки скользящего сквозь пальцы песка. Такому поэту доверяешь как проводнику, познавшему путь, не одно десятилетие проходившему ту внутреннюю школу, которая ни одним речемыслительным ходом не

нарушает «кровообращение» тканей языка; напротив – бережно восстанавливает, как современные кардиохирурги восстанавливают нормальное кровообращение сердца.

Все, кто следил за отечественной поэзией, замечали, как с рубежа 1960–1970-х годов всё резче проступал «мифологический уклон» стихотворца, который занялся реконструкцией неавторского типа мышления. Когда выяснилось, что это всерьёз и надолго, возник интерес, соединённый у одних с уважением, у других с соперничеством. Однако сколько-нибудь равных соперников вообще не оказалось, когда мифологический реализм Кузнецова перерос в реализм христианский. Поэт стал не только эпиком, но и христианским мыслителем. То есть повторил путь ранних христиан, чем (попутно, без особой акцентировки данного теоретического момента) развенчал несостоятельность претензий на рефлексивное постижение истины. Просто подтвердил, что Истина глаголет как совесть, и этот молчаливо присутствующий в любых словах и делах императив требует от поэта полной слитности с общей народной судьбой.

Нужно было обладать недюжинной силой, чтобы в одиночку освоить эту нелегко дававшуюся творческим индивидуальностям XX столетия позицию в борьбе за реализм и упорно не сходить с неё, даже если ты один против многих. У Кузнецова получилось. И вовсе не гордыня выражена в словах: «Звать меня Кузнецов. Я один. / Остальные – обман и подделка». Данное обстоятельство, хотя его неоднократно обсуждали авторы мемуаров доброжелательного и недоброжелательного толка, отнюдь не до конца понято.

Почему он выломился из потока интеллигентской фронды, не желавшей подчиняться общему ранжиру, усреднению и технизации умственных способностей? По природе дела, за которое поэт богатырски взялся, иначе и не могло быть. «Богатырски» – хорошее слово, но лишь дополнив его словом «матерински», мы отчасти приблизимся к пониманию творческой задачи, которую сознательно избрал для себя Юрий Кузнецов. Когда определился выбор? – Скорее всего, в литинститутские годы: над страницами прочитанной им тогда книги Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» он не то чтобы утонул в раскрывшейся глубине, но эта глубина взяла его и не отпустила никогда.

Кто хлебнул живой водицы мифа – всегда выплывет. Но начнёт быть иным.

Нам скажут: знаем, с кем не случилось! Однако побыли-побыли иными, насочиняли кипу метафорических стихов, поинтересничали, – ну и довольно: для яркой писательской биографии хватит с лихвой.

С другими бывало и так. Но с Кузнецовым пошло по неметафорическому сценарию. Мифологическое чутьё начало расти-здороветь в человеке, который, слава Богу, решил не бросить всё это, не изгонять недоношенный плод из тела при первых толчках его жизни, а терпеливо и самоотверженно вынашивать в себе до полного вызревания и готовности. Продвигаясь к абсолютному единству результатов, ему пришлось одолеть две стадии, о каждой из которых надо говорить специально. Христианский реализм был освоен на второй. А сначала, на первом этапе творческого саморазвития, он с невероятным упорством возвращал в действие мифологический реализм – тип мировосприятия, когда-то главенствовавший в культурах бесписьменных. Задуманное удалось. И тогда не только он сам, но и современники увидели главное отличие архаического мифа: в нём *время не идёт, а стоит*. Миф

вообще никуда не движется, кроме как внутрь себя. Прирост мифовещества мало зависит от единожды сказанных слов. Как поток реки через сорок камушков, так множество струй должны протечь через множество уст, напитать дела и судьбы, просеять смысл этих дел через внутреннюю форму языка народа... В силу этих обстоятельств *ЧЕЛОМ ВЕКА* миф становится не за один десяток лет. Вобрав в себя громадную совокупность судеб, весь без остатка огромный людской материал, миф вылепливается из этой живой глины. Возвращаясь к тому, что мы выделили большими буквами, скажем: вполне доношенным миф становится только тогда, когда *чело* (мыслящая часть людской головы) и *крона Древа Речи* сравняются как две чаши, абсолютно равные по вместимости проговариваемого и реализуемого в каждый конкретный момент жизни смысла. Моментов много, они разные. Но смысл один.

Хотя чаши и из глины можно сделать, Кузнецов предпочёл не гончарную терминологию: поэтический талант его весь без остатка ушёл на древление мифа современной ему жизни. Он много раз обращался к мифологеме Древо, даже в погибельные 1990-е, когда всё разбилось на осколки и всех понесло, как сухие листья, поэт выразил кредо русского стойка словами: «Древо жизни *умирает стоя*, / Но стоит и мне *стоять* велит». И удерживал наш мир от разрушения тем, что беспрестанно искал и находил гибкие гармоничные переходы, которые свойственны лишь живому.

«Я скатаю Родину в яйцо» сказано о превращении самого обширного из всех родных пространств – в живой комочек, который можно согреть на ладони. Такой приём свёртывания смысла не искажает, а подчеркивает природу вещей. Но по той же природе вещей «скатаю в песчинку» не говорят. Иначе получится странная марионетка, в которой живое подменено мёртвым. Пыль и песок – безжизненный конечный результат механического дробления. О яйце или зерне не скажешь, что они конечны. Свёрнутое в эти крохотки способно развернуться, дать новую полноценную жизнь.

Кто-нибудь из исследователей задумывался о том, почему крона кузнецовского персонального мифа, бурно и безгранично пополняя богатство содержимого, не стала бесформенно-огромной кучей той самой глины, или комоматом расплывающимся облаком? Как он удержал изящнейшую форму – оптимально организованный объём, не теряющий ни крохи впитанного смысла? Обозначив эти вопросы, перейдём к тому, о чём и следует сказать в связи с устройством из двух чаш – старинными водяными часами клеписдрой.

Эпическое пространство привольно открыто любым путям, любым возможным для родного языка ходам мысли, поэтому в разговоре на избранную тему надо ограничиться, затронуть лишь часть возможных смысловых ответвлений. В данном случае выделим парные значения *цельное / раздробленное, текучее / застылое, вода / камень*, наиболее близкие к антиномии *песок / роса*, которая в кузнецовском художественном мире удерживает победу эпической слитности над сыпучей дробностью.

Название «Роса» носит одно из стихотворений 1969 года, никогда не публиковавшееся Кузнецовым, но интересное в плане первоначальных попыток работать с мифовеществом.

Змеится блеск. Простор в ночных деревьях.

Тень от уключины скрипит сильней.

И я черпнул траву...

Но где же берег?

Уже роса – плыву по ней.
 Мелькнул плавник!
 Я слышал: если росно,
 Заходят рыбы далеко в луга.
 Зазеленели, горько пахнут вёсла,
 Взрываются кой-где перепела.
 По вспорхнутым перепелам,
 Волчком понёсся...
 Луг? Трава? Нелепо.
 Внезапно столб росы ударил в небо,
 Переломилась лодка пополам.

Мы привели текст целиком, чтобы было видно, как сильно бьёт в глаза и как быстро растёт переизбыток его экспрессии. Надо признать, энергетика при этом накаляется не искусственно, не за счёт нагромождения фантазмагорий. Лодка, плывущая по траве, а не по воде; весло, которое начало зеленеть как ветка; рыбы, зашедшие в луга; бурление вспархивающих перепелов... Этот живой водоворот кружит волчком, затягивает в себя пловца и лодку. Но они попали не в омут – тяга не вниз, а вверх, в простор.

Стихотворение делится на две части. Одна (до изумлённого вопроса: «Но где же берет?») передаёт напряжённую чуткость нервов человека, погруженного в непонятную ему игру ночной тьмы и змеящегося блеска. Другая часть (вторая строфа вместе с соединительной строчкой «Уже роса – плыву по ней») показывает, что мир не обманул человека, он впустил пловца в свой простор, вынес туда, где царит недостижимый (так сначала казалось пловцу) высокий «простор в ночных деревьях». Молодой экспериментатор отдал лишь три строки субъективным впечатлениям. Хотел, чтобы мифовещество первенствовало и вело себя свободно: одновременно и говорило как голос окружающего, и охватывало удивлённое, но начинающее привыкать к столь энергичным подвижкам сознание лирического героя. В общем, скажем без всякой иронии, чтобы оркестр дирижировал капельмейстером. Поскольку мифовосприятие – процесс, текущий не от человека к мифу, а от мифа к человеку, всё именно так и должно было быть.

Самое энергичное место сюжета – столб росы, удар в небо, разбивающий лодку пополам, – не просто кульминация, но и вынужденный (причём абсолютно правильный) ход для завершения текста. Если бы не такой финал, то что же, – не лететь же на ракете за пределы земных пространств... Челнок и гребец плывут в мифомире земном, где никакого «далье» и «выше» кроны Древа нет. Крона и есть сама мифологическая действительность (поэтому и у Пушкина: «Русалка на ветвях сидит»). И если учесть, что действительность мифа делится на две части (корни как исток и крона как устье мифовещества), можно догадаться, почему проделанный поэтический опыт автор оставил в черновиках.

Текст отложен по уважительной причине. Сначала всё шло в мифологическом смысле правильно: дерево как материал (бревно, доска) перестало быть мёртвой древесиной, оно ожило. Лодка начала принимать вид Древа Жизни: вёсла перестали быть плоскими не от случайно зачерпнутой охапки трав, они зазеленели как ветви, наполнив ночь горьким запахом распускающихся почек. Бьющий вверх столб воды – тоже хорошо, это полный живых соков ствол. Общий абрис процесса развернулся из горизонтали в вертикаль... Но дальше метаморфозы пошли «не так». Фонтанный удар,

переломив на своей вершине челнок, сделал две полулодки, и они повисли по сторонам струи, как чаши весов. Автор дал волю мифовеществу, но, что называется, кони понесли – эздок не удержал вожжи. Должны были возникнуть два равных круга у оконечностей росяного столба: сверху ствола шар листвы, снизу шар корней Древа. Вот тогда-то и вышло бы настоящее чудо! Но – хотя сделать из лодки живое дерево удалось, – дерево-лодка взяла да разломилась...

Надо сказать, что, вопреки заголовку, роса в этом пробном стихотворном опыте ещё была больше водой, чем собственно росой. Несмотря на яркое впечатление от красок и динамики образов, ключевые значения «дерево», «свежесть росы» остались авторскими метафорами, а не реалиями самостоятельно заговорившего мифа.

Ну и что? Отдельные неудачи не сбивали Кузнецова с избранного пути, жажда стать настоящим носителем мифологического сознания не ослабевала, она становилась сильнее и сильнее, хотя к реализации задуманного пришлось идти не одно десятилетие.

И миф заговорил в его поэзии. Почти в каждом удачном тексте можно сквозь пласты непосредственно изображённого прочесть ещё и рассказ мифа о самом себе. О том, что он, миф, был когда-то и снова будет Мировым Древом, Древом Жизни.

В этом смысле примечательны плоды поэтического соревнования с Фёдором Ивановичем Тютчевым – не один год длившегося философского диалога, в котором у Юрия Кузнецова возникли «Икона Божьей Матери» (1996), «Новое солнце» (2001) и такое стихотворение:

*Мы тёмные люди, но с чистой душою.
 Мы сверху упали вечерней росою.
 Мы жили во тьме при мерцающих звёздах,
 Собою освежая и землю и воздух.
 А утром легчайшая смерть наступала,
 Душа, как роса, в небеса улетала.
 Мы все исчезали в сияющей тверди,
 Где свет до рожденья и свет после смерти.*

Оно написано в 1997 году.

Эти кажущиеся невесомыми прикровенно красноречивые строки, кроме многих других достоинств, хороши ещё и тем, что отображают мир как две чаши, одна из которых под ногами, другая над головой у всех живущих на земле. Обе сферы хрустально-ясного бытия равно полны, их ничто не опустошает в потоке непрерывного перетекания времени из дня в ночь. И как равно ценны все капли воды в клеписидре, так равно дороги миру все росинки, бес- смертно живые и на земле, и на небесах.

Самое сильное в этом светлом напоминании о бессмертии – повествовательное МЫ, целиком открытое, как ниспосланная Милость Божья, каждому, кто произнесёт его из глубины души, от себя.

Тютчев тоже с глубокой сердечной остротой ощущал, что каждая пролитая слеза увлажняет землю, однако миссия поэтического сострадания людям раскрыта у него в ином ключе. Слезы людские... безвестные, незримые, неистощимые, неисчислимы... Поток дождевых струй в глухую осень – такими остались на страницах его стихов впечатления тяжёлого и для Европы и для России 1849 года.

*Слёзы людские, о слёзы людские,
Льётся вы ранней и поздней порой...
Льётся безвестные, льётся незримые,
Неистоцимые, неисчислимые, –
Льётся, как льются струи дождевые
В осень глухую порою ночной.*

В отличие от этого преисполненного печали стихотворения, написанный Кузнецовым шедевр христианской поэзии не элегичен. Печаль высветлена прямым воспарением от сострадания – к Свету. На христианском перекрестке нет смерти, есть абсолютная свобода от тьмы.

Слова о «клепсидрах высоких» в последней законченной поэме Юрия Кузнецова соседствуют с моментом воскресения Спасителя.

*Вышел Христос из пещеры в иных покровах,
Белых и чистых, как снег на священных горах.*

Благодаря звукописи и зрительному образу этих строк мы вместе со скрипом сухой щебёнки у подножия только что отваленного камня слышим не только шуршание мелкой гальки под ногами, смотрим не только прямо перед собой. Слух и зрение охвачены тягой вверх: всё, что происходит на уровне обыкновенного человеческого роста, одновременно возносится к чистому сиянию поднебесных вершин.

Эпическое приволье и горняя тяга духа. При абсолютно точном гармоничном совпадении человеческих мер с мерами окружающего пространства это и есть победа жизни над осыпающимся песком времени.

Часть II. Весёлое богатырство

Накануне 50-летия поэта, в начале 1991 года, газета «Московский литератор» напечатала интервью с Юрием Кузнецовым, где шёл разговор о наиболее существенном, чего он достиг на данном рубеже. В беседе с корреспондентом поэт подчеркнул, что «механическим временем», которое «как бы движется», он мало дорожит; гораздо более ценит «время, которое не проходит». В этом месте разговора он упомянул о своём стихотворении «Семейная вечеря» (1977), чтобы пояснить и выделить следующий момент понимания действительности: «Когда-то в своих стихах я написал: “Былое грядёт”. С точки зрения обыденного смысла – это бессмыслица. Но во времени прошлое и будущее – это единое пространство».

Это очень важное замечание об эпическом мировосприятии: время не дробит его суть. Подвижные звенья переходов от *было* к *будет* (любое событие в настоящем) – такая же принадлежность единого пространства, как и грядущее с былым. Подобие частей обеспечено их метонимической принадлежностью целому. При таком раскладе обстоятельств связи метафорические (скрепы смысла и сравнения, подвластные чьему-то частному, индивидуальному выбору) не могут сдвинуть, раздробить, заменить собою первоначальные устойчивые смыслы.

Кузнецов самыми разными способами, в том числе и ироническими, вселяет в читателя уверенность в том, что не надо оказывать доверия странным метафорам и броско выставленным напоказ быстрым переменам.

Припомним забавное стихотворение «Мужик» (1984), начинающееся тем, что над головой людей мечется, горы и государства сметая на своём пути, жутковатого вида птица. И посмотрим, чем всё дело заканчивается.

*Птица по небу летает,
Поперёк хвоста мертвец.
Что увидит, то сметает.
Звать её – всему конец.*

*Над горою пролетала,
Повела одним крылом –
И горы как не бывало
Ни в грядущем, ни в былом.*

*Над страной пролетала,
Повела другим крылом –
И страны как не бывало
Ни в грядущем, ни в былом.*

*Увидала струйку дыма,
На пригорке дом стоит,
И весьма невозмутимо
На крыльце мужик сидит.*

*Птица нехотя взмахнула,
Повела крылом слегка
И рассеянно взглянула
Из большого далека.*

*Видит ту же струйку дыма,
На пригорке дом стоит,
И мужик невозмутимо
Как сидел, так и сидит.*

*С диким криком распластала
Крылья шумные над ним,
В клочья воздух разметала,
А мужик невозмутим.*

*– Ты, – кричит, – хотя бы глянул,
Над тобой – всему конец!
– Он глядит! – сказал и грянул
Прямо на землю мертвец.*

*Отвечал мужик, зевая:
– А по мне на всё чихать!
Ты чего такая злая?
Полно крыльями махать.*

*Птица сразу заскучала,
Села рядом на крыльцо
И снесла всему начало –
Равнодушное яйцо.*

Конец стихотворения показывает, чем человек защищён от погружения в бескрайний ужас. Предел метаниям искони положен там же, где стоит

крыльцо родного дома, сам источник страха и гибели как бы замирает на этом пороге, впадает в недоумение. А ты, читающий в лубочном стиле написанные строки, напротив, чувствуешь оживлённость и веселье, ведь наваждение как рукой сняло. Почему? Потому что в метонимическом пространстве языковых смыслов парадоксально столкнулись – сами, без видимого человеческого вмешательства, вступили в острое противостояние и разрешили конфликт – два однокоренных по происхождению слова: «крыло» и «крыльцо». Эту объективно показанную коллизию сопровождает со стороны повествователя разве что особый оттенок юмора – этакая богатырская усмешка.

Невозмутимый созерцатель, что «сидит, как и сидел», на крыльце родного дома, конечно, слышит устрашающие крики, видит распластанные крылья беспокойно мечущейся птицы. Однако они для него равным счётом ничто, не впечатлило мужика жутковатое пугало – «самолёт», у которого и вместо хвостовой перекладины положен мертвец. Птица опустилась на крыльцо и услышала: «Ты чего такая злая? Хватит крыльями махать!» Коллизия, как видим, вовсе не между ними, мужиком и птицей. Тут битва разыгрывается на поле действия языка. Сражаются, воюют, побеждают слова. Эти маленькие бойцы показывают себя отнюдь не слабыми, наоборот, непобедимо сильными. Ведь торжество жизни над смертью обеспечивает яркий блик смысла одной, по существу, словоформы – предложного падежа от слова *крыльцо* (**на крыльце**) с ее омографом *крЫльце*, актуализирующим значения «крыло дома», «укрытие». Кроме этого, как острый верх победной пики просверкнувшего значения, в слове *крЫльце* заметна отсылка к уменьшительно-ласкательным формам – оттенок, характеризующий то, что облюбовано сердцем человеческим.

Выходит, суть не поколебать даже распластанным крыльям времени. В этом смысле «грянул прямо на землю мертвец» – вполне естественное следствие переключения в пространство живого: устрашающая перекладина, которую беспокойная птица трясла-таскала над людскими головами, вдруг ожила и заговорила. Мгновенная перемена, случившаяся как только столкнулись – очи в очи – взгляд мертвеца и мужика, тоже переносит в испокон принадлежавший матушке-земле, а не воздуху (тем более – воздуху, разматанному в клочья) уклад жизни.

Сюжет очень похож на картинку русского лубка – искусства народного, в котором преобладает объективный юмористический (не субъективный авторский) комизм, метонимичные данности языковой картины мира.

Заметим: именование ужасной птицы («Звать её – всему конец»), описание её угрожающей внешности есть создание ума, склонного к метафорам. Причём пространство, где знают, как птицу зовут, наполнено смертельной опасностью: люди, нарушившие запрет на произнесение имён смерти, навлекают губительный её полёт на себя. Напуганный взмахами крыльев, сметающих жизнь, читатель ищет, куда бы укрыться. Защита ждёт там, где была всегда, – в пространстве жизни время утихомиривается («Птица сразу заскучала, Села рядом на крыльцо»), ВСЕМУ КОНЕЦ преобразуется во ВСЕМУ НАЧАЛО. В одомашненном жилье, где всё ведёт себя по законам живого, птица и сделала то, что положено: снесла «равнодушное яйцо» – невозмутимо-круглое хранилище жизни.

Сносить горы / снести яйцо в данном случае не амбивалентный перевёртыш; в метонимическом целом значения «злое» / «доброе» нельзя шутовским образом передёрнуть, поменять местами.

Только увидев птицу вполне обычной, мы окончательно убеждаемся в том, насколько была нелепо скроена метафора *птица, перехваченная мертвецом поперёк хвоста*. Эта странная метла смерти разваливается прямо на глазах, и наступает прозрение – общее, единое для всех, не исключая обитателей «того» света. Жуть сгинула под могуществом спасительных сил языка: объективная сила естественных повседневных реалий – вот что отринуло смерть. Читатель испытывает чувство облегчения, видя счастливый конец вихрем взвинтившейся и практически без его участия исчерпавшей себя коллизии.

Вот вам и «лубочная» идиллия! Произведение свежо и особенно привлекательно той простотой, в которой всё – настоящее, без прикрас, без аппликаций или розовых ширм с цветочками. Это небольшое, вовсе несерьёзное на вид стихотворение сражается за жизнь не слабее самых пафосных батальных полотен. Внутренне богатая языковая ткань искрится весёлостью, одаряет истинным удалством. Приятно сознавать, что стихотворение «Мужик» по прямой линии восходит к комическим поэмам Пушкина – в частности, к «Домику в Коломне»: «Порой я стих повертываю круто, / Всё ж, видно, не впервой я им верчу <...> / На критиков я еду, не свищу. / Как древний богатырь – а как наеду... / Что ж? поклонюсь и приглашу к обеду». Ну и, конечно же, к замечательным одам и сатирам Державина, у которого Александр Сергеевич Пушкин, в свою очередь, брал пример мастерства и смелого благородства. Учился не нарушать тонкости придворного этикета и при этом, не смотря ни на что, прямую «истину царям с улыбкой говорить».

Часть III. Птицы, деревья, люди

Не прихотливой заботой о внешней отделке стихотворений – простотой живёт эпическая поэзия. Её мудрость затрагивает глубины внутренней формы слова, активизирует весь спектр языкового слуха.

Уловив противоречивость, смысловую несимметричность форм глагола *летать* в сочетании со словом *время*, поэт написал стихотворение «Сирень и берёза» (1992), чем-то похожее на акварель, точнее, на сдвоенную пару акварельных набросков скудной городской растительности. Сам стал размышлять и нас заставил задуматься над вопросом: насколько истинно выражение «время летит»? В архаическом мифе время-птица *летает* (а не летит!) и *на ветку садится*, телесный облик Древа Жизни от этого порхания не меняется.

Схватившую объём, внутри которого время течёт, не дробя и не растрчивая вещество жизни, зарисовку можно называть диптихом лишь условно: части двойного изображения очень тесно сращены. Налицо характерный образец работы над уплотнением ткани персонального мифа, некий ключ к кузнецовской реконструкции свойств метонимического стиля.

Сплетение неразъёмной пары *любовь / соперничество за жизнь*, метаморфозу этих состояний поэт запечатлел как историю не людей, а деревьев. Набрасывая городской этюд, он работал над тем, чтобы две равные по объёму чаши, чаша памяти о прошлом и чаша будущего, обрели устойчивость внутреннего содержимого. Это удалось, и метафизическое слияние живого и любящего, став абсолютным, отменило возможность разъять полотно на два сколько-нибудь отдельных изображения.

Штрихи запечатлённой ситуации просты, даже заурядны. Опустелая сторожка, невесть кем посаженный в соседстве с ней сиреневый куст... Их давно забросили-позабыли: череда забот уводит людей из ставших ненужными захоластных углов. Но жизнь идёт и тогда, когда её не замечают. Внутри куста завелась потаённая от посторонних глаз история нового ростка: в какой-то никому не ведомый день из земли проклюнулся другой побег. Долго-долго об этом знал только куст, среди ветвей которого, с трудом пробиваясь на свет, всё-таки не зачахла, а пошла в рост одному ему лишь ведомая слабая сиротинка-тростиночка – «кривоватая струйка берёзки».

Незаглушаемая боль, любовь, которую никак не изведёшь «в сердце косматом», которая почти что ненависть и непереносима, как душный запах избильно цветущих тяжёлых гроздьев... Куст сирени жил всем этим. И погиб, когда берёзка поднялась, окрепла «и над ним распустила серёжки».

*Рос когда-то сиреневый куст
Под окном у забытой сторожки.
Был рассеян, развесист и густ,
Но всё время он знал о берёзке.*

*Он скрывал свою боль много лет
Под окном у забытой сторожки.
Из него пробивалась на свет
Кривоватая струйка берёзки.*

*Он глушил свою старую боль,
Он душил её в сердце косматом.
Свою ненависть или любовь
Обвевал по весне ароматом.*

*Но пробилась она, но взошла
И над ним распустила серёжки.
Иссушила его, извела
Кривоватая воля берёзки.*

*Время-птица летит и летит,
А устанет – на ветку садится,
На берёзу, что криво стоит
И не может никак распрямиться.*

«Иссушила его, извела...» – горькие слова, как будто взятые из песен о злой доле. Но дар пронизательности сродни дару доброты и идёт от начала, непокорного злу. Нечто со злодейством несовместное заставило Кузнецова вместо «доля» написать «воля». И возник парадокс, в силу которого равны обе чаши: судьбу выросшего / ушедшего не разломишь на отдельные друг от друга куски. Сюжет теснейшим образом сомкнут и сплочён, хотя мы видим два не одновременных пейзажа: «Сиреневый куст...» и «Берёзка у забытой сторожки», время не летит в никуда. Полетав-покружив, оно садится на ветку. И усталость, с которой опускается отдохнуть время-птица, и неровная линия ствола, этакая кривоватость, ничего в пейзаже не портят: была бы берёзка уродом, если бы не клонилась. Тут возврат текучего вещества из чаши в чашу особенно трогателен: сердце не тяготит, напротив,

радует неизгладимо вечная слитность впечатлений. Сквозь оба пейзажных изображения видны черты родства, выпестованного любовью, поскольку с нами говорит не ум, а совесть – привольное естественное самораскрытие жизни во всём, что глубинно сопричастно моментам прошлого / будущего. Не будем приписывать мудрое богатство смыслов, которое не скудеет и не блекнет, в заслугу кому-то одному: писатель и читатель одинаково полно впитывают в себя слитность начал, причин, результатов духовной жизни, которые сказываются, практически, одновременно.

В качестве попутного замечания спросим: не тогда ли чувство времени стало дробным, когда цивилизованный мир сконструировал механизмы для отсчёта долей часа, минут, секунд? Вопрос в том, как, вопреки дроблению, сохранить восприятие целого. Кузнецов выращивал свой персональный миф, как Древо, строил, как старинную клепсидру – из живого материала. Полнота освоенного мира и полнота душевного порыва становились подобны друг другу. Он вообще любил передавать подобие через движение человеческого тела: добрые ладони или крепко сжатый кулак, взлёт широко распахнутых рук могут быть сродни могучей кроне Древа. Был убеждён, что сыновнее объятие человека с родной землёй облечено в предельную, самую что ни на есть сильную, телесность ощущений:

*Раскинув руки, я упал с размаху.
Роса меня покрыла тяжело.
И мне не встать, как будто сквозь рубаху
Корнями в землю сердце проросло.*

На избранном пути поэту предстояло стать не лирическим, а эпическим повествователем и, что не менее ответственно, – способствовать пробуждению эпического самосознания современников, ведь эпос гораздо в большей степени пространство восприятия, а не пространство речи.

С каких пор Кузнецов начал писать полотна, динамику и статику которых следует вбирать не умом, а широко распахнутым взором, смотреть с высоко запрокинутой головой? Несомненно, таковы многофигурная «леонардовская» фреска «Семейная вечеря» (1977), динамичный зачин «Сказания о Сергии Радонежском» (1980).

*Неведомый гул нарастает окрест –
То сила земная.
Деревья трясутся, и меркнет луна,
И раму выносит крестом из окна,
Поля осеняя.*

*Земли не касаясь, с звездой наравне
Проносится всадник на белом коне,
А слева и справа
Погибшие рати несутся за ним,
И вороны-волки, и клочья, и дым –
Вся вечная слава.*

Улавливая отзвуки фразы «Слава, нас учили, дым», знакомой нам по балладе «Светлана» Василия Андреевича Жуковского, мы чувствуем, что стучится не дым, а гул. Гудит сила земная, действие которой никем не может быть остановлено.

Таков запев «Сказания» об одном из самых почитаемых русских святых – святом Сергии.

*Ни рано, ни поздно приходит герой.
До срока рождается только святой,
– Об этом недаром
Седое сказанье живёт испокон...*

Эпическое понимание мира наделяет людей мудрым спокойствием. «Знающий молчит». Провидческий дар и умение слышать все отголоски эха в «Семейной вечере» оборачиваются тишиной. Этот след множества отголосков, их общее эхо – то же, что в белом луче света сомкнутая радуга. Тут можно уловить то, до чего ты не дотягиваешься обычным слухом, увидеть то, что не видишь обычным зрением («Все гости пусты и сквозят, как туманы, / Не тронута снедь, не початы стаканы»). И зачин кольцом оборачивается вокруг основного повествования: в цепи рождений нет конца и начала. Звуки переполненного голосами человеческого мира умиротворённо стекаются туда, где Великая мать зовёт вечерять всех сродников своих.

Почему в юбилейном, записанном накануне 50-летия, интервью («Московский литератор», 8 февр. 1991 г.) поэт обратился именно к «Семейной вечере»? Думаем потому, что здесь схвачено стояние на вечном пороге. Не в ранее написанных Кузнецовым балладах («Кольцо», 1968; «Возвращение», 1972; «Баллада об ушедшем», 1973), а именно тут обнажилась грань, за которой лиро-эпическое повествование становится собственно эпическим.

Межевую черту перейдёт не каждый читающий. Кто-то, в силу свойств собственного восприятия, не сможет расстаться с лирико-индивидуалистической трактовкой смыслов, кто-то шагнёт на иную, более высокую ступень личностного развития. Этот шаг каждому надо сделать уже не держась за руку поэта: самому выйти в необъятный простор, привыкнуть к эпическому миропониманию. Восприятие каждой конкретно-человеческой судьбы от этого не утратит чёткость. Эмоция и мысль не воспарят за облака, но, как объём лёгких на глубоком привольном вдохе, сравняются по абсолютной вместимости со всем родным, дорогим, искони обжитым. Возникнет та мера поэтического дыхания, неавторского и авторского одновременно, какую встречаем в «Песне пахаря», «Косаре», «Урожае» и подобных им стихотворных полотнах Алексея Васильевича Кольцова. Мера коренного русского человека, каким он явлен в судьбе и творениях поэта-прасола, степняка-хлебопашца.

Далеко не каждый поэт XIX столетия в этом смысле мог дотянуться до кольцовского приволья, до пушкинской всемирной отзывчивости; после Серебряного века это и вовсе оказалось недостижимой мечтой для большинства представителей писательского цеха.

Юрий Кузнецов сам говорил об огромности задачи – сфокусировать в слове, собрать русского человека как целое. Не ограничиваясь только лишь постановкой цели, он многое сделал для того, чтобы эпическое начало вернулось в поэзию и в действительную жизнь. Не желая видеть сограждан людьми без духовной родины, такими Иванами, не помнящими родства, он упорно шёл навстречу эпическому мировосприятию и вёл современников за собой.

*Как только созреет широкая нива
И красное солнце смолкает лениво
За тёмным холмом,*

*Седая старуха, великая мать,
Одна среди мира в натопленной хате
Сидит за столом.
– Пора вечерять, мои милые дети!*

Спокойным величием православных икон веет от этого образа. Как «чуждые гости за старым столом» сходятся пути-перепутья дорог, продутых жестокими ветрами. Тишину семейной вечера справедливо назвать абсолютной полнотой – стечением всего, что из века в век познаётся как доля земная.

Часть IV. От чистого духа и мира сего

«Не хлебом единым, – сказала старуха. / И каждому мерит от чистого духа / И мира сего: / Огонь для солдата, лазурь для поэта, / Росу для вдовы, молоко для последа, / Себе – ничего». Как непохожа эта прародительница на себялюбивого Кроноса, который глотал своих детей... Там – вязкая, тяжёлая материя языческого мифа. Тут – пронизанная светом сущность, свойства почти нематериальные.

Их прозрачность – не пустота. За вопросом «Так кто же тут был?» в «Семейной вечере» стоит апофатический компонент, известный раннехристианской и древнерусской книжной традиции. Поскольку подступы к этому методу лежат вне позитивизма, лекала структурно-семиотического анализа можно отложить, как и понятие *хронотоп*. Оно становится ненужным, лишним. Юрию Поликарповичу через Вадима Кожинова и других литературоведов были знакомы бахтинские идеи, однако он ими не руководствовался, искал неписаных, скажем так, законов. Эпос живёт энергиями, не вмешенными в текст, смыслами, которые превыше собственно-авторских представлений. В этом плане гораздо правильнее признать, что в пору зрелости Кузнецов избрал путь к откровению законов Единства, по которому мир устроен Господом Богом.

А что же в ранней лирике? Юноша возрастал на вполне советском мировоззрении. От ровесников отличался лишь более острым ощущением порога меж жизнью и смертью. Вот оно, обжигающе острое в набросках из армейских тетрадей: «Сердитый дым глотали горячо / И уходили в темноту на ветер. / Никто не знал, придется ли ещё / Сойтись на спичку, взяв по сигарете». Или в финале стихотворения «Да, вот теперь, когда всего превыше / Ракеты...» из литинститутской рукописи 1968 года (сборник «Равновесие» для нарочатовского семинара): «Любуемся звездой, упавшей с неба, / А, может, это космонавт сторел!» Уже тогда сугубо-кузнецовские длительности понятия *время* обнаруживали тяготение к полюсам, на которых «времени нет»: либо мгновенное, либо бесконечное.

Отблеск горячих сполохов лежит на сравнении «Как загар, сходит юность». Тут предчувствие более зрелого этапа жизни и мысль не о поверхностном, а о глубинном, имеющем уплотнённое ядро. В метонимично организованном целом всё присутствует, ничто не «проходит», а в любой момент стоит за тем, что мы непосредственно видим, с чем контактируем. И всё новое – лишь очередной признак того, что было прежде. Конечно, каждая стадия появляется в некое время, но все они сохраняются *на своём месте*, незримо действуя и тогда, когда длятся иные (принадлежащие другим стадиям) времена. Через интуитивно ощущаемую тягу подспудного, этакую гравитацию

уплотнённого мифовещества к нам идёт нечто гораздо более сильное и более важное, нежели поверхностный рисунок и яркое свечение видимых красок. Поэта, несомненно, увлекала задача многократно и с одинаковой мощью воплотить это внутреннее тяготение. Он каждый раз заново подтверждал готовность русского мифа откликнуться на любые, сколь угодно сложные, умственные «философские задания», но не ради философичности как таковой, – упражнял мышцы метонимического мышления, чтобы показать превосходство мысли текуче-сливной и в каждом образе отдельной.

Нельзя не отметить, что в его поэзии столь же полно реализовано стремление кругло и прозрачно отобразить видимый мир – придать словесной призме зеркальность росинки на листке дерева (каждая сама по себе концентрически вбирает всё, что видно вокруг). Поэт дорожил возможностью человеческих сознаний быть эпически слитными, как капли росы: душа растворена в целом, из которого её никакой механической тягой или посторонней силой не вытянуть.

Судя по автобиографическим признаниям, тайну нераздробленного пространства Кузнецов почувствовал очень рано. Поэту вспоминалось, как ещё ребёнком, он, с трудом дотянувшись до запора, распахнул ворота и увидел туман, окутавший, как тогда представилось, весь мир. На первых порах он, как многие другие поэты-современники, вёл поиск в пределах авторского Я. Но и в сочинённой 19-летним юношей поэме «Сыны революции» (1960) главенствовала мысль о неотделимости собственной жизни от жизней множества соотечественников, всех, кто прошёл немалые испытания ради будущего страны.

*Я родился поздней.
Впрочем,
это ошибка.
Я поверить такому никак не могу.
Я придумую тысячи жизней
И к собственной жизни примерю
.....
То, что не было раньше меня,
Я в такое не верю,
Я родился давно,
Я ещё до рождения жил.*

Эти строки были ему дороги, он включил их в стихотворение «18-й год», напечатанное в книге «Гроза» (1966).

Когда дар возмужал, ключевая идея практически не поменялась: поэт должен быть равен народу, взятому как целое. Об этом свидетельствуют многие стихотворные («Я пел золотому народу», «Знамя с Куликова поля», «Сказка гвоздя» и др.) и публицистические произведения. Юрий Поликарпович высказывал благодарность Владимиру Викторовичу Фёдорову за помощь, которую донецкий литературовед оказал ему на этом пути, написав статью «Кто он такой?» («День поэзии – 1990»).

Приравнение **поэт = народ** линейная трактовка времени не существенна, личность становится призмой схождения путей, пересечением многовековых судеб. Необходимость эпически-прозрачной призмы между прошедшим и грядущим отстаивал ещё И.-Г. Гердер («Идеи к философии истории человечества»). Внося уточнения в эту мысль, А.Н. Веселовский («Историческая поэтика») назвал призму *кристаллом народной нравственности*. Кузнецов

особенно дорожил мыслью о том, что такая призма не делает взгляд на мир отстранённым. Напротив, каждый цветок, каждая былинка травы отчётливее видны на сияющем своде земли, любовь и нежность к малому не позволяют что-либо забыть или перепутать.

«Сиял травы зелёный свод, / Смыкались облака, / Цикады час, кукушки год / И вёрона века»... Большие и малые волны живого пульсируют вокруг сердцевины родного пространства. Это строки поэмы «Дом» (1969–1973), из уст маленького героя которой мы слышим признание: «Я не хотел, чтоб время шло!» Ласку, а не иронию вызывает душевный порыв мальчонки, решившего поломать дедовы часы. Отогну, думал он, стрелки («Из часовой тарелки, / Пронзив кинжально циферблат, / Торчали обе стрелки»), они перестанут кружить по циферблату, и мир сделается вечным! Время будет не властно над родным и дорогим... И как же точно сказано о детски-наивной вере в эту добрую вечность: «Простая жизнь души»...

В поэме «Дом» слитность – качество мироощущения ребёнка. Но, по замыслу поэта, слитность нужна и сознанию зрелого человека.

Критики, сурово осуждавшие автора строк: «Я пил из черепа отца / За правду на земле, / За сказку русского лица / И верный путь во мгле. // Вставали солнце и луна / И чокались со мной...», не понимали, что это декларация не крайнего индивидуализма, а, наоборот, – слитности времён, ощущение высшей ответственности за слово на многовековом пиру. Между тем, к концу семидесятых неметафорический тип мышления стал для Кузнецова нормой раздумий о современности и истории народа. Гости, собираемые к столу семейной вечери, сквозным образом входят в каждый новый день. Родившая тебя плоть – чаша, из которой не минута за минутой, а капля за каплей перетекает жизнь от отцов к сыновьям.

Автор поэмы «Дом» признаёт, что XX век принудил жить враздробь. Прокатилось военное лихолетье Гражданской и Второй мировой. Жадно поглощали человеческий материал великие коммунистические стройки. Как тут не позабыть, откуда ты родом? Но пришёл срок вернуться – и отец мальчика увидел родной городок точь-в-точь таким же, как до войны.

Родина, исток... Поэт, как фотограф, наводит резкость, – и в объективе сосуд с тихой и чистой водой: «Летели мимо поезда / И окнами смеялись. / Шла жизнь, но люди, как вода / В графине, не менялись». Склейка планов позволяет сделать образ мальчика по имени Владимир наиболее близким авторской линии. «Итак, Владимир... мысль спешит / О нём сказать заранее. / Пространство эпоса лежит / В разорванном тумане. / К чему спешить? В душе моей / Сто мыслей на весу. / У каждой мысли сто путей, / Как у огня в лесу. / Во мне и рядом тишина, / Огни и повороты. / Душа темна, душа полна / Трагической дремоты». С мыслью, что надо бы сберечь тихую тайну прозрачности, наполнить ею земные пределы, поэт говорит: «Поэма презирает смерть / И утверждает свет, / Громада времени, вперёд! / Владимир, твой черёд». Читатели поэмы расстаются с автором и героем на этом не до конца прорисованном рубеже.

Кузнецов говорил, что двадцатое столетие было, несмотря ни на что, «тоже героическим, но по-своему»: «В нём оказался только один богатырь – русский народ. Он боролся с чудовищами и даже с собственной тенью. Но это богатырь, так сказать, рассредоточенный. Его нужно было сфокусировать в слове, что я и сделал. Человек в моих стихах равен народу» (очерк «Воззрение»).

Формулу «во мне и рядом» (напоминающую «Всё во мне и я во всём» Тютчева) поэт ввёл в заголовок поэтической книги «Во мне и рядом – даль» (1974). Сам он торил путь не через разорванный туман. Во внешнем круге земного бытия человек в решениях и действиях своих предстаёт перед Богом. Тут и дано нам приобщиться к эпическому сознанию, единственно верной антитезе эгоизму; главное – не проспять героическое предназначение, не затонуть в трагической дремоте. «Трагическая дремота» – проблемный участок между «дремлет» и «готово проснуться». Раскроем том лирики на странице с «Лежачим камнем» (1997) и перечтём рассказ о кривой падения из космических пространств.

*Лежачий камень. Он во сне летает.
Когда-то во вселенной он летал.
Лежит в земле и мохом зарастает...
Упавший с неба навсегда упал.*

*Старуха-смерть снимала жатву рядом,
И на него нашла её коса.
Он ей ответил огненным разрядом,
Он вспомнил голубые небеса.*

*Трава племён шумит о лучшей доле,
Река времён обходит стороной.
А он лежит в широком чистом поле,
Орёл над ним парит в глубокий зной.*

К чему клонит притча о метеорите, который уткнулся в землю и зарастает мохом? Что вторая часть стихотворения добавит к сказанному в первой: «Упавший с неба навсегда упал»? На плоском полотне пейзажа мы видим почти неподвижную точку в небесах (над обессиленной зноем степью парит орёл), да старуху-смерть с острой косой. Чуть слышны источники колеблющегося шума – трава и река («Трава племён шумит о лучшей доле»; «В реке времён все волны зашумят»), но ни движения, ни стройного звука... Подсечённая косой мелкая степная растительность умирает, не став Древом; река времён, как сказано, обходит лежачий камень стороной. Камень может ещё перекачаться. Но тем поставит последнюю точку: «Когда он перекачнется и ляжет... / Он ляжет на твою могилу, брат».

В стихотворении есть некоторая недоговорённость, но векторы эмоций вполне определённо* дописывают сюжет: поэт отвергает оцепенение и с болью бросает себе самому и соотечественникам горькие укоры.

*И ты, поэт, угрюм ты или весел,
И ты лежишь, о русский человек!
В поток времён ты только руку свесил,
Ты спишь всю жизнь, ну так усни навек.*

* Этим «Лежачий камень» выгодно отличается от стихотворения «Посох» (1977) – об окольцованном змеей посохе-кадуцее, пожалуй, наиболее заметного в ряду метафорических стихов Юрия Кузнецова. Оно дало повод для герменевтических штудий (их обзор см. в статье Т. Касаткиной «О чуткости»). В других стихах вариации мысли о том, что миф имеет стержень, представляют миф объёмным и показывают, что в его тверди нет ничего застылого. Перетекание мифовещества из одной чаши клепсидры в другую идёт через людей, но неподвластно отдельной индивидуалистической воле.

*Спокойно спи. Трава племён расскажет,
В реке времён все волны зашумят,
Когда он перекачнется и ляжет ...
Он ляжет на твою могилу, брат!*

В философских этюдах о качании камня, о булыжниках, выросших в древесный ствол («Это, дерево, камни твои»), поэт решал единую задачу: побудить – оживить, обновить восприятие. Стремился задеть за живое чувство удивления («О миг! Это камень проснулся...», 1972). Изюм всех сил раскачивал маятник антиномий: от апокалиптики – к хмельному бурлеску («Качающийся камень», 2003). Сталкивал и пересекал образы (русский мужик и поэт, колумбово яйцо и качающийся камень)... И не без самоиронии подводил итоги: камень всё-таки устоял, хоть «треплется словесное болтало».

Решению главной задачи – собрать русского человека как целое – способствовало умение экономить, гармонизировать умственные операции, чтобы миф не разбухал в хаотическую массу, а перенимал стройность от универсума. В стихотворении «Новое солнце» (2001) Кузнецов сравнил вращение универсума с наматыванием клубка: «Мать Божья над Русью витает, / На клубок наши слёзы мотает, / Слёзы мёртвых и слёзы живых, / Слёзы старых, и малых, и средних, / Слёзы первых и слёзы передних... / А клубок всё растёт и растёт. / А когда небо в свиток свернётся, / Превратится он в новое солнце. / И оно никогда не зайдёт».

В «Семейной вечере» та же мысль повёрнута несколько иной гранью. Тут сказано, что пророческие уста отворяются светом. «Но сына-поэта во сне посетило / Виденье и светом уста отворило: / – Былое грядёт!..»

*И вновь созревает широкая нива,
И красное солнце смолкает лениво
За тёмным холмом.
Земля возвращает истлевшие кости,
А память – надежду. Пьют чудные гости
За старым столом:*

*Солдат за победу, поэт за свободу,
Вдова за прохожего, мать за породу,
Младенец за всё.
Бродяга рассеянно пьёт за дорогу,
Со свистом и пылью открытую Богу,
И мерит своё.*

Взаимно подобные витки единого стержня жизни сходятся, как концы арки к земле, как обод перстня к оправе драгоценного камня. Так сходятся пути-дороги странствий на пир вокруг старого стола, когда сзывает всех своих детей Великая мать – рождающая всё и не берущая «себе» ничего подоснова-матрица жизни.

Тут мера от мира сего совпадает с мерой от чистого духа – свободной от субъективности призмой эпического восприятия. Вот главное обретение, которым, судя по интервью 1991 года, желал поделиться с современниками Юрий Кузнецов.

Пятидесятилетний рубеж поэта совпал с началом перемен, искаживших, изменивших облик страны отнюдь не в лучшую сторону.

Судьба отпустила ему ещё 12 лет жизни. Эпическая закалка помогла личности выстоять, не сломиться в эти мучительно горькие годы. Он, как новый Данте, свидетельствовал об аде («Шошество во ад») и рае (незавершённая поэма «Рай»), написал трилогию о Христе. Твёрдо храня подобие *части целому*, учил нас соблюдать христианское равновесие личных (переданных посредством местоимённых форм *я, мои, свои*) и надличностных смыслов. В стихотворениях «Крестный путь» (1998), «Полюбите живого Христа» (2001), «Новое солнце» (2001) звучало то же, что десятью годами раньше дало стержневой замысел, лёгший в основу стихотворения «Ладони» (1981).

*Рукавицы роняя в снегу
На земном крутосклоне,
Я от брата и друга бегу
И дышу на ладони.*

*Проступают на них два лица:
И чело и морщины.
Узнаю свою мать и отца.
Мы навек триедины!*

*Сколько раз в кулаки я сжимал
Эти лица родные.
Сколько раз к небесам воздымал
Их, как солнца двойные.*

*Сколько раз бил ладонь о ладонь,
Ни о чём не печалась.
Над землёй высекая огонь,
Эти лица встречались.*

*Подберут рукавицы мои
Тороватые братья...
Раскрываю огню и любви
Ледяные объятия.*

*Но ладонь от ладони ушла
В голубом небосклоне.
Вбиты гвозди, и кровь залила
Эти лица-ладони.*

Юрий Кузнецов со всей очевидностью доказал, что фундаментальное свойство прародины естественных языков и этнических культур – эпичность может и должна быть восстановлена в языковом опыте восточных славян. Тысячелетнее наследие этих народов, включая фольклор, древнерусскую книжность и классическую словесность, составляет единый материк, а не разрозненные острова, недостижимо далёкие в океанских волнах друг от друга и от нас, ныне живущих. Всемирная отзывчивость русского гения вобрала в себя всё лучшее в книжном / некнижном достоянии европейских народов.

Полноправный представитель славянского типа гениальности Юрий Кузнецов на пройденном им пути подтвердил, что вместе с эпическим синтезом жизненного опыта мы получим возможность дорастить современные меры

мира и человека до истинно-христианских. Подобное творческое открытие опрокинуло самое опасное заблуждение века – мнение о том, что органично развитый русский язык остался лишь в прошлых столетиях, ныне его эпический компонент угасает, уподобляясь языкам романо-германского мира, русский язык скоро его утратит и станет языком индивидуалистов.

В ответ на пессимистичные прогнозы Юрий Кузнецов проявил достойный уважения и подражания целостный жизненный пример. На деле помог осознать масштаб, характер стоящей перед всеми нами проблемы, отпрянуть от бессилия, поверить в правоту сердца мудрого, равнодушного. Испить чашу на пиру – и значит вынести столько, сколько вмещает сердце, переполненное состраданием и смирением.

Евангельский контекст у Юрия Кузнецова тесно сплетён с контекстом мысли о Русской дороге и – иногда косвенно, иногда прямо – отсылает нас к классике золотого века. Криво «прокатилось, промоталось / По плакун-траве да по трын-траве» да и развалилось на щепки и обломки бешено вращающееся колесо. Сколько ни вопрошали: «Ты откудава / Оторвалось? Куда держишь путь?», не дало колесо ответа... Припрягать ли к смыслу стихотворного этюда «Колесо» (1970) отголоски лирических отступлений из «Мёртвых душ»? Каждый сам волен решить, где чичиковская брочка, а где птица-тройка.

*Надоело качаться листку
Над бегущей водою.
Полетел и развеял тоску...
Что же будет со мною?*

*То ещё золотой промелькнёт,
То ещё золотая.
И спросил я: – Куда вас несёт?
– До последнего края.*

Вариации, подобные этой, написанной в 1973 году, освежают восприятие «вечных тем», учат не бояться сложных вопросов.

Когда не под силу ослабить жало насмерть разящей стрелы, слабый человек опасно увёртывается в сторону, пытается закрыть глаза на «роковые» проблемы. Но в эпическом пространстве все стрелы летят прямо в тебя и чем злее острия, направленные в твоё собственное сердце, тем сильнее катарсис – очищение, рождающее смелых и равнодушных. Так человек обнаруживает, подчас неожиданную для него самого, свою внутреннюю стойкость, способность достойно ответить на вызов судьбы.

Гражданин своей страны, Юрий Кузнецов сознавал, что в ситуации, когда родному русскому языку угрожает потеря субстанциональных основ, надо не жаловаться на обстоятельства, а действовать. Работать, пусть и на пределе возможностей, над тем, что исключит утрату духовного отечества. Он считал лилипутскими попытки притянуть гигантский монолит к сиюминутным «актуальным» идеологическим кампаниям. Куда уж! Там, где энергия подбита силами гравитации, поэзия напитывается от земли и обращает нас лицом к православно-христианскому духовному реализму.

Поэт довёл работу до той стадии, на которой мерки, применяемые к феномену русского самосознания, любые подходы к нему уже не могут быть раздробленными, индивидуалистскими, сугубо относительными.

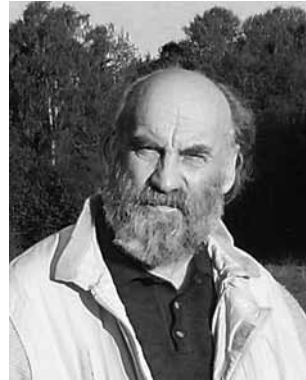
ПОЭЗИЯ

Редакция журнала «Великороссь»
поздравляет Юрия Богданова
с 70-летием!

Юрий Николаевич Богданов – поэт, переводчик. Родился 8 августа 1944 г. в г. Горький. Окончил Минское музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964) по отделению народные инструменты, работал преподавателем в музыкальной школе г. Барановичи Брестской области Белорусской ССР (1964-71). Состоял в КПСС (с 1969 г.). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР (1974). Член Союза писателей с 1989 г. Член Президиума и Правления МГО СП России.

Живёт в Москве.

Юрий БОГДАНОВ

I Княгиня Ольга

1

Господи, дай мне небесные силы
Краешком глаза в ту даль заглянуть,
Чтобы наветы во тьме не сокрыли
Нашего прошлого истую суть.

В бусах княгини буду жемчужиной:
Сердце прошила суровая нить.
Чую характер Ольги недюжинный,
Могущий судьбы народа вершить.

Вижу её белоснежную кожу,
Свет уловившую солнечных гор...
Разумом светлым княгиня пригожа

И не приемлет в решениях вздор.
С юных ногтей Ольга знала, что сможет
Бросить сквозь вечность очищенный взор.

2

Бросить сквозь вечность очищенный взор
Люду простому заказано было,
Чтоб не опутала тёмная сила, –
Русич извечно правдив, не хитёр.

В давние годы – ребёнком безвинным –
Вещая Ольга в пророческих снах
Видела чётко лихую судьбину,
Не затмевал очи низменный страх.

Вот и сейчас: любый Игорь с дружиной
С данью древлян поспешает домой, –
Каплями крови мечи окропили...

Вдруг воротиться решил беспричинно:
Злата добрать! С ним скачу за бедой
В неразличимые древние были.

3

В неразличимые древние были
Через лета я взглядеться хочу...
Ветер веков задувает свечу –
Игоря-князя древляне казнили.

И на княгиню обрушилась тьма –
Чёрною птицей на душу слетела:
К мужу любовь её заледенела –
Стала коварным отмщеньем она.

Сватов древлян заманила на двор, –
С лодкой живыми их закопала,
Других – в жаркой баньке нещадно сожгла...

Расправы над мужем простить не могла, –
Тёмные мысли не оставляла,
Души тревожащие до сих пор.

4

Души тревожащие до сих пор,
Эти поступки оправданы Богом,
Не Саваофом – бездушным Сварогом, –
Что не послал Ольге даже укор.

Замысел был справедлив и суров:
Вот – убиенного князя могила –
В память о муже древлян опоила
И перебила пять тысяч врагов.

Слух растекался, как чёрная лава!
А в поднебесье стонали берёзы –
Стыли на ветках горючие слёзы...

Путь к вере истинной долог, тяжёл,
Но за княгиней люд праведный шёл:
Здесь обретали Святую Державу.

5

Здесь обретали Святую Державу –
Только б строптивых древлян покорить:
Их неумную гордость смирить,
Отнять на свободу дерзкое право.

Вздумала Коростень враз разорить, –
Да неприступны древесные стены...
Жителей гладом хотела сморить,
Но не случилось во граде измены.

Пленные молят древлянских богов
Жизнь сохранить волевому народу,
И не забрать у родителей чад.

Но не щадила княгиня врагов!
Видела в снах, что над будущим родом
Призраком сгинет языческий чад.

6

Призраком сгинет языческий чад –
Чистое небо откроется людям,
Но не сегодня! Дружины стоят
Во всеоружии... Дале что будет?

Вдруг испросила потешную дань:
По три голубки принесть от подворья.
Пообещала воинственный стан
Снять у столицы и, может быть, вскоре.

К лапкам приладили с паклей огонь,
И – возвратились голубки под стрехи...
В мщении не было большей утехи –

Слышать древлян погибающих стон...
Тени сожжённых вовек не стоят
В Храмах Христа в тихом свете лампад.

7

В Храмах Христа в тихом свете лампад
Вспомнит любимого мужа потерю,
Как обретала вселенскую веру,
Преодолела духовный разлад...

Ну, а сейчас – пленный град полыхает:
Огонь пожирает людей и дома.
Вижу, как искра ей грудь прижигает –
Пепел на жемчуге, как седина.

С этой минуты сомненье затлело
В сердце её о своей правоте:
Чем провинились младенчики те,

Чтобы чинить незаконно расправу...
Вижу: в веках не за чёрное дело
Петь будут Ольге молитвенно славу.

8

Петь будут Ольге молитвенно славу
С древних времён и до нынешних дней:
Явлено ею нам православие,
Великолепие божьих церквей.

Но далеко ещё до осознания
И ощущения тяжкой вины...
Из-за какой-то невидимой грани
Часто приходят тревожные сны.

И неожиданно, в дальней дороге
Встретился ей неземной человек:
Не говорил, а с достоинством рек

Он о познании единого Бога:
Загодя знал: будет Ольга святой –
Бога живого возлюбит душой.

9

Бога живого возлюбит душой.
Путь ей укажет священник Григорий:
Ольга увидит над Русью свет горний,
И прегрешения станут золой.

Жаждала к вере иной приглядеться,
Чтоб не застлал очи новый обман...
Полнилось жарким сочувствием сердце
К службам божественным тех христиан.

В этом была и Всевышнего воля!
Да обретёт православная Русь
С Божьей молитвой желанную долю:

Не было более значимой цели!
Молвить воистину не убоюсь –
К вере Спасителя мы прикипели.

10

К вере Спасителя мы прикипели
С той незабвенной и светлой поры!
Видел народ, как духовный порыв
Ей помогал в государственном деле.

С помощью Божьей росли города,
И возникали в Державе Погосты.
Ольге в язычестве было непросто:
Шло на неё, как большая вода.

Но в убежденье своём устояла:
Освободилась от множества пут,
Но не смогла умолить Святослава

Правую веру принять ради жизни,
Чтобы Христа возлюбили в Отчизне,
Да не снискали безбожный уют.

11

Да, не снискали безбожный уют,
Те, кто познали душою Мессию!
Ольга сама посетит Византию,
Чтоб обрести там духовный приют.

Посольству оказан достойный приём:
Крёстный княгини – сам Император –
Стал во Христе ей праведным братом...
С великою верой вошла в Божий Дом.

И пролилась в душу Божия милость –
Чудом цель жизни, казалось, свершилась,
Но не окончен означенный труд:

Небо для многих ещё не открылось!
Верила, что ко Христу все придут, –
Век сей таинственный был очень крут.

12

Век сей таинственный был очень крут –
Дедовской верою люди болели:
Новую – сразу принять не всхотели...
Как разорвать Ольге замкнутый круг?

В Киев вернулась с иконой Христа –
Стало апостольским в землях служенье:
Теплилась в сердце княгини мечта –
Сына склонить ко святому крещенью.

Строила Храмы на древней земле:
В мыслях о будущем зрела тревога!
Но поняла: если власть не от Бога, –

Русь заплутает в языческой мгле.
Знал христианин: живёт Бог не в теле –
Ольгину святость в грядущем узрели.

13

Ольгину святость в грядущем узрели
Веры сподвижники древней Руси.
Мёртвым божкам бить поклоны не смели.
Идолы стали у них не в чести.

Но продолжается годы борьба, –
Вера в Христа укрепляется в муках.
Ольге в наследство вручила судьба
Пестовать в Боге великого внука.

Любый Владимир совсем ещё мал,
Но выделялся божественным ликом,
Как Святослав, не труслив и удал

Смелый Креститель Державы великой.
Зрят – как он правит железной рукой –
Очи провидцев в юдоли земной.

14

Очи провидцев в юдоли земной
Видели в небе княгиню святую –
К ней возносились молитвой простой:
В образе чуяли душу родную:

В скорби утеши и нас просвети,
Да преспеваем любовью в вере,
Помощь подай в многотрудном пути
Всем ослеплённым ветрами безверья.

Туманом стекает с глаз пелена:
Мы – благ наследий сподобимся вечных
В Царствии Бога Христа бесконечном.

Во временной жизни будит она
Душою заблудших в ереси хилой!
Господи, дай мне небесные силы.

15

Господи, дай мне небесные силы
Бросить сквозь вечность очищенный взор
В неразличимые древние были,
Души тревожащие до сих пор.

Здесь обретали Святую Державу:
Призраком сгинет языческий чад.
В храмах Христа в тихом свете лампад
Петь будут Ольге молитвенно славу.

Бога живого возлюбит душой –
К вере Спасителя мы прикипели,
Да не снискали безбожный уют.

Век сей таинственный был очень крут.
Ольгину святость в грядущем узрели
Очи провидцев в юдоли земной.

II
Князь Владимир

1

Очи провидцев в юдоли земной
Ветром жестокой эпохи слезило:
Междоусобицы гнал чередой –
Русичам рвал он духовные жилы.

Князь Святослав, собираясь в поход
В землю болгарскую, вотчину роздал
Трём сыновьям, с верой: Русь не падёт,
Не устрашится ворожей угрозы.

Но Святослава неожиданная смерть
Княжичам юным войной обернулась:
К Ольгиным внукам в древлянах проснулась

Их вековечная кровная месть.
Дали небес и плакучие травы
Заволокло, как туманом кровавым.

2

Заволокло, как туманом кровавым,
Думы древлян о победной войне,
Не показался им замысел странным,
Но позабыли о давней вине –

Об убиении Игоря-князя...
И вокруг Олега сплотились они
Против Христа и язычества ради...
Да в этом были велико вольны!

И разгорелась стихийная страсть –
Заполучить беспредельную власть!
Много воды с той поры утечёт...

Был Володимир наследным бастардом,
Но малолетку не брали в расчёт
Старшие братья Олег с Ярославом.

3

Старшие братья Олег с Ярославом
Жили средь скопища злых языков:
Что было создано батюшкой здоровым –
Гибло в стозвоньи мечей и щитов.

Брата нашёл после варварской сечи
В груди раздавленных конницей тел...
Смерти Олега никак не хотел:
С ним гибель брата оплакали свечи.

Казнился душою перед толпой...
Скорбь разогнали победные клики!
Как незаметно для князя проникли

Чёрные люди в его окруженье?
Кровные братья по их науценью
Власть не смогли поделить меж собой.

4

Власть не смогли поделить меж собой
Сильные мира Того, но Владимир,
Знал, что в семействе был, словно изгой,
И не пришло время властвовать Миром.

В страхе за жизнь и важнейший престол
Он отлучился с надёжным отрядом
В земли иные – к постылым варягам:
Ратную помощь внезапно обрёл,

И на соперников двинул войска –
Миссия князя была велика...
В этих погибельных столкновениях

Подковой коня его – не согнусь!
Бесы пытались мешать единенью –
Бился Владимир за сильную Русь.

5

Бился Владимир за сильную Русь:
Новгород взял и собрался на Киев...
Были пути примиренья другие,
Но не вошёл с братом в ложный союз.

К войску примкнули словене и чудь –
В Полоцке к браку принудил Рогнеду...
Кровью отмечен язычника путь –
Прочил христианам новые беды.

Изрёк: «Володимир иде на тя,
Пристраивайся противу битися...»
Князю младому потомки простят

За целость Державы кровопролитья.
В толпах погасит худое брожение –
Тьму победит он в духовном сраженьи.

6

Тьму победит он в духовном сраженьи
В будущем времени, но не сейчас:
Чувствовал кожей страны зароженье –
Вот и приспел сей решительный час.

Киев стоял, но зверела измена,
И Ярославу внушали: «Бежать!
Вряд ли поможет неверная рать:
Надо глаголити с братом смиренно –

Только при встрече с бастардом не трусь!»
Но Ярослава пронзил смертный страх –
Под пазухи подняли на мечах...

После загаданной братовой смерти
Станет во Киеве единодержцем:
Сбросит с народа язычества груз.

7

Сбросит с народа язычества груз.
Взыщет он в жизни Единого Бога,
Душу очистит совсем от порока,
Истиной смоем налипшую гнусь.

В тяжкой кольчуге ходил всякий год,
Русичей кровной храбростью радовал,
Объединял разноликий народ,
Пас свою землю разумом, правдою,

Но поклонялся идолам страстно
И за язычников ратовал рьяно –
Люд приносил он в жертву бесстрашно!

С годами же к памятным истуканам
Созреет у князя предубежденье
И приведёт ко Святому Крещенью.

8

И приведёт ко Святому Крещенью
Он дерзновенно младую страну,
Да отметёт чужеродные мненья,
Чтоб отвратить от неё сатану.

Вольно пока бесовщина гуляет
По неокрепшей небесной Руси.
Но православный доподлинно знает:
Павшим за веру – грехи Бог простит.

Сгинули Фёдор с родным Иоанном –
За христианство отдали живот:
Судьбы полёгших – у нас в душах раной...

Людям казался с богами он равным.
Думы Владимира были о главном:
Общая вера – Державы оплот!

9

Общая вера – Державы оплот:
Предполагал, что под властью Перуна
Разноязычная чернь вмиг придёт
К объединению в княжестве юном.

Древние боги несхожих племён
Над однородцами силу имели,
И Володимира строгий закон
Втайне сородичи тихо презрели.

Он за дружиною, – как за стеной, –
В брани, в пирушке – витязи-друзи:
Не подневольные князевы слуги

Тщатся за идолом в радостный бой,
Но христианство сродясь не приемлют –
Слову Владимира русичи внемлют!

10

Слову Владимира русичи внемлют!
Но не уверен, что в корне он прав:
Тёмному люду уступку отдав
Он в древней вере... В решении медлит.

В пропасти диких любовных утех
Он искони ублажался во страсти.
Где умножается дьяволом грех –
Преизобилует дух благодати...

Время бежало конём боевым:
В землю врагов я вгрызался подковой –
Годы служивые были суровы,

Но никого не боялись мы с ним!
Погань коварную мы одолели –
Русь собирает славянские земли.

11

Русь собирает славянские земли –
И воссияла мысль в сердце его:
Благопотребно расстаться, немедля,
С мёртвым Перуном! Но кто же другой?

Русь полонить пыталась наскоком
Всякая вера! Но мудрость – в сравненьи.
Призри на князя Божие око –
Отдаст православию предпочтенье.

Первым крестился, взял в жёны Анну –
Сестру императоров Византии...
Скачем мы в Киев зорькою ранней,

А истуканы стоят частоколом:
Брёвна не слышат Владимира слово...
Боже, не дай, чтобы нас погубили!

12

Боже, не дай, чтобы нас погубили
Не признающие веры Твоей...
И посемя истуканов срубили
По указанию в несколько дней.

Князь объявил всем: крещение будет
У града Киева в водах Днепра,
Завтра на берег должны прийти люди,
А кто не захочет – «будет мне враг».

И совершилось Святое Крещенье!
Владимир отбросил в вере сомненья:
Содейл духовный переворот.

Но древняя вера не знала затишья!
Господи, наши молитвы, услыши,
Да сохрани православный народ.

13

Да сохрани православный народ
За истую веру, Божий воитель,
Духовности русичей прародитель,
А люд – Красным Солнышком наречёт.

Заря православия воссияла,
И отошёл от нас идольский мрак,
Правда Владимира людям являлась
Солнцем Евангельским в тёмных мирах.

И начала Русь Христа восславлять:
Строилось множество храмов во градах,
Се – Володимиру Божья награда!

Ни басурмане, ни прочая рать
В душах молитву Христа не убили –
С верой в Тебя наши пращуры жили.

14

С верой в Тебя наши пращуры жили,
В душах заветы святого храня,
С Богом Державу свою оградили
От разведённого бесом огня.

Господь, сотворивый землю и небо,
Призри на новыя люди сия,
Даждь веру им, как небесного хлеба,
Узрят воочию в жизни Тебя.

Равноапостольный княжу Владимир,
Бога моли о нас, наш небожитель.
Просим покорно тебя мы всем миром

За православие выдержать бой!
Верю в победу! О, дай мне, Спаситель,
Очи провидцев в юдоли земной.

15

Очи провидцев в юдоли земной
Заволокло, как туманом кровавым:
Старшие братья Олег с Ярославом
Власть не смогли поделить меж собой.

Бился Владимир за сильную Русь:
Тьму победит он в духовном сраженьи
Сбросит с народа язычества груз
И приведёт ко Святому Крещенью.

Общая вера – Державы оплот!
Слову Владимира русичи внемлют,
Русь собирает славянские земли!

Боже, не дай, чтобы нас погубили,
Да сохрани православный народ:
С верой в Тебя наши пращуры жили.

ПОЭЗИЯ

Николай ГОЛОВКИН

Поздравляем Николая Головкина с 60-летием!

Николай Алексеевич Головкин – поэт, эссеист, публицист. Член Союза писателей России. Член Международного клуба православных литераторов «Омилия» (Украина). Родился 4 ноября 1954 г. в Ашхабаде (Туркмения) в семье потомственных москвичей. Литературной деятельностью занимается с 1968 г. В 1977 г. окончил факультет русской филологии Туркменского государственного университета имени А.М. Горького. Автор книг: «Поэтическое излучение» (стихи, 1994), «Свет в конце тоннеля» (стихи, эссе, рассказы, 1999), «Иван-чай. Диалоги о России» (публицистика, эссе, рассказы, 2005), «Февральская лазурь» (стихи, 2010), «Троицкий иконописец» (эссе, рассказы, 2010), «Рябина» (стихи и поэма, 2013).

Живёт в Москве.

Возвратись к любви...

Россия Украину
спасала не раз.
Но предала та,
как иуда Тарас.

Как будто и не было
общей судьбы.
Сестра – не сестра уж,
границы столбы.

На Бога хула –
Кобзаря «Заповит».
В гражданской войне
край поэта горит.

И словом худым,
как чумой поражён,
народ.
Не начало ль
последних времён?!

Где ты, сердце, обронилось,
где тот пыльный шлях?
И бесовское явилось,
вспыхнуло в глазах.
Кто поднял вдруг Вию веки,
кто распял народ?
И текут уж крови реки
в этот чёрный год.

Край – могильная равнина,
пепелища, смрад...
Украина, Украина
погрузилась в ад.

Пощади и дочь, и сына,
смерть останови!
Украина, Украина,
возвратись к любви.

Америка, Америка,
держись другого берега.
Ни для кого не тайна:
нужна тебе Украина.

Русь Малая – великая,
Крещенская купель.
Ты в песнях многолика
и в щедрости полей.

А ныне ты – наложница.
И геймайдан – не блуд.
И подаяньем кормится
обманутый твой люд.

Как утлое судёнышко,
руля нет и ветрил.
С похмелья да на доньшко –
и всю поглотит ил.

Очистись покаянием,
пойми, кто друг, кто враг.
И, вспомнив о предании,
взметни Андрея флаг.

Новый изничтожитель русских

Как известно, лучший, по мнению некоторых, способ перевоспитания человека, это его... убийство, так сказать, «окончательное решение вопроса». Именно таким образом с русским пребыванием в мире хотели разобраться Гитлер и прочие деятели новой Германской Империи, соединившие давнюю программу своих предшественников в отношении славян («Натиск на Восток») с модерными человеконенавистническими теориями.

Здесь удивляют не повторяющиеся на Западе чуть не с XIV века призывы разобраться с этими «скифами», а то, что с программой уничтожения русского народа как целого выступает человек, выказывающий себя защитником русских. Думается, что мы имеем дело с феноменом «крокодилей слезы», роняемой маньяком, лицемерно оплакивающим свою жертву, в спину которой он же и вонзил кинжал. Ему хочется и на убийстве нажать капиталец, и возомнить о себе как гуманисте, оригинально «помогающем» ближнему в духе западной максимы, гласящей «падающего подтолкни». Эту сторону вопроса, который бы весьма заинтересовал душеведа Ф.М. Достоевского, и хотелось бы разобрать.

Речь идёт о дискуссионном материале блоггера Алексея Широпаева*. Он и его сторонники называют себя «русскими национал-демократами», которые якобы имеют неизмеримо лучший план возрождения России, чем обычные национально-чувствующие люди России. Новоявленный *нацдем* хочет урвать наши проблемы раздроблением единого государства и его русской сердцевины. Он уверен в спасительности создания в рамках Российской Федерации «...нескольких, предположительно семи русских республик на основе регионального и субэтнического самознания». По сути, автор предлагает слом единой

* http://www.lgz.ru/article/N52-6398-2012-12-26-/Staty-nov%D1%8Bm-narodom20568/?sphrase_id=23459

Владимир Николаевич Шулгин – профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта, доктор исторических наук.

Живёт в Калининграде.

государственности и заключение нового межгосударственного «федеративного договора» между новыми и старыми «субъектами».

Ложь здесь изобилует. Мысленно спросите Пушкина с его девизом *Россия встань и возвышайся* и одновременно всю нашу полноту, включая «друга степей калмыка», живота не жалевшего ради державного единства, этого залога народной силы, можно ли считать русским национальным политиком блоггера, призывающего «...радикально сменить русские смысловые коды и, прежде всего, снять ментальную установку на “великую страну” с центром в Москве». То есть мы должны снять пушкинский девиз и начертать «новый»: «Россия ляг и унижайся», саморасчлняясь к радости алчных соседей. Только сумасшедший или лжец со своими сепаратными целями может считать расчленение единого, хотя и большого тела, его излечением. «Если болен, ложись на плаху для четвертования», – вот рецепт нашего нового «русского спасителя».

Его попытка обосновать прожект также лжива, поскольку не является добросовестным заблуждением. Он хочет казаться строгим мыслителем и выстраивает следующий силлогизм, в котором смешивает истину и ложь. Большая посылка такова: «актуальный» русизм спонтанно «генерирует империю» (это чувство державности наш идеолог не любит, беря *русскость* в кавычки, как негодное качество). Малая его посылка такова: империя для русских всегда мачеха, их эксплуатирующая. Вывод: надо «радикально сменить русские смысловые коды», отказавшись от Русизма и Империи.

Фальшивый «национальный демократ» прибегает к имитации принципов новоевропейского выводного знания для подгонки материала под результат, который он выпестовал в соответствии со своими пристрастиями. Он ненавидит русских. Такое случается в смутные смердяковские времена даже с высокопоставленными деятелями. Это явление подметил великий провидец Ф.И. Тютчев в пореформенное время, когда при Александре II расцвело правительственное западничество с его любовью к Лондону, Вене, Берлину... Это был результат беспочвенного воспитания многих и многих русских сановников, внутренне расставшихся со своим народом.

Меж тем, *русский характер* впечатлил Наполеона, Бисмарка, Гитлера, вынужденных пересматривать свои первоначальные представления, почерпнутые из лицемерия наших космополитических верхов. Наполеон жалел, что у него не могло быть таких удалых рубах, как наши казаки, типично русское явление вольницы. Бисмарк понял, что нельзя воевать с народом, духовная мотивировка поступков которого столь непостижима для западного человека-материалиста. Он был очарован нашим словом «ничего», постоянно его повторял в трудные минуты, требовавшие мужества. «Ничего» сродни другому мистическому слову «авось», в котором Юрий Кузнецов уловил характерную только для русских «...бесшабашность и мудрость с запечным зевком», «...и веселие риска, / Славный путь напролом и искус василиска», сказку «русского духа и ключ от Москвы».

Немцы к 1944 году также осознали, что ничего у русских не поняли. Они привыкли к философическим глупостям вроде «женской славянской души», взыскующей немецкой плётки, а тут вдруг на себе испытали «железное болеро» в сталинско-жуковском и матросовско-маресьевском исполнении. Немец, тоже не трус, но педант, склонный доводить глупость до логического конца. Он поздно ощутил правоту Бисмарка, предостерегшего от войны с Россией.

Добросовестный русский, зная всё это, будет стремиться возродить нашу государственность, поднять её до уровня великих возможностей, данных

русизмом, этим нашим врождённым характером. Он одушевится не узкой Темзой, а великой Волгой, не мелким европейским мещанством и протестантской скопидомной этикой, а собственной ширью, щедрым величием, отвагой, дерзновением, умением ставить и решать вселенские задачи. Наш народ, единственный в христианском мире, назвал себя духовно, по вере: *мы – крестьяне*. Русские воздают благодарность также духовно, молитвой: *спаси тебя Бог (спасибо)*. Это народ, высшим идеалом которого стала святость: *Святая Русь*.

В.А. Жуковский недаром, сознавая это, звал верхи к новому обрусению. Мысленно он обращался к царю, недостатком которого была противоестественная кадровая политика: «Быть Русским Государем есть любить Россию, гордиться именем Русского, **желать блага Русским предпочтительно перед другими народами...**» Сюжет заканчивается прямым предостережением: «...без любви к народу дела Государя мертвы: он строит на песке, на минуту, для разрушения»*.

Великие русские умы и сердца, начиная от Ломоносова, Сковороды и далее ко времени Фонвизина, Карамзина, Пушкина поняли главное, что до сих пор не уловлено нашим политическим классом. Русские – «первоначальный народ». Достоевский добавит: *народ-богоносец*. Нас не должны сбивать со своего пути ни «низости папизма» (Пушкин), ни дальнейшая протестантская деградация Запада, приведшая к *полупросвещению* (Карамзин, Пушкин), то есть к порочной бездуховной образованности под видом гуманизма, вылившегося в *кантовские интеллигентщину и сатанизм* (Флоренский, Лосев), увлёкшие учёный люд.

У русской цивилизации, верно понятой, имеется Богом данная *отдельная формула* (Пушкин, И. Киреевский и т. д.). Недаром наш национальный поэт скажет о России как «судилище Европы». Он знает, что «мы православные», к этому духовному состоянию надо постоянно восходить. И пропуск во вселенскую правду у русского один – оставаться самим собою. Как писал Юрий Кузнецов:

*Бывает у русского в жизни
Такая минута, когда
Раздумье его об Отчизне
Сияет в душе, как звезда.*

*Ну, как мне тогда не заплакать
На каждый зелёный листок!
Душа, ты рванёшься на запад,
А сердце пойдёт на восток.***

Итак, русское сердце и русская мысль поняли то, о чём начинал догадываться и сам Великий Пётр, невольно «унизивший русских в их собственном сердце» (Карамзин), нарушивший меру внедрения чужого, повредившего органический строй национальной жизни. Поэтому возникла потребность нового обретения гармонического единства верхов и низов

* Жуковский В.А. ПСС. Т. 13. С. 303-304 (выделено мной. – В.Ш.). Это было повторением мысли Карамзина, высказанной в 1792 г. стихами, посвящёнными Екатерине II. Карамзин писал: «Там трон вовек не потрясётся, / Где он любовью бережётся...». – Карамзин Н.М. К милости // Сочинения в 3-х т. М.: 1848. Т. 3. С. 15.

** Кузнецов Ю.П. Стихотворения и поэмы / Сост. В.В. Кожин. – М., 1989. С. 54.

общества. Говоря просто, элита в русской стране должна быть русской по настроению.

Только недобросовестный человек скажет, что всё это «национализм» или «шовинизм». Н. Макиавелли говорил, что правитель не может выбирать народ, но должен формировать политическую элиту, обязанную свой народ хранить. Пока до понимания этого далеко, а время на месте не стоит. Политический вакуум неизбежно заполняется чем-то противоположным. Вот и придумываются человеконенавистнические схемы «окончательного» уничтожения России, напоминающие планы немцев-нацистов. Отсюда и кричащая противоестественность, а именно имитация некоторыми нашими горе-националистами немецких нацприветствий, симпатий, терминологии, да и... русофобии. Да, да, – русофобии, внедрившейся в самих русских, что само по себе обличает данное современное общественное направление.

Ознакомление с германскими планами 20–40-х гг. XX столетия в отношении России и русских позволяет найти один из источников, откуда мог почерпнуть патологическое вдохновение блоггер. Расчленив Россию и русских «окончательно» и навечно стать их господами во имя Великой Германии, – вот цель, сплотившая ту германскую элиту, которая пришла к власти в 1933 году. А. Розенберг, глава восточного направления политики Германии и теоретик боевой немецкой экспансии на Восток, за два дня до нападения на СССР произнёс программную речь «в узком кругу». Он говорил, что целью Германии является сокрушение «московского централизма» в том числе и при помощи натравливания нерусских народов на русских, на их исторический центр Москву.

Делу сокрушения Руси планировалось придать определённые формы, например, выкроить из огромной территории Советского Союза отдельные квазигосударственные образования и, натравив их на русских, «освободить... Германскую империю на будущие века от восточной угрозы»*. Розенберг говорил о плане прямой экспансии на Восток с захватом Крыма и т. д., о создании марионеточных буферных государственных образований, вроде Великой Финляндии, Украины, Кавказской федерации. Собственно русские европейские области подлежали подчинению Германии «в качестве четвёртого комиссариата»**.

Видим, что прожект расчленения Русского мира, предложенный самозванным «русским национальным демократом», весьма напоминает старую аналогичную немецкую схему, но с одним отличием. Розенберг был честнее. Он желанные для немцев расчленение и крах Руси не выдавал за её спасение. Он говорил: «для русских предстоят очень тяжёлые годы». Блоггер же выдаёт план раскола нашего народного и государственного целого за счастливое решение русского вопроса с созданием предельно рыхлой конфедерации и разделением между Севером, Центром, Уралом, Сибирью и другими нашими регионами, становящимися суверенными государствами.

Немцы стремились расчленив Русь, чтобы самим властвовать над нею, «наш» блоггер также старается не для русского народа, но помалкивает о бенефициарах операции. Впрочем, о подобных прожектах мы уже слышали от Бжезинского, Тэтчер, Олбрайт и т. п. западных политиков. Новый лжератитель о нашем благе старается услужить Западу. В самом конце статьи он

* Ямпольский В.П. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. – М., 2008. С. 87..

** Там же. С. 94-95.

проговаривается, отмечая, что его план «...это, по существу, форма вестернизации, стремление помочь русским стать достойной частью цивилизованного мира». Нам предлагается потерять единство, чтобы Западу было удобнее проглотить нас по частям. А.Д. Градовский и П.А. Столыпин прежде, а в наши дни А.А. Зиновьев показали, что ждёт народ, забывший о своих национальных задачах. Быть одобрением для ненасытного западного Левиафана – счастье сомнительное.

Итак, предлагаемая самозваным «национальным демократом» вивисекция страны является, по сути, планом уничтожения России. Он твердит свои лживые словеса, пользуясь достигнутым уровнем дебилизации граждан, многие из которых потеряли критическую способность мышления в обстановке смуты, царящей в народном образовании, под влиянием рекламы, попсы и футбольной истерии. **Блоггер пропагандирует самоубийство целого народа под видом его спасения.** Подобное происходит в дьявольских сообществах, которые стремятся одурманить молодёжь. Доверчивым юношам внушают мысль, что спрыгнуть, например, с крыши небоскрёба в особом настроении – это обретение счастливого бессмертия.

Процесс внедрения в массы бациллы сепаратизма становится всё более явным. В нашем Балтийском Поморье, на Калининградской земле это очевидно. То, о чём раньше грантократы, то есть некоторые вузовские и школьные преподаватели, деятели культуры и общественники, живущие на западных подачки, шептали тайно, теперь говорится во весь голос.

Грех наших администраторов, которых язык не поворачивается назвать политиками, в том, что многие из них, будучи внутренними эмигрантами, и, зачастую, перевезя свои первые и вторые семьи в разные страны Запада, Россию воспринимают как дойную корову. Руси, конечно, как они про себя думают, суждено околеть, но пока она доится, надо ею ещё попользоваться.

Этого блоггера, мечтающего о распаде России, сильно полюбили немцы, постоянно отслеживающие, как идёт процесс «отдаления Кёнигсберга» (так они именуют русский город) от Москвы с перспективой его полного отделения. Уже сформирована особая «региональная» или «калининградская идентичность». Ширятся ряды историков, филологов, политологов, социологов, психологов, переключившихся на пропаганду «кёнигсбергщины» во всех её видах.

Один университетский деятель обратил внимание на знаковую интернет-статью того самого А. Широпаева, опубликованную ко Дню Победы в 2009 году*. Это мерзейший русофобский материал, суть которого видна из заглавия: «Могила неизвестного насильника». Наш солдат, представитель народа, потерявшего около тридцати миллионов человек из-за вероломного нападения немцев, решивших захватить Русскую землю, изображается садистом, насильником, вообще inferнальным злодеем. Всё ставится с ног на голову. У молодого неопытного читателя неизбежно рождается мысль: «жаль, что немцы проиграли в войне».

Ни одного положительного качества у русского человека блоггер не знает. Метода его проста: он произвольно цитирует удобные ему высказывания, в основном немецкие, отсекая не вписывающиеся в его русофобскую картину. Не приведёт он высказывания немецкого офицера и мыслителя Э. Юнгера, уже в 1943–44 гг. уверенного в поражении немцев, как неизбежном воздаянии

свыше за зверства в отношении русских*. Широпаев всё сваливает с большой головы на здоровую, твердя, что Красная Армия напоминала «гибрид воинственной азиатской орды и шумного цыганского табора»**. Поверьте, это самое «доброе» выражение блоггера о наших воинах. Им забыты сожжённые сёла, разрушенные города, смерть миллионов в блокадном Ленинграде, всё, чем была для нашего народа война, вероломно начатая Германией.

Немцам, конечно, приятно всему этому внимать, мечтая о новой германизации Русского Поморья. Они довольны, что им удалось втянуть самих русских в процесс пересмотра итогов Великой Отечественной войны. Не случайно немка – участница университетской конференции в кулуарной беседе говорила, что Праздник Победы 9 мая русским надо отменить.

Мы видим, что забвение интересов русского народа поощряет смердяковскую часть нашего общества. Одним из когорты новых разрушителей является и упомянутый блоггер. Его русофобский материал 2009 года подтверждает ту истину, что «национал-демократизм» новых власовцев является подложным: в нём нет ничего русского, национального и демократического.

* См. военный дневник Э. Юнгера. Не так давно он переведён на русский язык.

** Сравнение Русских с дикой ордой достаточно распространено в русофобских кругах. На недавней конференции, посвящённой истории Первой мировой войны, проведённой в БФУ в ноябре 2013 г., один из приглашённых русским оргкомитетом докладчиков говорил, что немецкие концентрационные лагеря для русских пленных, как представителей варварской «орды», были весьма полезны, приучая их к культуре. «Культурная миссия» такого рода лагерей была хорошо известна пленённым русинам, которых австрийцы уничтожали тысячами за любовь к России.

* <http://shiropaev.livejournal.com/29142.html>

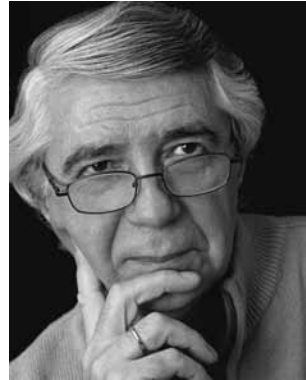

ПОЭЗИЯ

Сергей СКОРЫЙ

Сергей Анатольевич Скорый – родился и вырос в Крыму. Окончил Таврический национальный университет (Симферополь), аспирантуру Национальной академии наук Украины (Киев). Поэт. Член Союза русских, украинских и белорусских писателей АР Крым, Союза русских писателей Восточного Крыма. Автор пяти поэтических сборников. Стихи, проза, публицистика, переводы публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Нева», «День и ночь», «Южная звезда», «Ковчег» и многих других. Лауреат и дипломант ряда крымских литературных фестивалей. Доктор исторических наук, профессор археологии.

Живёт и работает в Киеве (Украина) и в Крыму.

«Несбывшихся желаний тоскуют корабли...»

Как подснежники в марте

Я, поверьте, не знаю, в чём дело – в природе, в погоде ли,
Может, в профиле тонком иль с неба слетевшей звезде,
Но вдруг в душу вливается тихая эта мелодия,
И куда ни гляди – музыкантов не видно нигде...

Её звуки печальны, свежи и так дивно пронзительны,
Что не стыдно заплакать и кругом идёт голова...
И, сроднившись с аккордом, в душе в этот миг поразительный,
Как подснежники в марте, во мне прорастают слова.

Только в Крым...

Под колёсный ритмический степ
На знакомства мне вновь повезёт...
Синим полозом поезд ползёт
Через знойную южную степь.

Мне бы взять – да осваивать Рим
Не в угоду капризной душе...
Ей решительно ясно уже –
Только в Крым, только в Крым, только в Крым!

Мозг на душу обидой горит:
– Ну, на кой тебе Крым, на какой?
Но за окнами – снова Джанкой
И восточный вполне колорит.

Встанут горы. И вспыхнет листва.
И опять – кипарис и миндаля.
Юг Тавриды. Безбрежная даль.
Синева, синева, синева.

А я лицом окно всё плющу...

Автобус наш – довольно старенький
На спусках «пишет» виражи.
Водитель с внешностью татарина
Трендит с попутчицей «за жисть».
На склонах лес – всё гуще, гуще,
И скалы небо достают...
А я лицом окно всё плющу –
Гляжу на родину мою.

В долине ветры – куролесят,
Отары туч гоня окрест.
Мелькнул – мечети полумесяц,
А дальше – христианский крест.

Пыхтит автобус тяжко в гору,
Потом легко шуршит с горы...
И перехватывает горло,
Когда въезжаем в Старый Крым.

Я буду сам себе завидовать...

Смотри, как мыс со свистом режет
Шуршащую волну зелёную...
На этой части побережья –
Такие бухты потаённые,

И ввысь стремящиеся скалы,
На них цветут деревья бантами...
В одной из бухт побудем малость
Единственными оккупантами.

И станет воздух весь пропитанным
Щемящей жадностью познания...
Я буду сам себе завидовать,
Скользя по лезвию желания.

Пусть хороши и Мюнхен, и Париж...

Здесь воздух, словно воду из горсти,
Моя душа без усталости алкала б,
Но эллинов потомок Константин
Плеснул нам щедро солнце по бокалам –

Сорокалетней выдержки «Мускат»
Вобрал в себя весь аромат Тавриды...
Мой трезвый ум в предчувствии корриды
Сразиться с хмелем бесконечно рад.

Ликуй, душа, над Родиной пари!
Ведь для тебя давно неоспоримо –
Пусть хороши и Мюнхен, и Париж,
Но нет роднее и прекрасней Крыма!

На Керченский хочу я полуостров...

Влекут Париж нас, Лондон или Осло,
Но дань любви отдам родной земле –
На Керченский хочу я полуостров
Попасть в прозрачном крымском сентябре.

За мной друзья заедут спозаранок.
У них – авто. А я уже готов...
И станет степь стелиться самобранкой,
Дивя зверьём и запахом цветов.

Полынный ветер непрерывно горек,
Но благостен – исчезла суета...
Скалистый берег. Здесь когда-то город
Милетских греков жил и процветал.

Ну, а теперь – руины, змеи, пустошь,
Обломки амфор, мидий да костей...
И море пожирает с гулким хрустом
Античный град по имени Китий.

Ах, звуки жизни, вы куда пропали?
Хочу вас слышать. Силюсь. Не могу...
И лишь порой мне чудится в рапанах,
Разбросанных на диком берегу.

Памяти Юлии Друниной

Старый Крым. Середина июля.
На погосте – трава да кусты.
На могилу Друниной Юлии
Я несусь полевые цветы.

Милый друг, преклонить колени мы
В этом месте с тобой должны
Перед ней и её поколением,
Обожжённым огнём войны.

И причин ухода не трогая,
Я скажу: – Нет поэта вины!
Пережить удалось ей многое –
Кроме краха родной страны...

В Феодосии – дождь,
Он ломает курортникам планы.
Где же бархат сезона,
Коль пляж Золотой опустел?
И заезжие «звёзды»
Здесь режут, хотя без обмана,
Душу радуют пеньем,
А глаз – амплитудой тел.

Ноги в мокром песке,
Но пойду постою на причале:
Он бетонною грудью
Таранит седую волну.
И в солёные брызги
Срываются с криками чайки,
Впечатленье такое,
Как будто хотят утонуть.

Ветер с моря подул,
Пригибая деревьев верхушки.
Слишком ранняя осень,
Быть может, в Крыму неспроста...
Под дождём бронзовеет
Александр Сергеевич Пушкин,
На прогулку он вышел
Сегодня, увы, без зонта.

Майское настроение

Как плещутся сиренью тенистые аллеи!
Какие песни маю поют, кружась, стрижи!
Ни красок и ни звуков Создатель не жалеет –
И аромат черёмух нам голову кружит.

И нет вокруг несчастий, предательств и пороков,
Благая весть исходит – от каждого лица,
А мир такой зелёный, а синь небес глубока...
Вот так бы всё и было... до самого конца.

Ценю восторг зелёной тишины,
Оторванной от городского шума...
Как хорошо в тени деревьев думать,
Глубинно проникая в явь и сны!

Отточена уединеньем мысль,
Не найденная в суете с наскоку...
Как бабочка, она, взрывая кокон,
Уверенно осваивает высь.

Эта осень на дожди щедра –
Видно, нет у Господа лимита:
За окном, как будто, из ведра,
Вся Земля уже почти залита.

Листья сбросил сад давным-давно
И теперь грустит в свинцовых лужах...
Дремлет ум, и голос мой простужен –
Разогрею красное вино.

В ноги лёг мурлыкающий кот,
И на грудь пристроен томик Блока...
Сон придёт, и, если повезёт,
Мне приснится чей-то рыжий локон.

Ах, как мело....

Морозный вечер отгорел.
И снег – искрист. И минус восемь.
И нелегко поверить вовсе
В начало марта на дворе.

Как водит за нос нас зима!
Ей календарь не стал указом...
И понимаешь это сразу,
Дверь приоткрыв: а снега – тьма.

Ах, как мело весь день вчера,
Сугробов круг – не прерываем...
И зябко ёжатся трамваи
На остановке до утра...

Я жду желанного письма –
Мне не хватает этих строчек...
Так мил мне Ваш летящий почерк
И для души, и для ума.

Не надо, право, прибегать
К услугам электронной почты –
Отдам я преклонённо почесть.
Всем Вашим буквам, как богам.

Поскольку с Вами лишены
Телесных игрищ популярных,
Давайте предадимся мы
Роскошествам эпистолярным.

Во искупление грехов,
Не рассекреченных словами,
Вы подарите флёр духов
Всему написанному Вами.

Живите в радости, отрада...

...Твои глаза зелёные, твои слова обманные...

Константин Подревский. Романс

Мне тему бы начать иную,
Хочу, да что-то не могу:
Немыслимо меня волнует
Рисунок тонкий Ваших губ...

Я был в объятьях правды голой
И у колен роскошной лжи...
Ну, почему Ваш дальний голос
Над головой моей кружит?

Земному мне – земное надо:
 Не кормят басней соловья...
 Живите в радости, отрада
 Зеленоглазая моя!

Давай, подпишем мир

На порубежье лжи и правды –
 Канатоходцам мы под стать...
 Родная! Если я не прав был,
 Начнём всё с чистого листа.

Тебя ведь тоже жизнь кружила
 Не только в дыме папирос...
 Но, слава Богу, мы-то живы,
 Теперь – надолго и всерьёз.

Уставшие от войн и зла
 Давай, подпишем мир сегодня!
 Смотри: на храме купола,
 Как слёзы светлые Господни...

В кафешке на Монмартре
 Звучит аккордеон,
 И в лёгкой хрипотце –
 Любовное томленье.
 Меж столиками, в зале,
 Господствует шансон,
 И за душу берёт
 Чужое откровенье.

Здесь вовсе не беда –
 Незнанье языка.
 Захвачены мы в плен
 Изысками вокала...
 И радостны вполне,
 К тому ж – пьяны слегка,
 И есть ещё янтарь
 На донышке бокала.

Нам дарит степь...

Немало лет прожив на белом свете,
 Мы наконец с тобой понять смогли,
 Кому и что нашёптывает ветер,
 Белесые волнуя ковыли.

В июньском небе жаворонки виснут,
 В колокола воздушные звоня...
 И, слава Богу, хоть на склоне дня
 Нам дарит степь чарующие мысли...

Проснусь, а за окном – февраль...

Я упивался этим сном,
 Что, в принципе, большая редкость:
 Весны дурманящая веткость
 Меня раскачивала в нём.

В бокалах расплескался смех –
 Мои друзья, которых нету,
 Свершив с Небес, на час, побег,
 Со мной курили сигареты...

Кратка их самоволка – жаль...
 Да, видно, долог путь обратный,
 Да, видно, строг там страж привратный...
 Проснусь, а за окном – февраль...

И Нюрка в сарафане у крыльца...

Нас «юнkersы» и «мессеры»
 Месили больше месяца,
 Огнём вбивая в землю тут и там...
 И не понять, где фронт, где тыл –
 Пылают хаты и мосты,
 А мы все – заскорузлились в бинтах...

Хрипел наш старшина Федько,
 Слова вплетая в горький ком: –
 К своим прорвёмся – рано нам на тлен!
 А перед этим, сплюнув «б..!»,
 Он лейтенанта расстрелял,
 Когда тот вякнул, дескать, лучше в плен.

...Ах, нам бы верить старшине,
 Да ни одной гранаты нет!
 Пять «трёхлинеек» на десятерых,
 Патронов мало, дело – швах!
 И пуд усталости в ногах,
 И глушат рёвом танки немчуры...

Откуда ж столько их взялось?!
 Нет! Не поможет нам «авось»...
 Вон – прут и прут, без края и конца!
 И чую, час пришёл сказать: –
 Прощайте, мамкины глаза
 И Нюрка в сарафане у крыльца...

А себе в гранёный – водки...

*Вот так страна!
 Какого ж я рожна
 Орал в стихах, что я с народом дружен?*
Сергей Есенин

Над могилою отца –
 Соловьи терзают глотки...
 Я себе плеснул винца,
 А отцу – в стаканчик водки.

Ломтик хлеба положил
 На пластмассовую ёмкость...
 И присел. И затужил.
 Сердце то замрёт, то ёкнет.

К памяти – летит на дно.
 А сосна качает веткой...
 Ты прости меня, родной,
 Что я здесь бываю редко!

Что не там торю свой след,
 Жизнь не выстроил парадной...
 Я, отец, чертовски сед
 И судьбой помят изрядно.

А ведь многое имел,
 Точно знал, что сердцу надо!
 Нынче – глохну в кутерьме
 Я в стране полураспада.

Не моя, поверь, вина,
 Что не дружен со стихами –
 Перманентная война
 В Украине не стихает!

Всех умело «развели»,
 Оскотинились все нравы...
 Ни вблизи, и ни вдали
 Не поймёшь, кто нынче правый.

А у вас на Той войне,
 Как по мне, всё было проще –
 Немец – враг! И пули росчерк
 Всем дарил свинец вдвойне.

Всё у нас – наоборот...
 Стали мы идейно вшивы –
 Продымился наш народ
 Весь насквозь Майданной шиной.

И от ненависти пьян –
 Где ж тут совладать с собою?
 И славяне... бьют славян
 В Украине смертным боем!

Тонет мир во тьме и лжи.
 Честь безумно поредела...
 Прав, отец, что не дожил –
 До такого беспредела...

Над могилою отца
 Соловьи терзают глотки...
 Я отцу – плеснул винца,
 А себе в гранёный – водки...

Я вовсе не несчастный, с ущербною судьбой,
 Но... всё ж, ходил я часто под «барабанный бой».
 И хоть неглупый, вроде, с задатками огня –
 На каждом повороте все «правили» меня!

Всегда был кто-то в чине и с очень громким ртом...
 Эх, как меня учили и щёлкали кнутом!
 Все в ногу: – Трали-вали! Поют. А я – молчу.
 Как в душу мне вбивали зачатки стадных чувств!

А я устал, ребята, от ваших всех утех...
 От вас бы мне куда-то подальше ото всех!
 Туда, где в Божьих дланях, в неведомой дали
 Несбывшихся желаний тоскуют корабли...

Отчего ж тогда, Светлый Ангел мой...

Растреножены, растревожены
 Мысли бродят в гулкой ночи –
 Что-то ищут в прошлом, заброшенном,
 Пальцы жгут огарком свечи...

Хвори нет во мне, и не в пьяни я,
 Что ж, кромсать себя, потрошить?
 Да неужто воспоминания,
 Как святой отец, покаяния
 От моей заждались души...

Вроде, жил с умом, не ходил с сумой,
 Верил в доброе горячо...
 Отчего же тогда, Светлый Ангел мой,
 Ты покинул моё плечо?

Плещется Земля тихо травами,
 Птичьей трелью воздух прошит...
 Мысли цепкими волкодавами
 Научились душу душишь...

Цветёт моё воображение

Увы, хоромы не построил,
 Не накопил наличность, но...
 Я помню, как пылала Троя
 И Атлантида шла на дно.

Орд кочевых неслись приливы
 Под пенье жадных скифских стрел...
 И в прошлом всё познать хотел
 Мой ум изысканно пытливый.

Событий, дат во мне кружение
 Легло в логическую связь,
 На стержне знаний находясь, –
 Цветёт моё воображение.

Мой ум – бесстыжий эрудит
 Срывает с прошлого покровы...
 И гул эпох многовековой
 В моей вибрирует груди...

Памяти Якова Рудя

Я не знаю, сколько проживу –
 Есть секреты за семью замками,
 Но всё чаще глажу я руками
 Эту землю, листья и траву.

И в былом каком-то пустяке
 Вдруг черты встречаю совершенства,
 И неизъяснимое блаженство
 Дарит чья-то песня вдалеке.

А порой гляжу: на склоне дня,
 По тропе на алом небосводе
 Мальчик, так похожий на меня,
 Босиком за горизонт уходит...

Василию Алоеву

Душу можно распять,
 Наплевать в неё – проще простого!
 Можно даже мишень
 На спине прицепить – не вопрос,
 Но... лампадой горит
 Во мне чистое русское слово –
 С ним родился, живу,
 С ним уйду я в мерцание звёзд.

2007-2014

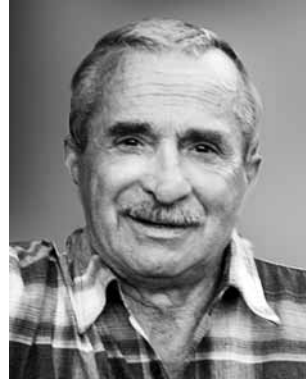

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА

Пётр Георгиевич Гулдедава – поэт, лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда», дипломант конкурса московской городской организации Союза писателей России «Лучшая книга 2008–2011» за сборник «Песни старого шарманщика».

Живёт в Москве.

«Млечный Путь озаряет снега...»

Странники

В горний космос ведут корабли
сквозь туманы небесного пуха
пилигримы мятежной Земли,
неуёмные странники духа.

Млечный Путь озаряет снега,
звёздной пылью клубясь от порога.
Полумесяц горит, как серьга,
в смуглом ухе цыганского бога.

И чтоб факел надежды не гас
в полутьме параллельных реалий,
то ли ангелы, то ли Пегас –
окрыляют дороги в астрале.

Что юдоль на пути ни отмерит,
словно дар от неё принимайте.
Всё одно: неуёмный холерик,
или скучный унылый флегматик.

Я приемлю судьбу без истерик –
то ликуя, то плача, то хмурясь:
окорнали мне крылья потери
и смертельно усталая мудрость.

Постепенно с годами смирнею,
и не рвусь «засветиться в зените»,
и за счастьем гонюсь не быстрее,
чем летает мой ангел-хранитель.

Мимо промчались, как ветры шальные,
с бешеным посвистом, вскачь,
добрые кони мои вороные –
дни беззаботных удач.

Вольно взметая косматые гривы,
тучи угрюмо низки.
В старых воронках от прежних разрывов –
тёмные воды тоски.

Ветром «свободы», как свечку, задуло
солнце вчерашнего дня.
Будто зрачок воронёного дула
время глядит на меня.

ПОЭЗИЯ

Юрий КОЛОДНИЙ

Юрий Николаевич Колодний – родился 16 мая 1958 г. в станице Калининской (Поповичевской) Калининского района Краснодарского края. Окончил два факультета Военно-медицинской академии (Санкт-Петербург). Автор четырнадцати поэтических книг и многочисленных публикаций. Имеет общественные награды. Член СП России и Международного сообщества писательских союзов. Член Высшего творческого совета МОО Союза писателей России. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член региональной общественной организации «Кубанское землячество» в Москве.

Живёт в г. Одинцово Московской области.

«Не надо жить чужой судьбой...»

Что, брат, ещё тебе сказать? Какую песню спеть?
Что Русь великая в беде и сколько боль терпеть?
Уж льётся кровь степной рекой, у дома смертный бой.
И слышен плач за упокой над общою судьбой.
Где брат на брата, кровь за кровь и между нами Мать...
Доколь заморскою стрелой друг друга убивать?
Где святость высшая, в беде не стоит ложь терпеть.
Не надо жить чужой судьбой, чужие песни петь.
И каждый должен сам понять, и выбор сделать свой.
В смертельной схватке устоять с коричневой чумой.

Боль

Рок законом неизвестным
Правит нами на земле.
И несём мы ходом крестным
Боль в невежестве и мгле.

Боль судьбы за все деянья,
Что прошли, пусть, в стороне.
В ней и радость осознания,
И любовь к своей стране.

Сильным силы боль вселяет,
Слабых всех она казнит.
И жестоко поучает,
Тех, кто с совестью ловчит.

И в удаче, и в покое,
Точно зеркало души,
Не даёт нам жить в застое,
В мире ханжества и лжи.

Боль присутствует, как прежде,
С нами в жизненной судьбе.
Учит жить в любви, надежде,
В горе, счастье и беде.

Небо синее – в цветке,
В горстке праха – бесконечность...
Уильям Блейк (1757-1827)

Из праха – в прах...
Смерть – это крах?
Душа ведь остаётся.
И светлый лик,
И Божий страх,
Что в сердце храбром бьётся.
Свет продолжает жить в веках.
В словах любви – дар вести.
И мысль, сокрытая в строках,
Воскреснет с чудом дара – вместе.
Из праха – в прах...
В других мирах...
Но память остаётся.
И светлый лик,
И Божий страх,
Что мудростью зовётся.

Огнём огня не загасить,
И силой правду не измерить.
Я воспеваю словом жизнь,
И призываю сердце верить.

Жизнь не прошла, ушло её цветенье.
Плоды созрели, осень у ворот.
Она как сон, как вечное мгновенье,
Пришла со мной, со мной она уйдёт.

И растворится в песне мироздания.
Блеснёт на небе яркою звездой.
И станет звуком, неземным приданьем,
Далёким эхом памяти земной.

Я вновь очутился в созвездье Стихов,
В коварстве страстей и невольных грехов.
Блуждаю как странник на стыке веков
В пространстве любви и забытых стихов.
Круг солнца замкнулся, тревожно в ночи.
Осталось сиянье от вечной свечи.
Но сила молитвы и свет от души
Зажгут вновь лампаду в далёкой глуши.
Спешу я по кругу ушедшего дня,
Чтоб сердце согреть у живого огня.

Я заглянул в твои глаза,
В их синь и глубину.
Спешила ранняя слеза
В далёкую страну.

Страну – любовь, где жизнь мечта.
И виден яркий свет.
Свети, сияй любви звезда
Нам много-много лет.

Душа услышит в сказке дня
Звезды простой завет.
В нём торжество любви огня
И свет ушедших лет.

Звучала музыка любви
В рассветный час весной.
Ты только сердцем позови
И рядом будь со мной.

О, не шутите вы с любовью!..
В ней Божий дар и страсть сердец.
Размытый след пропитан кровью
В саду несбывшихся надежд.

И дар любви, как дар смиренья
Разрушит зло земных преград.
Любовь – источник вдохновенья
И боль неведомых утрат.

ПРОЗА

Игорь УДАЧИН

Пчёлка и Долгопят

Рассказ

Подкинули нам работничка на запустовавшую вакансию. Петрович в общих словах объяснил ему работу и убежал к поставщикам. Мы особо на новичка не отвлекаемся, но всё-таки позыркиваем время от времени в его сторону, оцениваем. Воровать не станет. Это, будь вы нами, сразу прочитывается по виду человека, как по раскрытой на нужной странице книге. У нас, кладовщиков со стажем, на лиходеев глаз заточенный. Нутром чуем крысоватых. И даже если за руку не пойман, но все сошлись во «мнении» – таких не раз, сговорившись, выживали из коллектива. Не мытьём, так катаньем. Собственно, как вы думаете, вакансия для новенького освободилась? Благодарен должен быть... если так уж. И дело даже не в том, что весь костяк у нас подобрался из патологических бессребреников, ажно деваться некуда. Просто если уж химичить, так химичить сообща, с соблюдением всех про и контра. Вместе и отдуваться, если расклад выйдет бедовый. А не то что каждый сам себе на уме.

Вообще-то, сложно все эти тонкости вот так с кондачка разъяснить. Кто кладовщиком не работал, тему не прочухает. Не в обиду. Казалось бы, никаких университетов для постижения науки кладовщика заканчивать не требуется, и всё ж таки особая психология тут должна выработаться, особый опыт накопиться. Кладовщик шельмоват, но и у него есть свой кодекс чести, своё глубинное понимание профессии. Мужик ребёнка не обидит, как говорится. А кладовщик лишнего не умыкнёт.

Через руки кладовщика проходит столько разнообразного шикарного товара, что наш брат одними только глазами им наедается до отвала. Он не станет бросаться на всё, что плохо лежит, как собака на кость. Он ощущает себя хозяином, пусть и не своих закровов. И вот это благородное ощущение хозяйничества, ответственности – намного слаще банального воровства. Кладовщик со

Игорь Удачин – родился 16 июля 1978 г. в городе Москве. В 2000 г. окончил МГУ ПС. В 2003 г. распалась рок-группа «Испепелённый», лидером, автором концепции, текстовиком и ритм-гитаристом которой являлся Игорь. В декабре 2009 г. вышла дебютная книга Игоря Удачина «Встретимся в Эмпиреях. Ковчег», в которую вошли одновременно 2 романа. В 2011 г. – Игорь Удачин участник II Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (роман «Встретимся в Эмпиреях» в номинации «Большая проза»). В настоящее время готовит к изданию роман-трилогию «Целлофановые сердца», сборник рассказов «Неудачники XXI века», а также работает над киносценарием к х/ф «Ковчег» по одноимённому роману.

Живёт в Москве.

стажем либо перестает воровать вообще, либо ворует так, что и как воровство его действия квалифицировать крайне сложно. Но это дебри, в них не полезем. Повторяю: кто не занимался материально ответственной работой на складе продолжительный срок, тот нашего кодекса, наших уловок, наших сильных и слабых сторон не поймёт. Да и зачем вам? История, которую хочу рассказать – она вовсе не об этом. Она, я извиняюсь – о любви...

Платили складскому нашему брату за работу неплохо, а за переработки ещё лучше. За такое место стоило держаться. Всем поровну покрывать недостатки по вине одного «делового», кто у вас за спиной не может не шустрить – это уж, извините.

Новенький, видим, по таковской части нервы беречь не станет. Уже, конечно, спокойнее. Ну а каких других прибабахов за ним не вскроется ли?.. Вот и приглядываемся к работничку. Шлифуем и в профиль, и анфас.

Серёжа Гарных его звать-величать. Со стороны – мальчишка будто. Какая-то стеснительная пришибленность в нём, детскость. Даже косолапит смешно так, по-ребячьи. А самому – почти сорокет. Тридцать восемь, если быть точнее. Виски уже засеребрились. Огромные очки в роговой оправе на присморщенной, как от солнцепёка, mine. Снимет их для усердного протирания тряпочкой – глазки маленькие-маленькие делаются, прячущиеся, с поволокой. Взгромоздит обратно на нос свои окуляры – глазищи как у филиппинского долгопята сразу, у-ух! В сторону шарахнуть хочется от этих зеркал непонятой пока души... А про филиппинского долгопята я не просто так вспомнил. Как раз на днях смотрел с супругой передачу про животных и узнал об этом диковинном зверьке. У него каждый глаз по отдельности весит больше чем его мозг, представляете себе картину? В курилке сбрыкнул ребята. Ну, посмеялись. А потом как-то и прилипло незаметно – стало такое у него прозвище, у новичка нашего. Долгопят. Гарных не протестовал, начал откликаться даже. А куда денешься? Но это я вперёд забегаю. А пока – первая его рабочая смена.

В конце дня собрались в раздевалке. Привычного шепотного разноглосья не разносится. Копшимся у своих ящиков зачуханно, невесело, почти что траурно. Долгопят как будто нас стесняется, мы как будто его присутствием тяготимся... Да и устали все за смену, чего уж.

– Ну а что, ребяташки, – не выдержал Петрович. – Я сегодня трезвый, что ли, домой пойду?

Мы, каждый в своём углу, не оборачиваясь, беззвучно усмехнулись.

– А куда ты денешься. Сухой пойдёшь! Сухой как лист! – с нарочитой беспощадностью откликнулся Фёдор.

– Э, нет! – прищёлкнув языком, не согласился Петрович. И после короткой паузы повторил ещё раз, протяжно, трубно: – Э-э, не-ет...

– А у тебя, Петрович, праздник, поди, какой? Дыксь ладно, угощай, не откажемся! – Шура Ключев вмешался в лукавый разговор. Подыграл, вроде того.

– Пополнение в рабочем коллективе! Чем не праздник? – звонко прихлопнул по своим жилистым алебастровым ляжкам Петрович. – Познакомиться надо! Пообщаться! Обоюдным пониманием проникнуться!

Мы дружно обернулись в сторону Долгопята, уставились на его неровно остриженный безответный затылок. Новичок делал вид, что ничего не слышал или не понял из сказанного. Разложив новенькую парусиновую робу на коленках, а частью на лавке, он будто выискивал в ней изъяны, которых там не было.

– Эй, коллега... Новенький!.. Се-рё-жа... – на все лады, тактично, командно-бодро и вкрадчиво позвал Петрович.

– Пустопят! – прыснул в кулак Шура.

– Долгопят... – шёпотом поправил я Шурку и отрядил ему шутейный щелбан.

Гарных отложил робу в сторону и осторожно оглянулся, ощупывая пространство уголком крадущегося застеклённого глаза.

Тут уж Петрович и присел ему на уши. Мол, давай-давай, из астрала-то выходи уже, не дуркуй, ты в коллективе, – и всё такое прочее.

Долгопят неуверенно запротестовал в ответ на Петровичевы намёки. Денег нет. Долго искал работу. Проставиться сможет только после первой поллучки, но сам, простите-извините, не пьёт. И так жалконько всё прозвучало, с таким душевным надрывом, что мужикам в раздевалке всплакнуть захотелось, в натуре. Можно, конечно, и до зарплаты потерпеть, но зачем так уж ныть по-бабьи? Ты приободри алкающих если не делом, так хоть словом. А не умеешь – значит, дурак.

Прикисли мы, огорчились. И Петрович, и я, и Шура Ключев, и Фёдор, и прочая наша братия – все потускнели лицами. Вот нюня-то...

Петрович что-то такое нелестное цыкнул-рыкнул на Гарных. Долгопят вжал голову в плечи.

В тот же момент настезь распахнулась дверь в мужскую раздевалку, и во всю ивановскую заверещала сирена:

– Вы что тут новенького окучиваете, не стыдно вам, оглоеды недожратые?! Каждый день с утра до вечера только и промываете косточки, кто – жёнам, кто – любовницам, слушать тошно вас всех! А после смены, одно счастье, за воротник заложить. Человек, может, работать пришёл, а не глотки вам смачивать по первому вашему хотению! Совсем совесть потеряли! Тьфу на вас, дурачье!..

Дверь гулко захлопнулась, в раздевалке повисла тишина. Петрович переглянулся с Фёдором. Я – с Шурой. Прочая наша братия тоже непонятливо переглянулась, консервируя в уголках рта готовые расплзлись виришь пришибленно-глупые улыбки.

– Ну, Танька! Ну, отождгла! Чего это такое было сейчас?..

В нашем складском коллективе со времён царя Гороха числилась единственная и бессменная представительница слабого полу: Танька Шаховская. Даже не знаю, как вам её описать. Лет – под полтинничек. Рост – метр семьдесят пять, но по складу, среди нас, хоббитов, передвигается без баскетбольного мяча... (Это я так шучу. Смешно? Или не очень? Ладно, проехали...) Танька всю свою жизнь перекапталась в бобылихах, не рожала. Поэтому фигурка, несмотря на бальзаковский возраст, у неё очень даже ничего. Подевичьи отточенная. Тугие ягодицы так и гуляют при ходьбе тудымс-судымс. Ножки длинные, литые. Прямо роскошная дивчина. Но это со спины... А теперь закатывайте губу, отеллы. Весь груз прожитой жизни если где и сосредоточился – так это на Танькином лице. Глаза сбиты в кучу. Паутина морщин раскинулась до ушей и сползла на низ горла. Не нос – а клюв! И самое главное – на верхней челюсти нехватка двух профильных зубов, между отсутствием которых из десны малопривлекательно торчался подгнивший корешок.

Танька старалась ни при каких обстоятельствах не улыбаться. А если ненаароком её всё-таки рассмешат – прикрывать рот ладонью.

Чего тут сказать. Вам, наверное, тоже приходилось сталкиваться с людьми, патологически страшась зубных врачей. Они знать ничего не хотят про то, что в плане анестезии стоматология за последнее время успела сделать уверенный шаг вперёд. Они живут впечатлениями далёкого детства. Их не переубедить. И с какой-то стороны есть что-то трогательное в этой безоговорочной преданности детским страхам. Ахиллес перестанет быть самим собой, потеряй он свою уязвимую пятую. Танька-то в остальном – бой-баба, мало чем её ещё закошмарить. Если б только не этот чудовищный оскал, заставляющий комплексовать. Увы, посторонние нечуткие люди её порой и за забулдыгу принять могут, и она уходит в себя, подолгу переживает. Ранимая душа нашего «акселерата в юбке» тихо обливается слезами из-за того, что в очередной раз её встретили по одежке. Она такая, какая есть, и не будет никому ничего доказывать. А наводит марафет к зубному или к каким-нибудь там косметологам отправится только в следующей жизни, не раньше... Всего каких-то двух с половиной зубов не хватает для нормального «фасада», ну и лицо слегка несуразно вытесано. А что, все остальные вокруг сплошь фото-модели?! Согласитесь, нет. Но как бы там ни было, у Таньки по данному поводу извечные огорчения. Жалко её. И в то же время... со смеху с неё помрётся. Ну правда! Мы ж привыкли воспринимать её как друга. Это ведь Танька – своя в доску! Никто не глядит на неё как на женщину. Да и потроллить над ней порой не можем отказать себе в удовольствии. Но если всерьёз чем обидим – всегда покаемся, загладим, вымолим. Мы ж не изверги какие, правильно?

Танька Шаховская работает на пункте выдачи товара, или, как мы выражаемся, на «ГэПэ» – готовой продукции. С клиентами она всегда предельно серьёзна, на дистанции. Некоторые покупатели её даже побаиваются, не ведая причин неумолимой Танькиной строгости. Всё из-за зубов, как вы понимаете. Но зато с нами, на складе, Танька почти не стесняется. Все гогочут – и она гогочет. И ладошкой не всегда вспомнит прикрыться. Бывает, рефлексивно дёрнется рука, но потом – оп, оп, и оползает обратно. А мы как бы продолжаем покатываться над основной шуткой, но на самом деле прёмся уже над Танькой. Просекала она или нет – я и сам, честно признаться, не всегда понимал.

И Танька к нам привыкла, и нам перед ней не к чему шифроваться. Не стесняясь, постоянно выкладывали при ней всё о своих жёнах, тётках, любовницах, со всеми скабрёзными подробностями, с матерком да с хохотком. Не раз вгоняли её в краску. Так, что бедолажка уши зажимала и пулей от нас улетала. А иногда, наоборот, терпеливо выслушает до конца и даже совет назидательный норовит дать. Люди, сами не устроенные в личной жизни, любят давать советы другим. Это азбука. А вот в свой адрес она советов категорично не принимала. Такой характер. Всем нашим мужским коллективом мы её и любили, и гнобили – всего помаленьку. В какой семье без ласки да без таски? А рабочий коллектив – это ведь вторая семья, если разобраться. Вычти из повседневной жизни человека время на сон, и встанет большой вопрос, где он бывает чаще – дома или на работе... Потому и придирчивы всегда к новым сослуживцам, вливающимся в наши тесные ряды.

Ещё хочу отметить: единственная женщина в бригаде – факт очень расслабляющий в плане отношения к своим непосредственным рабочим обязанностям. Что-то тут психологическое кроется. Каждого так и распирает выпятить свой пофигизм, а где-то даже и барство выказать. Ребячество

непроизвольно лезет наружу, очень сложно да и неохота его в себе иной раз подавить. Один здесь недоработает, другой там накосячит. И как-то всё весело, легко, по приколу. Но на самом деле, потому и весело, что всякий знает: сердобольная Танька, как пчёлка, к каждому на складе подлетит, каждого проконтролирует, поможет, перепроверит, исправит, попку каждому раздолбаю подотрёт... Свои ж мы для неё раздолбаи, не чужие! Ну а она для нас, так и есть – Пчёлка! С давних пор её Пчёлкой прозвали, и для Таньки на складе это второе имя, которое ей и самой, по-моему, тайно нравилось...

Итак – весна на Заречной улице! Десятое число, зарплата, и припёртый к стенке Долгопят проставляется!

Принёс дешёвой колбаски, хлеба батон, сыра (тоже недорогого), корейской морковки пластиковый контейнер и пузырь от неизвестного производителя. Не комильфо, конечно, но так прямо в глаза Долгопяту никто ничего не сказал. Только Петрович, на правах старшего, поучительно заметил:

– Ноги свои после тяжёлой смены не бережёшь, Серёжа. Лучше сразу две брать, чем потом вдогон бегать.

Долгопят, суетливо протирая окуляры тряпочкой, сделал вид, что внял авторитетному мнению. Хотя читалось невооружённым взглядом, как все эти маленькие, грешно-святые традиции кондового работяги не близки, непонятны и даже противны Долгопяту. Сам он капли в рот не брал и в наших аппетитах, разумеется, не разбирался.

Скромное пиршество ни шатко, ни валко, но состоялось. Даже Пчёлка была приглашена на сабантуй и со строгим выражением лица пригубила рюмашечку. Гарных посиживал в сторонке, зыряя глазищами на каждого – кто и чего скажет. Великовозрастный ребёнок с виду, запертый в плену каких-то далёких от всего нашего тутошнего бытия мыслей. Над чем извилины напрягает – неизвестно. Да и догадываться не очень хочется, ну его в пень.

Выпиваем мы как всегда вкусно, статно, красиво. С чувством, с толком, с расстановкой, с ведением душеполезных разговоров. Мы кладовщики, мы хозяйственники. Мы эйнштейны своей профессии.

Как и было понятно с самого начала, что к этому сведётся – Петрович благословил Долгопята в путь за второй. Без второго бутылка весь пафос выстроенных нами глубокомысленных доктрин в одночасье рухнет в тартарары. Благородной беседе нужна своевременная подпитка, смазка, так сказать. Химический состав этой смазки – $C_2H_5OH + H_2O$.

– Серёжа, я с тобой схожу, – вдруг вызвалась Пчёлка. – Мало ли чего. Уже вон, темнеет.

– Да он даже не опрокинул ни разу, – брякнул Шура Ключев, усмехаясь. – Без провожатых справится, авось, не заблудится.

Вроде обычное такое замечание, принагруженное вполне безобидной подковыркой. Но Танька вдруг включила тираду, от которой одним поплохело, а другие, не успев толком захмелеть, снова протрезвели.

– Никакого от вас уважения, оглоеды недожратые! Человек не пьёт, не кушает, только утробу вашу перегарную обслуживает. Нашли себе гарсона. Я, например, может, не водки хотела, а тортика вафельного с чайком. А кто-то меня спросил?! Ну да ладно, я обойдусь. Но посылать человека в позднее время в таком районе за спиртным?! Он же здесь никого не знает, никто не

заступится в случае чего! Куда ум подевали, ребята?! Пойдём давай, Серёжа...

И под прицелом наших изумлённых взглядов Пчёлка прихватила Долгопята под ручку, и они удалились в неизвестность... то есть, в местный продуктовый. За водкой и, возможно, за тортом.

Через час (как-то долго, а?) они наконец возвратились.

В руках Долгопята, облегчённо вздохнув, мы узрели вожделенный пузырь. Пчёлка же вернулась без торта, но зато в обнимку... с пышным букетом алых роз, как в песне! Вот-таки номер...

А даже тошно от осознания, что так точно научились угадывать новоприбывших. Неинтересно совсем. Ошибиться бы в кои-то веки! Видим, что честняга честнягой, но успокоиться не можем. Каждый глаз, каждое ухо – нацелены на Долгопята. Но как лбы ни чесали, брови ни хмурили – за Долгопятом косяков ни в какую не вскрывалось. Он определённо работал за зарплату, не мухлевал, не тырил. И даже помогал разгрести рутину своих складских товарищей! Просто за спасибо, за панибратское похлопывание по плечу. К примеру, заманил, оставил я его в своём «хозяйстве» на минуту, сходил прогулялся, возвращаюсь, – а он уже довольно грамотно разобрался в моём извечном бардаке, диву даёшься. Уже считал, что попал на бабки, а тут вдруг герой в очках разложил передо мной мозаику накладных вкупе со своими сложными, но выверенными подсчётами. Всё срастается, волнения были напрасны, я спасён, аллилуйя... Серёжа Гарных достоин чествования залпами салюта.

Не только меня – всех остальных Долгопят не раз и не два вытягивал из ямы. Казалось, вечно его на руках носить, расцеловать всем по очереди.

Но как бы ни так...

Помните, я вам рассказывал про то, как если все сойдутся во «мнении»?.. И это случилось. Вы не подумайте, никто не подозревал Долгопята ни в чём предосудительном. Но... он как был, так и остался чужим, невнятным для нашего разума. Мы ревновали к нему Пчёлку. Теперь она не летала по складу с цветка на цветок и определённо давала понять, что со своим разгильдяйством и своей распушенностью мы должны бороться отныне самостоятельно. Надоело ей с нами нянчиться. Видя, как мы теперь ещё и Долгопяту на шею сели и ножки свесили, она, мол, из принципа будет только ему помогать (хотя помощи ему никакой не требовалось). Наши чувства были задеты. Мы, скажу больше, были склонны расценить это как предательство. Пчёлка явно задержалась не на том цветке...

Прошёл ещё месяц. Зарплата.

«А что если подпоить Долгопята?» – подумали мы. Фёдор идею подкинул.

Фёдор тут, кстати, недавно наворотил дел. Как Долгопят ни пыжился, ни колдовал над его накладными, а картина вырисовывалась малорадушная. Хоть тресни, а выходило: то ли Фёдор крупно ошибся при приёмке товара, то ли недурственно уворовал. Ну как мы можем второе Фёдору предъявить? Вы в своём уме? Фёдор, наравне с Петровичем – мастодонт, так сказать. Один из корифеев склада. Он в своё время меня и Клюева и обучал всем хитростям и премудростям. Да и многих кого ещё воспитал и выучил, а сам вдруг так влетел...

Пришлось разделить недостаю на всех и позабыть эту тухлую историю. Хотя Долгопят что-то там пытался выступить, типа, платить за чужие, очень сомнительные косяки не намерен. Ничего, выплатил. Варезку ему прикрыли. Будет моська тявкать на слона...

В общем, не знаю и, если честно, знать не хочу, присутствовал ли в предложении подпоить Долгопята некий элемент мести со стороны оскорблённого Фёдора. Мы как-то, не задумываясь, дружно движуху поддержали, понравилась нам идея. Чего это, и вправду, Долгопят такой непрогибаемый трезвенник? Надо проэкспериментировать и посмотреть...

Сказано – сделано. Запустили легенду, мол, ой как всем Долгопят пришёлся по душе, ой какой молодчинка, ой и проставился в своё время, всё честь по чести, уважил товарищей. Теперь, мол, товарищи желают отблагодарить. Не пьёшь крепкое? Ладно, не пей. Но компанию составить обязан! Вот тебе квасок, «Тархун», «Буратино», чтоб не скучно было!

Разумеется, во все бутылки мы добавили беленькой, и детский запивон враз превратился в убийные коктейли.

Колбаски мы прикупили не дешёвой, а очень даже дорогой. Сырка взяли тоже высшего сорта и по кусающейся цене. А ещё: запёченная курочка, красная икорка, оливки, селёdochка, огурчики малосольные. Комар носа не подточит, как мы широко ответили на приснопамятное Серёжино проставлялово.

Все заметили, как у Долгопята окуляры загорелись на такую-то неожиданную дармовщину. Лопай, брателло, не стесняйся. И запивать не забывай! Всё перед тобой! «Тархунчик» да «буратинка» из детства – ну разве не прелесть?! Ностальгируй, булькай, счетовод ты наш принципиальный да безошибочный...

Как результат, заплетающимся языком наш подопытный попросился отлучиться. Еле-еле вписался в проём двери и куда-то укывлял по ломаной кривой. Мы ещё по одной приняли, а потом театрально так раскудахтались перед Пчёлкой: «А где ж Серёжа-то наш? Ой-ой-ой. А беды какой не приключилось ли с ним? А пойдём! А посмотрим! Для успокоения совести...»

Ну и Пчёлку зазываем, пихаем вперёд себя. Пойдём, пойдём, мол. Где он, наш суженый-ряженный, Гарных дорогой? Куда запропастился?

Вы бы видели Танькино лицо! Это был, конечно, удар ниже пояса. Но мы и сами не знали, как всё выйдет. На поводу у «научного» интереса пошли...

Долгопят со всей страстностью, на какую был способен, обнимал фаянсовое жерло унитаза. Туалет располагался в затемнённом коридоре цокольного этажа между раздевалками и складом. Слава Богу, начальство здесь прогуливаться особого пристрастия не имело. Тем, что не нашёл силы принять желудок нашего героя, были заляпаны весь пол и все стены. Рвотная масса вяло скапывала со стульчака на кафель. Роба не успевшего переодеться Долгопята молила о неотложной стирке в режиме тысяча с гаком оборотов.

Всех, кто стал свидетелем этого зрелища, невольно поворотило.

– Ну что, Танюх?! Выдал твой Долгопят на-гора? У вас с ним вроде как дружба великая. Тебе, выходит, тело забирать? Само оно вряд ли куда дочапает.

Это Фёдор подковырнул.

Ожидалось, что Пчёлка растеряется, начнёт отнекиваться: какой «мой»?.. куда забирать?..

Но мы просчитались.

– Идите, идите, допивайте, – ответила она. – Справлюсь...

Долгопят наших взглядов стал избегать. Очки в пол, и всё тут. На подшучивания – ноль реакции. Но с Танькой общается, как и общался. Она отрыжника этого поддерживает. Видно, нащептал, отысповедался ей о своих сложных взаимоотношениях с алкоголем, о чём все остальные узнать, разумеется, не удостоились. Печётся о нём Пчёлка, как мать родная. А супротив нас – ледяная стена! Будто мы всё подстроили...

Ну да... мы. Но как же не поймёт Пчёлка, что имеет дело с ущербным?! Водку Долгопят пить не умеет, с мужиками общего языка не находит! Как нам с ним быть, как ещё притираться? Это ж натуральная издёвка над всеми нами! Ходячее недоразумение!

Молчит Пчёлка. Дуется на нас. Носу не кажет со своего «ГэПэ».

Ну и ладно. Мы начинаем мутить новую тему...

Приход товара.

– Ой, живот-то как скрутило! Дайте отбегу. Серёжа, чиркни за меня, а?! Там всё проверено...

Вляпался, голубчик.

Не прошло и пары дней, как минусы поползли по десяткам позиций. След неумолимо вёл к приходной накладной, отмеченной автографом Долгопята. Принял целую машину товара, а на складе по факту – как полмашины!

– Ты что, дурной, хочешь всех нас без порток оставить?! Куда глядел своими окулярами?!

– Но я же...

– Заткни хлебало! Даже слушать тебя не хотим! – искренне надрывался Ключев.

– Сколько здесь работаю... всякое бывало. Но чтоб в такую лужу сесть, – разводил руками Петрович.

– Мы с супругой только-только кредит взяли, а тут... – сокрушённо вставил и я свои три копейки.

За нашими спинами тактично отмалчивался Фёдор. Его тоже изъедало недовольство. Но он не стал напоминать, как Долгопят бросил в своё время тень на его авторитет. Своим молчанием он топтал Долгопята намного сокрушительнее, чем если бы расходовал сейчас на него лужёную глотку.

Разыграли мы спектакль как по нотам. Пчёлка боялась оказаться в кругу наших разборок. Она со стороны, непонимающе и печально взидала на происходящее сумасшествие. Ей бы хотелось, чтобы ничего этого не было, хотелось, как прежде, пчёлкой летать по складу, помогая своим нерадивым мальчикам. Но мальчишки чего-то не поделили. Они играли в какую-то свою, вздорную, злую игру.

А ведь знаете, было ещё время дать задний ход. Но мы, как одурманенные, пошли до конца. Коллективная подлость – самая коварная. Чувство ответственности за совершённый поступок как бы дробится на части, и каждый по отдельности не склонен считать себя по-настоящему виновным. Куда один баран, туда и всё стадо. И никого в ответе.

С бардаком на складе пришло разбираться начальство. Разобралось очень быстро. Долгопята с позорной записью в трудовой уволили. А на всех остальных разделили вычеты из зарплаты.

Надо признаться, мы так и предполагали и волоса на макушках рвать не помышляли. Объяснять, почему? Исчезнувшие «полмашины» товара Петрович и Фёдор реализовали на стороне, и все вычеты таким образом нам компенсировались. Только Пчёлкину долю мы не знали, как ей вернуть. Решили, что разными подарками, по поводу и без, погасим нашу перед ней криптозадолженность со временем...

Когда после рабочей смены в день того самого разбирательства спустились в раздевалку, Долгопята среди нас не оказалось. Мы как-то не сразу обратили на это внимание. Хотя покидали склад вроде бы вместе. Всем запомнилось, как он перекидывал из руки в руку свою несчастную трудовую... Шёл со всеми – и вдруг пропал. Как сквозь землю провалился. Надо же. Где это он?

Переодевались медленней некуда, колупались как черепахи. А Долгопят всё не появлялся. Петрович не мог запереть раздевалку с одеждой официально уволенного Долгопята, не сдавшего, ко всему прочему, робу.

В итоге я первый не выдержал и, готовый к старту, вышел прогуляться в коридор. Сам не знаю, как я оказался возле женской (или проще говоря, Танькиной) раздевалки. Чувствовал я себя устало и опустошённо. На душе скребли кошки. Дверь в Танькину раздевалку была прикрыта неплотно, и, услышав какие-то странные звуки, я машинально заглянул в щёлку. Не то чтобы я любитель подглядывать. Просто так получилось.

Долгопят сидел на коленях у Пчёлки. Окунув лицо между Танькиными плечом и шеей, он, похоже, всхлипывал. А Танька покачивала его как ребёнка, успокаивала. Гладила ладонью по затылку и, кажется, даже целовала в волосы...

Я не смог сдержаться. Меня разобрал, прямо-таки сотряс изнутри какой-то шальной бесовский смех. Если бы у меня был с собой фотоаппарат, обязательно запечатлел бы эту нелепую парочку! Я дал дёру в направлении мужской раздевалки, клокоча на ходу от еле запираемого внутри себя гомерического хохота. Но, добежав до мужиков и распахнув дверь, я застыл на пороге. Меня как колом проткнуло. Я вдруг понял, что ничего им не скажу...

Все были уже на взводе. Пришлось разрядить обстановку. Попросив у Петровича ключ, я пообещал, что дождусь Долгопята, дам переодеться, приму робу, закрою раздевалку. Идите домой, не переживайте...

Пчёлка уволилась по собственному желанию спустя две недели после Долгопята. И с того самого момента всё не заладилось.

Будто из нашей пищевой цепочки изъяли самый главный, фундаментальный продуцент, без которого существование других «видов» невозможно...

Все перессорились, даже передрались. Спаянный, как годами казалось, коллектив – в одночасье развалился, словно карточный домик. Между «стариками» и «молодыми» пропало взаимоуважение. Никто не понимал, зачем нужно выручать коллегу. Ведь всё всегда как-то само собой образовывалось. Никто прямо не провозглашал закон джунглей, но он вступил в силу сам собой. Буйным цветом расцвела атмосфера всеобщей подозрительности. Мы перестали здороваться за руку. Просто кивали издали, на подходе, норовя отвести взгляд и юркнуть в сторону. Лично мне стало казаться, что я уже хожу не на работу, которая когда-то мне по-своему нравилась, – а на каторгу.

С Шурой Клюевым, моим некогда лучшим напарником и сотоварищем, мы однажды так крепко повздорили и отлупцевали друг дружку из-за сущей ерунды, что в итоге у обоих оказалось сломано по кости.

Когда, отлечившись, я вышел с больничного, то почти не обнаружил знакомых лиц на складе. Эпоха закончилась. Как-то сразу стало ясно, что мне тоже нужно увольняться и искать себя в новых берегах.

У человека как у корнеплода диковинного – множество шкурок. Пока не снимешь все, одну за другой, толком и не поймёшь, что внутри. Даже не скажу, к чему я это сейчас... О себе ли я что-то понял или о людях меня окружающих?.. Да ничего я, знаете ли, не понял. Зачем врать. Годы как песок утекают сквозь пальцы. Кажется, чего-то добиваешься, достигаешь желаемого, куда-то растёшь. А по факту, больше теряешь, чем находишь. Если б я-сегодняшний имел возможность повстречаться лицом к лицу с собой-вчерашним, не даю гарантии, что у меня с моим «физиологическим двойником» всё не закончилось бы хорошим обменом тумаками, как когда-то с Шуркой Клюевым, сломавшим мне ребро...

Спустя несколько лет, убивая время за ноутбуком, я случайно наткнулся на ролик на одном из многочисленных порталов домашнего видео. Он был озаглавлен что-то вроде: «Я и мой котик в заграницах, ай лав ю, снимал мася».

Представляете моё удивление?! Серёжа Гарных и Танька Шаховская, позируя малолетнему оператору, плескались в волнах южных морей. И знаете... было красиво! Солёная вода с лихвой смыла с них складскую пыль из прошлого. Как же превратна всё-таки жизнь. Судя по видео, они остались всё такими же забавными, такими же не от мира сего, и хотя почти невозможно было представить их вместе – наперекор всему и вся, выглядели они счастливо. Очень жаль, поскромничал перевести на себя съёмку оператор, который, похоже, имел самое непосредственное отношение к героям ролика... Может быть, я зря начал стыдиться того «складского» периода своей жизни? Хотелось бы считать, что не только вероломство, жульничество и хамство процветало в бывшем нашем коллективе, но и было что-то хорошее. Одно только плохое доброго плода дать не смогло бы...

Без зазрения совести я поставил этому видео «лайк», а в комментариях написал ничтоже сумняшеся незазорно-детское: «Танька + Серёжа = Любофф».

Человеку плохо

Рассказ

— Милая, я побежал! – Вадим на секунду задержался в дверях и побряцал ключами.

В ответ дышала густая домашняя тишина. Если что её и нарушало – лишь неувловимое для свикшегося слуха, мерное тиканье настенных часов в прихожей.

Заварив чай, жена снова легла в постель, прикрыла комнатную дверь до узкой щёлки. Не откликнулась – стало быть, успела уснуть. Утренний сон был для неё чем-то сродни священнодействию, и строптивая Зоя порой неподдельно раздражалась на невинные просьбы мужа подняться чуточку пораньше, включить чайник и разбить в сковородку пару яиц.

В это утро Вадим вовсе обошёлся без завтрака, а чай только пригубил. На улице стояла небывалая жара, и есть совершенно не хотелось. Выходит, что и Зою зря поднимал.

Вадим запер дверь. Поправил ногой сбившийся коврик, вызвал лифт. Спустившись на нижний этаж, прихватил из почтового ящика газету. Вышел из подъезда и... – тяжело, но беззвучно вздохнул.

Ну и со-олнце! Печёт как на экваторе!

Спрятав глаза за стёклами тёмных очков, с подкисшей миной зашагал в направлении автобусной остановки.

Нет уж, я точно не пляжный человек, – подумалось Вадиму. Хорошо супруге: осталась нежиться в постели, окна нараспашку, сквознячок гуляет по квартире. Побыстрее бы добраться до конторы. Там-то хоть кондиционеры, прохладные служебные коридоры, урчащие на каждом шагу кулеры. Всё бы ничего, если б не проклятое давление... То ли слишком низкое, то ли, наоборот, слишком высокое. Побывав на прошлой неделе на приёме у врача, Вадим, если честно, слушал молоденького тщедушного докторишку вполуха и не торопился верить каждому настораживающему слову, а уж тем более – бить тревогу. Настоящая болезнь, с которой и в самом деле стоит считаться, это когда тут ломит, в другом месте колет, когда ты чувствуешь недомогание каждую божью минуту, на стену лезть готов и волком выть одновременно, – убеждал себя Вадим. Всё остальное – надуманная чепуха, «кошмарники» для мнительных. Голову лучше не забивать. А излишние опасения, связанные с сюрпризами на почве здоровья, куда правильнее отложить до поры преклонного возраста. Разве нет?

Подойдя к остановке, Вадим развернул газету. Лицо обжигала горячая солнечная маска, и за минуту-две на лбу собрался липкий сиропообразный пот. Сосредоточиться на чтении никак не получалось. Все мысли сводились к одному и тому же: ох и жарщица, в бога душу мать!.. Вадим сложил газету в веер и, озираясь по сторонам, принялся ею обмахиваться.

Автобуса, не считая Вадима, дожидалось ещё пятеро страдальцев. Женщина с авоськой, отгоняющая от себя платком осу. Коренастый мужчина в спортивном костюме, лет под пятьдесят. Двое пшеничноволосых школьников со жвачными пузырями вместо ртов. И фигуристая блондиночка, повернувшаяся к Вадиму спиной. Приоткрытые плечи нежного розового оттенка. Осанка. Плотненькие, как у теннисистки, икры. Заглядишься.

А вот и «баня на колёсах» подкатила. Спасибо, не заставила себя долго ждать. На бордаж, граждане пассажиры! Проходите! Не задерживайте...

В автобусе было, мягко выражаясь, тесновато. Вадим чудом протиснулся к окошку – только, беда, открыть его не удалось. Ручка оказалась отколота, а стекло сидело в пазах туго-натуго.

Зато поездку обещало скрасить общество той самой блондиночки с остановки. Девушку прижали чуть ли не вплотную к Вадиму, и он без стеснения мог скользнуть взглядом по её подкрученным бархатным ресницам, по-лисьи вздёрнутому носику, надменно надутым губкам. Всё веселее, чем оказаться припёртым к какой-нибудь швабре третьего бальзаковского возраста или подвыпившему мужичку-боровичку с чесночно-водочным амбре на полкилометра...

На каждой остановке народу прибавлялось, и никто, как назло, не выходил. Ежедневное и настолько привычное массовое паломничество на работу, учёбу, за всевозможными справками, бюллетенями, депозитами, в торговые

центры за неотложными покупками! Похоже на какой-то ритуал, не правда ли? Вот она – совершенно наглядно – религия современного большого города. Кишащий, нескоординированный муравейник, полный оголтелой беготни и напускной важности. Каждое утро – одно и то же.

Сегодня, хочешь не хочешь, снова это постылое час-пиковое дежа-вю. Разве что тесное соседство с премилой девушкой в толчее битком набитого автобуса было овеяно некоторой приятностью. Куда лучше, чем... Вадим мысленно осёкся, сообразив, что одни и те же мысли потекли в его перегревшемся мозгу по второму кругу.

Вадим смотрел на отвернувшийся румяный профиль, на скат красивого лба, зашторенный чёлкой, на распятое серьгой и кольцами ушко. Ну почему он, собственно, не художник, а дурацкий «менеджер по продажам», а?

Девушка неожиданно повернула лицо и наградила Вадима сурово-отрезвляющим взором. Ну конечно же. Она не могла не уловить, как воспользовавшись ситуацией, Вадим на неё откровенно пялился. Вадим почувствовал себя порочным Гумбертом, застигнутым врасплох пробудившейся ото сна Лолитой, и машинально отвёл глаза в сторону, чтобы не преумножать создавшуюся неловкость.

Вадим окинул взглядом сидящих, вцепившихся в шуршащие пакеты и дерматиновые сумки пассажиров. Над ними нависали те, кому принять сидячее положение на время поездки не удалось, – и близкое расположение поручня, за который можно одиночно ухватиться, не деля его с чужой рукой, то и дело сползающей и вскарабкивающейся у тебя перед носом, уже считалось своеобразной наградой для таких, как и он сам, «стоячих». А вот и женщина с авоськой, ушмыгнувшая от приставучей осы. Жмётся возле двери, насупленная, по-азиатски прищуренная. Слева от неё сидит лупоглазый студентик и беззаботно треплется по сотовому.

– Да... ух-ха-ха... зачёт автоматом поставили... до третьего числа теперь... нет...

Женщина так пристально смотрит на паренька, что кажется, вот-вот прожжёт на нем дыру.

Вадим в общих чертах припомнил какую-то новеллу Фицджеральда, где речь шла о городской подземке, об утренней давке в метро. Мужчина, твёрдо решивший не уступать место женщине, ненавидит её за это, а женщина ненавидит его за то, что он не встаёт. Занимательная вещичка, только название из головы вылетело...

Мысленно усмехнувшись, Вадим подловил себя на том, что чересчур падок сегодня на литературные аналогии, хотя завзятым книголюбом его и не назвать. Зоя, к примеру, вообще почти не притрагивалась к книгам, отдавала предпочтение кино, где на любой сюжет, по её словам, ты тратишь полтора часа, а не ряд изнурительных вечеров. Я и в школе, смеялась Зоя, всегда отслеживала по телевизионной программе «нужные» фильмы, чтобы, не штудировав потом заданных талмудов, писать по ним сочинения. «Аферистка», – замечал Вадим, и Зоя польщённо кривлялась, считая это лучшим для себя комплиментом. Влияние сказывалось, и он тоже стал читать намного реже и весьма выборочно.

Вадим снова поглядел на девушку, а девушка с ласковым равнодушием взглянула на него. Кажется, тучи рассеялись и он реабилитирован. Слегка обнаглеть и познакомиться по выходу из автобуса? Стрельнуть телефончик? Нет... Деспотичная Зоя из него душу вынет, если узнает о чём-то подобном.

Самое обидное, Вадим отлично осознавал свою подкаблучную натуру и почти что органическую неспособность к «нофелетству». Вот если бы девушка сама проявила к нему интерес, завела разговор первая... предложила бы заскочить в околometroшное кафе на сущую минуточку, перед тем как разъехаться по работам... Спору нет, это было бы стимулирующе, приятно. Заряд солнечного настроения на весь день.

М-м... какого? *Солнечного?* Ужасный эпитет...

Что ж. По крайней мере, чудноватые ретро-подростковые фантазии хоть как-то помогли отвлечься от зноя и нестерпимой духоты этого безжалостного утра!.. Автобус был похож на жаровню, а его бедные пассажиры – на спекшихся рябчиков, болтающихся на поручнях как на вертелах. Душный, раскалившийся воздух осложнял каждый вдох и выдох.

А ещё, говорят, американцы под прикрытием проекта глобальной противоракетной обороны создали на полигоне Гакон (на Аляске) мощное плазменное оружие и теперь забавляются с нашим климатом, как хотят. Возможно такое, или врут? Тут уж, ей-богу, во что угодно поверишь. Начиная с происков злокозненных империалистов и заканчивая летающими тарелками с зелёными человечками.

От виски и к подбородку проложила дорожку обжигающая капля пота. Вадим вороватым движением смахнул её. Но что толку? Вот уже вторая, такая же, скатилась по лбу и затерялась в чащобе брови. Через минуту он начнёт обливаться всюю – и уже стыдно станет ловить на себе взгляд блондинки...

На окне был наклеен стикер: «Аварийный выход. В случае аварии выдернуть кольцо, вытянуть шнур, выдавить стекло». Как мило... И правда, что ли, выдернуть-вытянуть-выдавить – открыть путь к спасению себе и согражданам из этого inferнального мангала?

– Да расслабься, тебе тоже автоматом поставят... а ты... нет, не получится... отдал... – продолжал трепаться студентик, доводя женщину с авоськой до пышущего потаённой злобой багрового цвета лица.

– Родственник чей-то... такой шланговатый, знаешь, паренёк... флегматик... ага, вот именно... снова подсунули не пойми кого... – перекликался с болтовнёй студента уже другой голос (громкий, басовитый), из хвоста салона.

Пошла цепная реакция. Да, так всегда и бывает. Сейчас, нож к горлу, всем срочно понадобится переговорить по телефону на из пальца высосанные темы.

До станции метро оставалось проехать последнюю остановку, – и вдруг Вадим почувствовал себя *очень нехорошо*...

Глаза заныли, словно на них надавили откуда-то изнутри, из центра черепа. Всё вокруг разом вздрогнуло и поплыло, превращаясь в клочья ослепительно-молочного тумана, которые быстро грязнели и набухали, как собирающиеся предгрозовые тучи. Вадим в панике зашарил вокруг себя руками, но затекающие пальцы ничего не чувствовали и, как в вату, проваливались в рассыпающиеся шеренги странных силуэтов, оставшихся по ту сторону стремительно сгущающейся темноты.

Раздались «далёкие» перепуганные голоса. Только смысла гортанных, неразборчивых фраз уловить не получалось. Нижние конечности словно отняли по самый таз, и Вадим с каким-то блаженным отчуждением пытался угадать: продолжает ли он стоять, держится ли за что-то, или распластался на полу в частокколе пассажирских ног?

А вообще, всё происходящее было похоже на погружение на дно глубокого холодного озера... Будто тело припоросили мягким и липковатым илом,

а вокруг, до границ затуманившейся видимости, простиралось бездыханно-мертвенное спокойствие. Любое отождествление с «привычным я» полностью оборвалось. Какая-то безликая сила превратила его в голый, ни к чему не привязанный пучок обезличенных ощущений. Кто он? что с ним случилось? – для возникновения подобных вопросов не хватало осознанного ощущения действительности. Вопросы были невнятные и попросту обесмыслены. Говорят, нечто похожее испытывает человек, переживающий клиническую смерть... Впрочем, всё это Вадим «додумал» значительно позже, а пока он словно растворялся в неге своего диковинного *не-существования*.

Совершенно неожиданно озёрные воды заволновались, просочившиеся сквозь ил пузырьки увлекли вверх, к разлившейся по поверхности озера сверкающей лазури. Это было приятное и неторопливое всплытие из прохладного мрака навстречу нежно-голубому сиянию. Через толщу воды вновь пробились булькающие звуки. Чем ярче разливался свет, тем чётче они становились. Бульканье превращалось в голоса – тонкие и резкие.

«Человеку плохо!» – первое, что сумел разобрать Вадим.

Голос был женский, с надрывом.

Вадим поймал себя на мысли, что в довольно неуклюжей манере пытается сообразить: о каком человеке идёт речь и что нужно предпринять, чтобы оказать помощь?..

Перед глазами поплыл белесый туман, обозначились очертания ещё непонятных, но хоть как-то, пусть совсем жиденько-бледно, очерченных предметов. В подмышке жгла трущая боль. Но как только мысль переключилась на что-то другое – боль стихла. Казалось, его спускали с автобусных ступенек. Он пытался шагать самостоятельно, но непослушные ноги, будто слепленные из глины, подламывались и сминались. В другой момент Вадиму почудилось, в его рот лезут то ли древесные сучки, то ли паучьи лапы, то ли ещё что-то настолько же неуместное и отвратительное. Вадим с остервенением стиснул зубы, словно на кону были его жизнь и честь. Паучьи лапы отступились, и от сердца отлегло.

– Садитесь! Садитесь! – хлынул в уши отчётливый, режущий как ножом по картону голос.

Вадим сделал усилие и расцепил вязко слипшиеся веки. Перед ним висело слегка затуманенное лицо с пронзительно-участливыми птичьими глазами. Это была женщина – немолодая, лет сорок с хвостиком. Чуть постарше потенциальной сестры и помладше потенциальной матери. Вадим заскользил взглядом вниз, к ногам, и непроизвольно присовокупил к прорисовывающемуся образу хрупкую, девчоночью фигурку.

– Мне стало плохо в автобусе?.. Это вы мне помогли?.. – Вадим едва ли узнал свой собственный голос, прозвучавший каким-то глухим дряблым эхом, монотонно и отчуждённо.

– Да, да, ох, вы так напугали, – защебетала женщина, захлёбываясь словами. – Вы представляете, вы на одну остановку позже меня зашли, я сидела в трёх шагах от вас, вы всё время были у меня на виду. И вдруг вы стали оседать, цепляться за поручень – я сначала сама ничего не поняла. Люди вокруг вас расступились. Ну вы же знаете, какие сейчас люди... На конечной остановке все сразу ринулись на выход. Я пыталась остановить двух мужчин, но они только отмахнулись. Водитель тоже не захотел выйти помочь. Кое-как вас вывела, вы всё пытались уйти куда-то в сторону. Вы такой большой, с вами нелегко справиться... А когда я таблетку валидола попыталась вам под

язык положить, вы так крепко стиснули зубы, что я прямо не знаю... – Женщина засмеялась бречащим стесняющимся смехом. Что-то подсказывало: в жизни ей нечасто приходится смеяться...

Продолжая слушать женщину, Вадим плавными, почти боязливыми движениями размял шею, а заодно огляделся. Он сидел на остановочной лавке. Козырёк из сиреневого полупрозрачного материала создавал неубедительную иллюзию осеняющего тенька. Сквозь козырёк легко просматривался плавающий на небесной сковородке желток солнца. Всего секунда – и глаза заныли. Солнцезащитные очки, как и газета, куда-то подевались – вероятно, обронил в автобусе... Болезненно жмурясь, Вадим отвернулся.

По правую руку сидела старушка с выцветшим немигающим взглядом и снопом седого сена, перехваченным на макушке тугой чёрной резинкой. Между старушкой и Вадимом стояла прислонённая к ребру лавки клюка. Вадим нечаянно задел клюку локтем, чуть не уронил. И хотя клюка не упала, он всё равно извинился, пробормотав что-то нечленораздельное. Старушка сидела молча, еле заметно раскачиваясь взад-вперёд, и как губка впитывала всё, о чём говорила женщина, склонившаяся над Вадимом.

Людей вокруг было немного. Большинство просто прошмыгивало мимо, не поворачивая лиц и не сбавляя шага – остановка-то конечная. К слову сказать, и старушка находилась здесь уж точно не в ожидании автобуса. Обыкновенная уличная вольнослушательница.

– Может быть, вам купить что-нибудь? Аптека рядом, я бы мигом... Как вы себя чувствуете? – ещё ниже наклонилась к Вадиму женщина, и стало казаться, что он смотрит ей в лицо через лупу и невольно замечает больше чем хотелось бы разных необязательных деталей.

– Спасибо, ничего не нужно. Я просто посижу немножко, и пойду.

– Вам бы к врачу обратиться. С вами такое случалось раньше?

– Признаться, не припомню, – Вадим поморщился. – Вроде, впервые.

– А вы знаете, у моего сына несколько раз были обмороки. Видимо, поэтому я так и отреагировала сразу... – женщина снова засмеялась своим стесняющимся смехом. – А сейчас сын живёт отдельно. Обязательно позвоню, спрошу, всё ли с ним в порядке. А то уж не успокоюсь после истории с вами... А как вас зовут?

– Вадим.

– А меня – Лена.

– Очень приятно. И спасибо вам ещё раз.

Вадима начинало одолевать тягостное чувство. Безусловно, он был благодарен этой маленькой и слегка суматошной женщине за оказанную помощь. Но роль, если можно так выразиться, опекаемого овоща была ему непривычна. Стыдно как-то, что ли?.. И непонятно, почему так.

Глядя в заострённое лицо женщины, в её маслянистые глаза, пустившие вокруг себя еле заметную паутинку морщин, Вадим невольно вспомнил аппетитную блондиночку, которой так залюбовался во время поездки, перед обмороком. Почему, чёрт возьми, не она, а эта обходительная Елена Батьковна вывела его из автобуса? Провокационный вопрос. Блондиночка, небось, первая же и отпрянула от него в сторону выхода и только по дороге к метро убаюкала себя мысленным оправданием: наркоман какой-то или пьянчуга...

Странное дело! Вадим вдруг почувствовал одинаковое пренебрежение как к той, что проигнорировала и сбежала, не желая связываться, так и к той, что оказала ему помощь...

Вадим резким движением достал из напоясного чехла мобильник.

– Домой хотите позвонить? – поинтересовалась Лена.

– Нет. На работу. Надо предупредить, что не появлюсь сегодня. А потом – домой.

– Вам точно ничего не нужно?

– Спасибо. Действительно, ничего.

– Раз уж вы телефон в руке держите, запишите мой номер. Может быть, позвоните... расскажете, как добрались до дома и всё ли в порядке.

Лена надиктовала семь цифр. Вадим беспорядочно пощёлкал по клавишам, делая вид, что вносит номер в память. Он был уверен, что звонить бы не стал так и так...

Наконец они распрощались, и Лена засеменила в сторону метро.

– Алло!.. Доброе время суток, Геннадий Борисович! Такое дело... я сегодня на работу не выйду... Не поверите!.. Да, понимаю... Разумеется, всё потом объясню... Уважительная... Ну вы скажете... Хорошо... Конечно... – объясняясь с начальником, Вадим ничего не выражающим взглядом провожал чуть сутулившуюся спину Лены, уплывающую всё дальше и дальше.

Узаконив свой незапланированный выходной, Вадим убрал телефон и вздохнул полной грудью. Что-то кольнуло в верхней области грудной клетки, и он напряжённо замер, боясь до конца выпустить воздух из легких... Но нет. Всё вроде бы в порядке. Ложная тревога. «Я просто себя накручиваю», – скривил губы Вадим.

– Сынок...

Вадим повёл взглядом чуть правее себя и не без удивления наткнулся глазами на старушку, которая продолжала сидеть на том же месте, что и раньше. Вадим совсем, было, позабыл про её соседство.

– Вон гляди-ка, взмок весь. У меня где-то салфетки, кажись, были...

Старушка полезла в сумку и, достав пачку салфеток, протянула одну Вадиму.

– Спасибо, – Вадим протёр лоб и виски, скатал салфетку в комок и зажал в кулаке.

Ещё с минуту он словно чего-то выжидал, пребывая в окаменевшей позе, но после этого порывисто вскинул руки, так же порывисто их уронил, хлопнул себя по бёдрам, поднялся и не оборачиваясь пошёл вдоль дороги.

Первую минуту в голове мерцал какой-то невообразимый коллаж из лиц недавних попутчиков, с которыми ехал в одном автобусе (главным образом, обворожительной блондинки и Лены с птичьими глазами), а ещё Зои, спящей дома, и видов прохладного озера... Но усилием воли (или произвольно?) он стал вытеснять эти образы кричащими витринами и пёстрыми вывесками магазинов, мимо которых проходил.

«Всё для семейного уюта».

«Модная одежда».

«Подарки».

«Соки Воды»!

Вадим довольно резко остановился, словно перед незримо опустившимся шлагбаумом.

«ыдоВ икоС», – дурачась, перечитал он вывеску с зада наперёд и, ощутив гортанью шершаво-щекочущее чувство жажды, решил, что надо бы купить минеральной воды. Зашёл. Порывшись в кармане, приготовил деньги. Пока

стоял в хвосте коротенькой очереди, высматривал ещё и сигареты, но у кассы совсем про них забыл, а когда спохватился, решил обойтись.

Продолжив прогулку с холодящей ладонь стеклянной бутылкой минералки, Вадим поймал себя на удивительной мысли: всё, что встречается ему на пути, кажется каким-то новым и особенным... Нет-нет да и прокрадывалось сладкое ощущение или, лучше сказать, приятное послевкусие чего-то потерянного и вновь обретенного. Каждый штрих окружающей действительности хотелось ценить по достоинству и не пренебрегать ни одной мелочью, из которых причудливой мозаикой складывается твоё брэнное существование, да попросту каждая проживаемая минута. Свободная рука снова потянулась за телефоном. Вадим набрал номер старшего брата.

– Привет, Слав.

– Здорово, Вадик. Чего звонишь?

– Хм... Да так... Представляешь! В обморок опрокинулся в автобусе...

– Серьёзно?

– Да какие тут шутки!

– Ну ты даёшь, старик... – Слава деланно хихикнул и замолчал.

Затянувшаяся пауза смутила Вадима. Ни с того, ни с сего возникло нелепое ощущение, будто он признаётся в чём-то постыдном и не договаривает каких-то спасительных скабрёзных подробностей, которые непременно расставили бы всё на свои места. Что был пьян, что куролесил всю ночь, что надрвался на драку... И того, и другого, и третьего, конечно, не было – но выходило так, что лучше бы было...

– Ну и? – подал голос Слава (лишь бы, померещилось, не молчать).

– Женщина одна помогла из автобуса выйти.

– Молодая?

– Да не сказать, что молодая, – Вадим мысленно подивился, как зеркально работают их с братом мозги, хотя сложно было бы отыскать два более непохожих друг на друга характера. – В общем, посидел на остановке, оклемался маленько. Отзвонился на работу. Теперь вот домой направляюсь.

– Ясненько, – тяжело выдохнул в трубку брат. – Значит, просто так позвонил? Поделиться?

– Вроде того, – буркнул Вадим и смутился ещё сильнее.

– Ну, бывает... – в своей привычной манере подвёл разговор к развязке Слава. – Ты извини, но я занят сейчас. Завалили заказами, изверги... Ты это... вечером обязательно звякни. Расскажешь поподробнее, что там с тобой стряслось.

– Ладно, – пообещал Вадим и попрощался.

После этого хотел, было, позвонить Зое. Но как захотел, так сразу и расхотел. Ни к чему...

А зачем он, собственно, звонил брату?

Вадим припомнил, что желание позвонить возникло благодаря странному соображению: мол, всё вокруг новое и особенное... Вот о чём подсознательно подмывало рассказать первому, кто его выслушает. Хотя объяснить, с чего вдруг всё кажется *новым* и *особенным*, было непросто. Сами ноги, пропитавшись вкусом энергии, почуяв силу, шагали как-то по-новому. И дышалось глубже. И мысли в голове струились взахлёб (живее, чем до происшествия). И проходящие мимо люди были улыбчивы, молоды, красивы.

А тем временем на пути повстречалась маленькая церквушка, окружённая кольцом старых тополей. Вадим притормозил в тени деревьев, чтобы

спокойно допить минералку, любуясь слегка вспученным и покосившимся, но в то же время по-своему милым и аккуратным храмом. На свежих осиновых ступеньках, заведя руки за спину, стоял батюшка в просторной чёрной рясе и, задрав мощное бородатое лицо, напряжённо вглядывался куда-то высоко-высоко, над кронами деревьев. Его и Вадима взгляды так ни разу и не пересеклись. Вадим круговым движением провёл ладонью по груди – под складками рубашки ковырнул кожу крестильный крестик. «Сто лет не был в церкви, – признался он себе. – Чем не повод в кои-то веки зайти под купол, вдохнуть запах ладана, поставить свечку, задуматься о важном, непреходящем?..»

А уже спустя минуту былых мыслей и след простыл. Пустая бутылка улетела в направлении кустов. Ноги вздрогнули и понесли дальше. И очень скоро вывели к остановке.

Автобус подошёл почти сразу. И если Вадим сам себе не нафантазировал – водитель автобуса оказался тот же самый, что около получаса назад вёз его в сторону метро.

Вадим без приключений добрался до дома, зашёл в подъезд, поднялся на свой этаж и отворил дверь. В квартире царилла бесстрастно-немая, умиротворённая аура, хотя по-другому это можно было бы назвать ощущением какой-то пустоты и ненужности. Ничего за время его отсутствия не изменилось. Тихонько посапывая, Зоя всё так же спала, свесив ногу с кровати...

С чем можно было бы сравнить утреннее происшествие? С колдобинной на дороге! Тряхнуло как следует, всполошило. Но выравнивается снова ход – и катишься себе дальше, оглядываешься реже. Жизнь течёт своим чередом. А как иначе?

Зоя с постным лицом выслушала историю Вадима, словно не понимала, о чём идёт речь. Но когда звонили подруги и начинался привычный перебор тем «чего новенького», умудрялась пересказывать случившееся в таких филигранных подробностях, что Вадима порой передёргивало от нелепого подозрения: Зоя как минимум была прямой свидетельницей его обморока и лишь по известным ей одной причинам об этом умалчивала. «А мой-то сегодня!..» – каждый раз взвизгивала она так, что было слышно аж с балкона, – и рассказ обрастал всё новыми и новыми деталями, от которых уши сворачивались в трубочку. Ничего не оставалось, как находить в этом смешную сторону жизни, связанную с женщинами, дорвавшимися до телефона.

В какой-то момент Зоя спохватилась, что к ужину ничего нет, и Вадиму пришлось идти в магазин за пиццей. В итоге остался виноват, поскольку пицца оказалась не та, которую надлежало купить, хотя Зоя ему «по-русски всё объяснила». Тем не менее, подкрепились, за чаем посмотрели Зоин сериал, а перед сном жена померила ему давление. Вадим в полученных цифрах не разбирался, но, по словам Зои, давление было в норме.

С братом Вадим не созвонился – начисто вылетело из головы. Позвонил разве что Геннадию Борисовичу: так, мол, и так, всё в порядке, и как штык будет завтра на работе.

На руке, возле подмышки, проявилась гематома. Память о цепкой хватке Лены, выводившей его из автобуса...

– **М**илая, я побежал! – краем уха Вадим уловил, как Зоя молча поёрзала в постели.

Бряцать по обыкновению ключами Вадим не стал. Впервые он отчего-то застеснялся своей безобидной привычки и побыстрее юркнул за порог, запер дверь.

С лифтом в подъезде явно кто-то баловался. Было слышно, как открываются и закрываются двери на нижнем этаже. Пришлось спускаться по лестнице, но настроение от этого не испортилось. Бодро перестукивая по ступенькам до блеска начищенными туфлями, Вадим, казалось, так и ждал, что, заслышав шаги, хулиганы оставят наконец лифт в покое и покинут подъезд. Тем не менее, двери продолжали съезжаться и разъезжаться, производя противные хлюпающие звуки вплоть до того момента, пока Вадим не проскочил последний марш. И даже когда он очутился на первом этаже, двери с нахальным упрямством продолжали скрежетать.

И тут он в нерешительности застыл на месте.

Поперёк прохода в лифт, внутриутробно скрючившись, лежал человек (вот, что мешало дверям закрыться). Старомодные шлёпанцы, мышино-серые брюки. Вельветовая куртка буграми сбилась на спине. А из отверстого рта выглядывал пунцовый кончик языка.

Вадим осторожно перешагнул через вытянутую по площадке ногу с задравшейся до колена штаниной и снова на секунду-другую будто «приклеился» к месту, жадно разглядывая распластавшееся в неестественной позе тело. Перекошенное лицо, размазанное щекой по полу, показалось ему знакомым – но как ни всматривался, пытаясь угадать, кто бы это мог быть, на ум ничего не приходило. Само собой напрашивалось успокоиться и признать, что это какой-то залётный забулдыга, который рано или поздно очухается и утопает восвояси. И всё как будто бы вставало на свои места. Всё упрощалось.

«Молодец, ничего не скажешь – с утра пораньше уже нализался», – мысленно подвёл черту Вадим и, поднеся к лицу запястье, поглядел на часы: время поджимало. После вчерашнего опаздывать было нежелательно. В противном случае Геннадий Борисович не преминёт устроить головомойку – как сядет, так и не слезет, и придётся долго-долго со смиренным видом выслушивать его вычурные речи, и – обтекать...

Представив себе неприятную картину, Вадим поёжился. Ноги сами собой развернули на сто восемьдесят градусов и повели дальше, к выходу из подъезда.

И только на остановке, в ожидании автобуса под ядовитыми лучами палящего солнца, Вадима вдруг осенило.

«Да это же Вальдемар с девятого этажа, сын Софьи Прокофьевны, библиотекарши! Он вообще в рот никогда не брал, даже от дыма табачного сторонился! Вечно, как ни вспомнишь, ходил себе по двору с грустными рыбьими глазами, таблеточки какие-то под язык подкладывал... Остановится, бывало, посреди дорожки, вытянется солдатиком и смотрит куда-то вверх, пошевелиться боится...»

Плавнов притормозил автобус, и приветливо крякнули распахнувшиеся двери-гармошки. Народу в это утро наземным транспортом добиралось, на удивление, немного.

Вадим исподлобья скользнул взглядом по ближайшим к нему окнам – выбирая свободное место, которое постарается занять.

ПОЭЗИЯ

Нина ПОПОВА

Нина Викторовна Попова – поэтесса, прозаик, журналист. Член Союза писателей России и Академии российской литературы. Выпускница Московского полиграфического института и Высших литературных курсов (творческая мастерская Валентина Сорокина), аспирантка кафедры теории литературы и литературной критики Литературного института им. А.М. Горького, руководитель поэтической студии ВЛК «Путь мастерства». Автор книг поэзии и музыкально-поэтических альбомов. Лауреат литературных и общественных наград.

Живёт в Москве.

Душа, которая простит...

Рассвет в горах

Прозрачны горы на рассвете,
Спят облака на них, как дети,
Притихли листовниц ряды
На каменном ребре гряды.

В ложбинках бахромы тумана
Кольшется пугливо-странно...
Но проблеск первого луча
Скользнул, вершину щекоча,

И сразу заискрились грани
В волшебном-призрачном обмане,
Где ожерелья самоцветов
Ладонями ласкает лето,

Где водопад, став сочно-алым,
Несётся кровотоком в скалы...
А гор твердыня вековая
Вздыхает, словно бы живая.

Та тишина, что есть на Беломорье,
Сродни ответу на любой вопрос,
Когда парит под небесами вольно
Ночь-альбатрос.

Зовёт к себе диковинною силой,
Великой тайной отмерцавших лун,
И обещает всё, что затаила
Гора-колдун.

Лежат в горе ключи богатств несметных –
Не самоцветов сытая руда –
Хранятся в ней закаты и рассветы,
Веков гряды...

Но всё молчит, что тайной обладает,
Лишь изредка видение пошлёт,
Оно мелькнёт... мгновение... и тает,
Как сон, как лёд...

Сад

Тяжёлый августовский сад,
Плоды устало клонят ветви,
Как десять лет тому назад,
Когда нас этот сад приветил.

Стоял у тёмного пруда
Дом-вековик да пара сосен,
Точили старый дом года,
Дождями окропляла осень.

Шагала стражем тишина
По аромату прелых яблок,
И одиночеством до дна
Пропах весь пруд, и был он зябок...

Но счастье подарил нам дом,
И сад запел напевы лета,
А над проснувшимся прудом
Взошли поспевшие рассветы...

Полдень

Пышным караваем полдень притомился
И кувшин молочный – дальний косогор.
Пыльная дорога, приоткрыв ресницы,
Изредка бросает утомлённый взор.

Скрипнул у колодца журавель со стоном,
Хочется на небо, бедному, взлететь,
Сонную деревню миновать с разгона
И вонзиться в солнца золотую медь.

Душа, которая простит

Просторно мыслям и делам,
Судьба всё делит пополам,
Где над вершинами парит
Душа, которая простит...

Душа, которая простит
И за тобой сквозь мир летит,
Душа, что знает – тяжело
Встать одиноко на крыло.

Она возьмёт тебя с собой
Где плещет воздух голубой,
И синие поют ветра,
И где костры, а не зола.

В ручье обыденных забот
Кораблик алый проплывёт –
Зовёт глоток любви испить
Душа, которая простит...

Редакция журнала «Великороссь» поздравляет Валентина Суховского с 65-летием!

Валентин Николаевич Суховский – родился 27 августа 1949 г. в Архангельской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, работал в журналах «Наш современник», «Встреча», газете «Гудок», издательстве «Советский писатель». Член Союза писателей России. Член-корреспондент Академии Российской словесности и Академии поэзии. Автор пятнадцати книг. Лауреат нескольких литературных премий. Награждён Грамотами Министерства культуры РФ и Правительства Москвы. Руководит литературной студией «Муза и лира» и литературно-музыкальной гостиной «Златоуст».

Живёт в Москве.

«И славен веками характер былинный...»

Песня о России

По белому свету раскинулась вольно,
Своей величавой красы не тая.
В лесах ты без края, в степях ты раздольна,
Родная, святая Россия моя.

И стелется шёлком лугов разнотравье,
И нивы хлебами густыми шумят.
С восторгом пою я, что нет тебе равных:
Богатства несметны, язык твой крылат.

Под звон колокольный над храмом-святыней
Невесты несут красоту под венец.
И славен веками характер былинный:
В нём вера и мужество, нежность сердец.

Я верю, что скоро расправишь ты плечи,
Вздохнёшь богатырски во всю свою грудь.
И станет свободней народу и легче;
Мы можем соборно всю славу вернуть.

Сметают преграды российские реки,
Могучею волей подобны морям.
Издравле народы все вместе навеки
С тобою, святая Россия моя!

Над срубом колодезным старым
Скрипит журавель на ветру.
И филин, как перед пожаром,
В заброшенном плачет дому.

Давно ли под светлым окошком,
Ещё без предчувствий беды,
Басисто смеялась гармошка
Среди голосов молодых?

Не язва прошла моровая,
Не злая орда пронеслась...
Одна ли деревня пустая?
Одна ли изба заждалась?

Мы совесть свою не спросили,
А нам подменили без виз
Могучие песни России
На чужеземный каприз.

А нам подменили устои
На шаткий и призрачный дым.
Всё стало в эфире пустое,
А было родным и святым.

Мы верили чуждым мессиям.
Похмелье прервёт забытьё.
Народ русский – скрепы России,
В нём – сила, величье её!

Во дни тревог, во дни сомненья
Как сердце верой окрылить?
Эпохи вздыбленной крушенье
Дано ли нам остановить?

Когда порушены устои,
Все идеалы сметены,
Жизнь человека мало стоит,
И ставят совесть вне цены.
Гроза над русскою судьбою.
Как эту бурю перенести,
Оставшись всё ж самим собою,
Храня достоинство и честь?!

Песня о Севастополе

Написана совместно с Татьяной Люляевой

Севастополь – колыбель героев,
Нашей славы доблестный оплот,
И хранит традиции, устои
Мужественный Черноморский флот.

И когда враги из стран Европы
Напали на прекрасный Крым,
Выстоял великий Севастополь,
Этой славы мы не отдадим!

Завещал сам адмирал Корнилов
Город отстоять назло врагам.
И сегодня умножает силы
Слава Севастополя всем нам.

Чтобы пить из чистого колодца,
Зная силу родниковых жил,
Севастополь помнит флотоводцев,
Всех, кто ход истории вершил.

В наших душах адмирал Нахимов
И святой воитель Ушаков.
Знаю: мы непобедимы с ними,
С ратной славой доблестной веков.

О, Русь ты моя...

В старинной усадьбе дворянской
На время забыт преферанс.
Звучит искромётный цыганский,
Задумчивый русский романс.

А взоры то нежны и томны,
То чувственной влагой блестят.
Божественны очи, огромны,
И ангельской прелести взгляд.

Мелькнёт, в зеркалах отражаясь,
С икон византийский овал.
И голос, в садах откликаясь,
Напомнит вдруг сказочный бал.

Призывны, волнующе тени;
И вкус поцелуя медвян:
В нём сладость дыханья сирени,
Лесных земляничных полян.

Как будто родник из-под спуда
В уездной пробился тиши, –
Гусарская чудится удаль
И кротость девичьей души.

О, Русь ты моя теремная!
Века в русских жилах стучат.
По вольным дорогам без края
Мои птицы-тройки летят.

Любовью на любовь

Вечерняя заря над полем догорает.
Под пенье соловья такая благодать...
Любовью на любовь ответь мне, дорогая!
Удастся счастье нам жар-птицею поймать.

Молитву о любви в душе я повторяю,
Как много нежных слов я для тебя нашёл.
Любовью на любовь ответь мне, дорогая,
И будет всё у нас с тобою хорошо.

Немало мы прошли и много испытали;
Мы знаем цену чувств, чем полнится душа.
Вечерняя заря. Малиновые дали.
В ответном чувстве ты красива и свежа.

Я воспою тебя, твою любовь и нежность,
Зажгу восторг в глазах волшебным словом я.
Когда мы влюблены, мир кажется безбрежным,
Мелодии в душе, как трели соловья.

Как Пушкин Натали, тебя я нарисую,
Такой, какой лишь в снах мечтаешь о себе.
Способны ли с тобой мы на любовь большую?!
Чтоб стала вдруг она сокровищем в судьбе.

ВЕРНИСАЖ

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

К 100-летию начала Первой мировой войны

«...Одна заветная»

Герои Первой мировой войны
на исторических картинах художника
Филиппа Москвитина

*Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная!
Ты у меня одна заветная;
Других не будь хоть никогда.*

В. Чувевский

Валентина Валентиновна Ефимовская – поэт, литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Родная Ладога», автор поэтических сборников «Долгий свет», «Приют для души», «Третий путь», печаталась в журналах «Москва», «Нева», «Воин России», газете «Российский писатель» и мн. др. изданиях, член Союза писателей России.

Живёт в Санкт-Петербурге.

Известный своими монументальными историческими полотнами, духовно-философскими образами великих героев Отечества, московский живописец Филипп Москвитин столетию Первой мировой войны, воспринимаемой им как событие не только исторического, но и мистического ряда, посвятил несколько новых работ. Это портреты Александра Васильевича Колчака, Петра Николаевича Врангеля, Николая Николаевича Юденича. Их портреты он размещает рядом с портретами современников – со святыми и святителями: Императором Николаем II, Патриархом Тихоном (Беллавиным), митрополитом Нестором Камчатским. Тем самым художник предлагает нам в контексте мученического, молитвенного, миссионерского подвига осмыслить воинский и жизненный подвиг русских боевых генералов, представить отечественную историю как целостную, живую вселенную, пронизанную токами любви и жертвенности.

Конечно, галерея героев Первой мировой войны будет неполной без портрета Главнокомандующего русской армией – Царя Николая II. Для своего воинского цикла художник выбрал картину, перекликающуюся с известной фотографией Николая II в окне поезда в тот день, когда его

Государь император Николай II. 2003

принудили отречься от власти. Эта работа замечательна тем, что Царь, облачённый в простую армейскую гимнастерку, выглядит как обыкновенный русский солдат, чем создаётся эффект приближения к зрителю, достигается доверительная обстановка, в которой можно лучше понять важное для истории России событие.

Полотно привлекает также насыщенностью и точностью деталей; они являются свидетельством воинских заслуг героя портрета, приметам времени и просто красивыми, мастерски выполненными художником элементами сложной картины. Главное же в портрете – его мистический подтекст, скрытый пласт духовных переживаний Помазанника Божия, жившего

всегда по принципу «Да будет воля Твоя», то есть в согласии с Божиим Промыслом. Художник изображает Царя в тот трагический момент жизни, когда смертельно трудно с этим Промыслом согласиться, понять и свободно Его принять. При создании образа Царя-страстотерпца художник, кажется, черпает творческую силу от света святой жертвы Венценосца, потому с такой достоверностью и проникновенностью живописцу удаётся передать в выражении лица Государя сгусток невыносимо-горьких чувств, являющих беспощадный образ смутных времён.

Из трёх портретов героев войны наиболее узнаваемым является портрет адмирала Колчака, обладающий не только образным сходством, но широко известным историческим содержанием. Фигура адмирала, занимающая большую часть полотна и написанная с пониженной точки зрения, кажется лишь касающейся ледяной поверхности глубоко промёрзшей реки. Несмотря на громоздкую, детально воспроизведённую его военную форму – тяжёлые, выдавшие множество военных дорог сапоги, грубую, как будто вовсе не подходящую для адмирала, звучащую смысловым диссонансом армейскую шинель, задубевшую на морозе кожу туго опоясывающей портупей, тело готового принять муку человека кажется лёгким. Ощущение духовного делания, происходящего в страшную предсмертную минуту, достигается слегка вытянутыми пропорциями фигуры, световым акцентом ослепительно ясного, спокойного лица солдата. И только напряжённо сжатые в кулаки пальцы Колчака выказывают всю силу его ненависти.

Колчак был расстрелян после праздника Крещения Господня 7 февраля 1920 года вблизи старинной XVIII века иркутской Церкви Знамения Пресвятой Богородицы, расположенной у слияния рек Ангары и Ушаковки. На картине мы не видим лица человека, приведшего приговор в исполнение..

Художник позволяет нам увидеть лишь часть фигуры в чёрной кожанке и вытянутую руку. Да и воду в проруби реки Ушаковки художник изображает не как бездну, а как живую, взволнованную стихию, хоть и ледяную, но готовую принять и упокоить тело адмирала. Эта проникновенная живописная метафора, найденная тонко чувствующим и сопереживающим своему герою художником, оправдана не только личными наблюдениями живописца, знающего эту реку с детства, но и историей служения Колчака. Он ведь с юности выбрал морское поприще и отдал водной стихии большую часть своей жизни.

Колчак доблестно служил в Русско-японскую войну. В Первую мировую войну он руководил минированием входа в Финский залив, высадкой морского десанта на Рижском побережье в немецком тылу и т. д. В 1915 году он формировал оборону Рижского залива, за что был награждён орденом Святого Георгия IV-й степени и произведён в контр-адмиралы. В 1916 году он назначен командующим Черноморским флотом с производством в вице-адмиралы «за отличия по службе». Под его руководством практически был заблокирован выход германских и турецких судов в Чёрное море.

Когда смотришь на портрет Колчака, кажется, что именно слова любимого адмиралом романа «Гори, гори, моя звезда» звучат в его душе и дают силу и выдержку в момент, когда он оказался на границе реального и ирреального бытия. Символом спасения, воскресения и надежды тепло и жизнеутверждающе на беспросветном небе сияет Звезда над уходящим в вечность адмиралом Колчаком.

Барон Пётр Николаевич Врангель, происходивший из аристократического рода, был кавалерийским генералом. Филипп Москвитин создаёт его портрет-загадку, портрет-задачу. Этот портрет держит зрителя на расстоянии, заставляет сначала с отдаления рассмотреть героя, проникнуться уважением к этому человеку, восхититься его военной выправкой, удалой, несколько щеголеватой красотой, а потом заинтересоваться историей жизни. И после собственных исторических исследований понять, почему складывается ощущение, что мы не можем «войти в картину». Потому что генерал стоит на последней пяди родной земли. Входить некуда. Художник производит такое неожиданное перспективное построение картины, что добивается убедительного пространственного эффекта и глубокого зрительского сопереживания герою.

Адмирал Колчак. 2011

Генерал Врангель. 2014

Врангель служит в армии с начала Русско-японской войны. Первую мировую войну он встретил в чине ротмистра. Одним из первых русских офицеров был награждён орденом Святого Георгия IV-й степени. Барон Врангель сражался против австрийцев в Галиции, участвовал в знаменитом Луцком прорыве, был командующим кавалерийской дивизии, а после – командующим Сводным кавалерийским корпусом. В представлении в бытность его ротмистром к награждению говорилось: «Стремительно произвёл конную атаку и, несмотря на значительные потери, захватил два орудия, причём последним выстрелом одного из орудий под ним была убита лошадь».

Чем можно объяснить неуязвимость героического командира, сражавшегося почти всегда на передовой? Удачливостью? Военским мастерством? А, может быть, Божией помощью? Именно верой в Божию помощь, укрепляющимся чувством «собственного духовно-

го достоинства», получаемого не только от осознания героического прошлого России, но и в результате активной церковной жизни, а именно, осознанной литургической жизни, причащения, окормления духовником, создавалась непобедимая нравственная сила и углублялось осознание понятия долга, чести у многих людей России. А для русских офицеров было естественно понятие жертвоприношения собственной жизни во имя Родины. У барона Врангеля тоже был духовный руководитель – духовник армии и флота. Генерал исповедовался и причащался. Участвуя в войне с большевиками, он перед лицом Божиим считал себя правым в этом деле. И потому, встав во главе Белой армии, переименовал её в Российскую армию. Потому что для него война шла не между «белыми» и «красными», а за исконную, православную Россию.

Барон Пётр Врангель, командовавший в Первую мировую войну кавалерийской дивизией, объединённым кавалерийским корпусом, изображён на картине Филиппа Москвитина в белой казацкой черкеске с газырями и высокой папахе, что помогает вспомнить, что в Гражданскую войну он был военным Правителем Юга России, воевал в Кавказской добровольческой армии. Символичен пейзаж второго плана. Острые каменистые скалы, тёмное, бурливое небо, шумная пенистая лента прибоя складываются в живописный контрапункт, с помощью которого художник создаёт в этом портрете сложную, диссонансную гармонию трагической эпохи русской истории.

Генерал Н.Н. Юденич. 2010

Глядя на картину Филиппа Москвитина, посвящённую одному из самых успешных генералов Первой мировой войны – генералу Николаю Николаевичу Юденичу, убеждаешься в том, что художник вознамерился создать образ человека сильного и в жизни, и в смерти. Одних боевых орденов у генерала было более пятнадцати. Служить Отечеству на бранном поле Юденич начал с 1881 года. В Русско-японскую войну командовал полком Восточно-Сибирской дивизии, лично провёл штыковую атаку под Мукденом, был тяжело ранен. С началом Первой мировой войны он возглавлял штаб Кавказской армии. Не допустил вторжения Османской империи на Кавказ. Почти решил задачу овладения Константинополем, так что английские и французские дипломаты говорили о возможности признания права России на Константинополь и проливы. Генерал Юденич стал последним, кто удостоился ордена Святого Георгия II-й степени. Керенский отправил победоносного, опасного для новой власти ге-

нерала в отставку. Как командир Северо-Западной добровольческой армии, Юденич стал готовить поход на Петроград, где он, не знавший неудач на Кавказе, потерпел поражение и был вынужден распустить остатки своей армии.

Художник изображает скорбящего командующего между двумя простыми берёзовыми крестами, венчающими две свежие солдатские могилы. Стоя на пропитанных кровью Пулковских высотах, он так сосредоточен и горестен, что, кажется, находится на панихиде в храме. Всегда для него святым храмом была и Родина. Но как же темны, каменисто-холодны за его спиной её небеса. И в то же время усталое лицо немолодого генерала, изрытое глубокими морщинами, озарено светом. Кажется, на полотне, решённом в зелёно-коричневых тонах, в цветах армейской полевой формы и сырой земли, в пасмурный холодный день незачем и неоткуда взяться светоносным бликам. Если только это не духовный свет, который источает душа героя картины. А, может, это отсвет сияния православного креста для Святой Константинопольской Софии, который во времена победоносного наступления войск Юденича был уже изготовлен, но не дождался своего часа? Конечно, не может иссякнуть Свет Православия. Неугасим и свет души, наполненной любовью к Богу и Отечеству, у могучего, сильного духом этого выдающегося человека.

Антитезой трагическому портрету Юденича является сложный, яркий, жизнеутверждающий портрет ещё одного участника Первой мировой войны – митрополита Нестора (Анисимова) просветителя Камчатки. Глядя на

Митрополит Нестор,
Апостол Камчатки. 2009

радостное, одухотворённое полотно «Митрополит Нестор, Апостол Камчатки» трудно поверить, что этот величественный пастырь тоже был на фронтах Первой мировой войны. Малоизвестна подвижническая жизнь митрополита Нестора, который в 1907 году, в год своего пострижения, был назначен миссионером на Камчатку. Он не только проповедовал камчадалам Христианство, но лечил и обучал малограмотных жителей далёкого Гагинского уезда России. На картине он представлен во время торжественного богослужения, в полном облачении, с трикирием – ручным светильником с тремя зажжёнными свечами, символизирующими свет Пресвятой Троицы, и дикирием, в котором две горящие свечи символизируют свет Христа в двух ипостасях – Божественной и человеческой. Торжество происходящего действия художник подчёркивает и достигает не только специальной атрибутикой, мастерски изо-

бражёнными элементами священнического одеяния, украшенного мехом, но и проникновенным цветовым звучанием произведения, где в клубах морозного воздуха, окружающего камчадалов, мы видим их за спиной владыки сплочёнными, упорными в своём стремлении к духовному просвещению.

Когда началась Первая мировая война иеромонах Нестор ушёл добровольцем на фронт. Там он сформировал и возглавил санитарный поезд, необходимый для оказания помощи воинам кавалерийских и других родов войск на фронте. Отцу Нестору приходилось бывать на передовой и под градом пуль, среди рвущихся снарядов, утешать и напутствовать молитвой умирающих воинов. Иеромонах Нестор получил высшую для священнослужителя воинскую награду – Крест на Георгиевской ленте. Промыслительно, что именно Георгиевской лентой, как символом русской воинской доблести и верности Христу, объединены герои названных картин Филиппа Москвитина. Эта лента не только знак отличия, но и знак верности и чести, победы русского оружия и русского духа.

В 1918 году, по некоторым данным, епископ Нестор входил в одну из групп, ставивших своей целью освобождение Царской Семьи. Участвовал в перенесении мощей Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, расстрелянной большевиками в Алапаевске. Он явно сочувствовал Белому движению. По понятным причинам Патриарх Тихон (Беллавин) открыто благословить Белую Гвардию не мог, но как символический знак поддержки её идей и её лидеров именно через Владыку Нестора передал для графа Келлера (рыцаря чести и

преданности Государю) шейную иконочку Державной Богоматери и просфору, когда тот должен был возглавить Северную армию. Владыка Нестор был надёжным посланником, потому что знал генерала по Первой мировой. После расстрела Царской Семьи Владыка Нестор оказался первым, кто возвёл часовню в честь Царственных Мучеников. Все эти события свидетельствуют о сплочении в час испытаний русских людей, о верности их присяге Богу, Родине и Государю.

Тема смутных времён в России более других тем волнует Филиппа Москвитина, глубоко знающего историю Русской Православной Церкви, пастыри которой не раз благословляли, а то и направляли народ на битву с врагами Отечества. Образ Святого Патриарха Тихона, духовный подвиг которого можно сопоставить лишь с подвигом Святого Патриарха Гермогена во времена польской интервенции, – любимый образ художника. Филипп Москвитин воспроизвёл на своих полотнах почти все значимые сюжеты героической жизни Святейшего.

Во время Первой мировой войны Патриарх Тихон благословлял войска на Победу, истово молился о погибших и раненых. Он выезжал на фронт, на фотографиях военного времени можно увидеть его в окопах, окропляющего святой водой бойцов. Пастырская популярность Патриарха Тихона была так велика, что под его благословение подходили даже католики и староверы.

Патриарх Тихон. 2006

Портрет Патриарха Тихона Филиппа Москвитина можно назвать одной из лучших современных работ мастера. Патриарх Тихон изображён смиренно сидящим на простой деревянной скамье. В картине нет отвлекающих лишних деталей, замечаются только обязательные элементы повседневного Патриаршего облачения: панатия с образом Богоматери, белый куколь с крестом, длинная нить чётков. И только две художественные метафоры – бордовое, цвета мученичества, облачение и смутный, тревожный фон заднего плана настраивают на неоднозначное прочтение этого произведения, напоминают нам о том, что перед нами святой. На лицо Патриарха Тихона хочется смотреть неотрывно долго, потому что в нём есть что-то добродушно-детское, чистое. Но взор его пронзительных глаз озаряет мистическим духом, истовостью, убеждённостью.

Портреты героев и духовных лиц открывают нам веру в высшие смыслы человеческого существования. Картины Филиппа Москвитина помогают через образы великих предков, молитвами которых мы спасаемся, увидеть свет вечной жизни. И сегодня мы его видим в глазах Патриарха Тихона, Императора Николая II, святителя Нестора Камчатского. Почти все они приняли мученическую смерть, но нет отсвета безысходности в образах героев, святителей и святых, изображённых художником, который любит их и любуется теми, кто видел свет вечной жизни, кто веровал в спасительную силу жертвенного подвига. И мы тоже можем увидеть и уверовать.

ПОЭЗИЯ

Вячеслав ШЕВЧЕНКО

Вячеслав Иванович Шевченко – родился в 1961 г. в Харькове. В 1983 г. окончил Харьковский Институт Инженеров Коммунального Строительства (ХИИКС) по специальности «Архитектура». С 1983 по 1985 гг. служил в рядах Советской Армии. После демобилизации работал в проектных институтах Харькова. В настоящее время работает в московской строительной фирме по специальности «архитектор». Женат, имеет дочь 16 лет. Увлекается историей России, особенно периодом Отечественной войны 1812 г. Активно участвует в работе поэтических студий «Златоуст» и «Исток».

Живёт в Москве.

«Над полем Бородинским нависла тишина...»

Чертаново, Чертаново...

Чертаново, Чертаново, сторонuşка моя
Околица столичная, Московская земля.
В зелёных наших двориках всю ночь до зари
Поют, встречая солнышко, хмельные соловьи.

Сирень бушует гроздьями, и яблони в цвету.
По улице Чертановской я не спеша иду,
Трамвайчик душу радует, – куда-то в даль зовёт,
На улице, на Янгеля меня девчонка ждёт.

Певунья синеглазая свела меня с ума.
В дубравах мы на Анино гуляем до утра,
Считаем звёзды яркие, встречаем мы зарю.
Чертаново, Чертаново, одно тебя люблю!

В заботах, буднях, праздниках тебе вовек стоять,
Здесь жить нам, созидая, работать и дерзать!
Родятся наши дети, – пусть здесь растут, живут,
И соловьи-соловушки пусть и для них поют.

Гулёна-ветер плурует перелесками
Косыми струями играет водолей
Земля разбухла залоснились лошади
Наохлился на крыше воробей.

По паутине осенних дорог...

По паутине осенних дорог,
Сквозь пелену листопада,
Я будто ветром гонимый листок
Лечу и лечу всё куда-то.

Лечу к золотой акварели лесов,
В пастель бирюзового неба,
Спешу проводить в дальний путь журавлей,
Воды родниковой отведать.

Хочу побродить в опустевшем бору,
Ногами листву поднимая,
Хочу постоять на широком лугу,
Осенней свежести внимая.

Хочу посидеть у притихшей реки,
В зеркальном стекле отражаясь,
Хочу постоять на крутом бережку,
К берёзке щекой прижимаясь.

**Отрывок из поэмы
«На поле Бородинском...»**

Над полем Бородинским нависла тишина,
Здесь не трепещут стяги, и не поёт труба,
В полях печальных ветер играет ковылём,
Кружится чёрный ворон над вымокшим жнивьём.

В лесах осенних тихо, не слышен птичий гам,
В реке зеркальной тесно нависшим облакам,
Звон колокольный дальний струится над землёй,
Затянута полнеба дождливой пеленой.

Строй монументов грозный здесь тишину хранит,
Гроза как канонада в дали речной гудит,
На западе зарницы как всполохи горят –
Торжественно, тревожно, как много лет назад.

Ступаю осторожно, дыханье затая,
Здесь тысячи героев укрыла Мать земля.
Солдаты, офицеры, – не счесть их имена,
За матушку Россию стояли до конца.

Светлейший князь Кутузов со штабом в Горках стал,
В войска приказы отданы, глаз ночью не смыкал,
Все думы о России, рассвет с тревогой ждал,
На русского солдата и Бога уповал:

«Святой Победоносец, Георгий, помоги!
Ты воинство российское спаси и сохрани!
Донской Димитрий, Минин, Пожарский храбрый князь,
И Невский Александр, вы снова среди нас!»

ПОЭЗИЯ

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВА

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. В 1987 г. окончила МГПИ им. В.И. Ленина по специальности «учитель английского и немецкого языков». В 2000 г. ей было присвоено звание учитель высшей категории. С 2001 г. Юлия Александрова работает старшим преподавателем кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор пяти сборников лирических стихотворений – «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010) и «Крылатая мечта» (2012), а также двух сборников прозы – «Букет ландышей» (2009) и «Окно в сад» (2011). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Уносит время наших близких...»

Память

Дом похож на сундук. Он хранитель семейных традиций
Ваших предков и тех, кого знали и помните вы.
Посмотрите на вещи. Ну, чем не история в лицах?
В них тепло *тех* людей, кого нет уже с вами. Увы!

Ваза... мамины руки совсем как у бабочки крылья
Над ней часто порхали, и в ней оживали цветы.
Пусть стоит на шкафу, припорошена времени пылью,
Будоража фантазию и пробуждая мечты.

Папа много курил. Пепел стряхивал в обе ладони –
Этот серый предмет запах папиных рук пробудил.
Пусть же в память о нём здесь стоит – на открытом балконе,
Там, куда вечерами он часто курить выходил.

Оловянным солдатиком в кухне стоит табуретка.
Дед её сколотил. Он ведь умер ещё до войны.
Ну, а бабушка вышила красною нитью салфетку...
Вещи эти – свидетели разных этапов страны.

Встретишь вещи, подобные этим, в домах очень редко,
А они, как мосты, меж вчерашним и завтрашним днём.
Не сжигайте мостов! Не торгуйте вы памятью предков!
Сотворённое зло опалит вашу душу огнём.

Мой милый дом

Мой милый дом! Как сир ты и убог,
Твои изъяны все высвечивают блики.
А раньше выходила на порог,
Где на крыльце стояла мисочка клубники,
Помытая заботливой рукой.
И до краёв полны молочных два бидона.
И здесь царили счастье и покой –
Такие, как бывают только дома.
И ковшиком зачерпывала квас
Домашний, приготовленный из сусла.
Тот огонёк, зажжённый в детстве, не погас:
Я дом храню, питаю трепетное чувство.

День рождения

Августовские звёзды разлиты по небу
Из ковша, что медведицей люди зовут.
На столе каравай ароматного хлеба –
В этом доме гостей двадцать первого ждут.

День рожденья отца каждый год мы справляли.
Надевал он рубашку в полоску с утра.
На крыльце сигаретные кольца пуская,
Говорил: «Собирать урожай нам пора».

До земли наклонились у яблони ветки,
Нежно-розовым цветом плоды налились.
Рядом с ними серёжками старой кокетки
Сливы дразнятся: «Ну-ка! Давай! Дотянись!»

И дымились как будто туман над водою
Отварная картошка да с луком пирог.
Тьма салатов, гуляш с кабачковой икрой...
Оторваться от маминых блюд кто бы смог?!

И сегодня за окнами солнечный август,
Только дом – сирота, ведь родителей нет.
Память. В сердце озноб. Со слезами я справлюсь
И поставлю на стол роз огромный букет.

Мамин букет

Месяц – острый осколок волшебной луны –
Светит дерзко в окно, чтоб дарить ночью сны.
Там девчушкой весёлой вдоль речки бегу,
А в руках те цветы, что рвала на лугу.

Я букет луговой своей маме дарю
И «Спасибо за всё!» – ей во сне говорю.
Мама ставит в заветную вазу цветы,
И по стеблям стекают с водою мечты.

Ветерок сквозь окно дует нежно на них,
И хранят они тайну одну на двоих.
Как прекрасен во сне этот мамин букет!
Просыпаюсь, а мамы давно уже нет...

Свобода

Как мне хотелось быть одной!
Не слышать криков и упрёков,
И в тишине разбитых стёкол
Не быть игрушкой заводной.

Как мне мешали все вокруг,
Давая разные советы.
Открыв ключом мои секреты,
Создали замкнутый мне круг.

И паровозик побежал
По заколдованному кругу,
Трубя слова на всю округу,
Что нет свободы. Очень жаль!

Сегодня дождь как прежде льёт,
И день холодный и печальный.
Теперь никто мне чашки чая,
Тарелки супа не нальёт.

Я одиночеством сыта.
Ах, как уродлива свобода!
Летят безжалостные годы,
Но нет семьи. Я – сирота.

Кладу свободу на алтарь.
И об одном молю я Бога:
Пускай запретов будет много,
Чтоб несвободной быть, как встарь.

Как надоело быть одной!
Готова в клетке жить, как птица
Иль паровозиком катиться –
Игрушкой детской, заводной.

Время

Ах, время! Ты, как скорый поезд,
Летишь вперёд. Мелькают дни.
А мы живём, не беспокоясь,
Что вдруг останемся одни.

И с теми, нет кого роднее,
Находим дерзкие слова,
Чтоб их ударить побольнее...
Как после этого жива

Душа их – раненая птица?
Она кричит, а нам – плевать.
Мы продолжаем веселиться
Там, где должны бы горевать.

Склонить бы голову. Да низко.
И все обиды замести.
Уносит время наших близких,
И некому сказать: «Прости!»

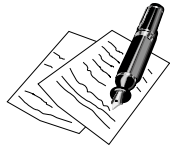
Маленькая свечка

На канун поставлю свечку в церкви белой –
Маленькую, чтобы быстро догорела.
И взметнётся пламя, и заплачет свечка –
Это моей мамы бьётся так сердечко.

Это папа очень обо мне скучает.
«Как ты там, дочурка? Жизнь не докучает?»
Так хочу я плакать от седого горя –
Почему-то слёзы застревают в горле.

Видно, тяжело им видеть, как страдаю.
Маленькая свечка от огня растает,
Но печаль утраты в воске не утонет...
Люди живы, если кто-то о них помнит.

ПАМЯТЬ

Сергей КОБЕЛЕВ

Выдающиеся узники Бутырской тюрьмы:

Александр Дмитриевич Самарин

Бутырская тюрьма, «Бутырка» – эти слова известны почти каждому русскому человеку. К сожалению, зачастую они вызывают только негативные ассоциации. Это касается и лиц, прошедших через её стены. Осуждён, – значит, виновен, посадили – значит было за что. Однако мало кто задумывается, что это не только место позора и лишения, но и место памяти, памяти о многих выдающихся людях, которые побывали там.

«От тюрьмы и от сумы не зарекайся» – особенно остро эти слова почувствовал наш народ в

Сергей Константинович Кобелев – родился 27 мая 1989 г. в Москве. В 2006 г. поступил в Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет на Исторический факультет. В годы учёбы в университете начал писать стихи и прозу. Осенью 2013 г. по благословению отца, протоиерея Константина Кобелева, начал работу по созданию филиала Бутырского музея при храме Покрова Пресвятой Богородицы на территории СИЗО № 2. Поёт в Домодедовском церковном смешанном любительском хоре. Живёт в Домодедове.

А.Д. Самарин. 1916.

прошлом веке. Как Крест Христов – орудие самой позорной смерти в представлении современников Спасителя – в глазах христиан стал символом надежды, так и Бутырская тюрьма должна стать местом памяти о безвинных жертвах политических репрессий.

Сейчас при храме Покрова Пресвятой Богородицы на территории Бутырской тюрьмы создаётся музей, посвящённый политическим репрессиям и гонениям на Церковь в Советском Союзе. Для того, чтобы возобновить людскую память о прошлом, наверное, лучше всего рассказать сначала об одном человеке, потом о другом, собирая общий образ из отдельных кирпичиков.

Сегодня мы хотели бы рассказать о выдающемся деятеле Русской Церкви и Русского Государства Александре Дмитриевиче Самарине, который два раза в своей жизни побывал в Бутырской тюрьме в качестве заключённого. Александр Дмитриевич Самарин родился в 1868 году в родовитой дворянской семье. Он прошёл долгий жизненный путь ещё до революции 1917 года, которая в его жизни, как и в жизни многих людей его поколения, была предварена тяжёлыми испытаниями, как общими для всех, так и личного характера.

В условиях Русско-японской войны в России, и в особенности в Петербурге и Москве обострилась политическая ситуация. Общество было охвачено необычайным возбуждением, желая вырвать у власти конституцию и всевозможные права и свободы. Император Николай Александрович испытывал огромное давление, в том числе со стороны семьи Романовых. Особое давление на него оказывал его дядя Николай Николаевич и председатель комитета министров Сергей Юльевич Витте, которые сыграли довольно неблаговидную роль в Российской истории. И в это время в хоре голосов, требующих прав и свобод, диссонансом раздаются совершенно иные голоса. Фёдор Самарин, Ив. Тютчев, К. Рукавишников, Д.А. Хомяков, Н.М. Павлов, Н.К. Фон-Вендрих, Кн. В.А. Голицын, Н. Пальчиков, граф Фёдор Уваров, художник В.М. Васнецов, А.А. Корнилов, Сергей Самарин, П.Б. Мансуров, Фёдор Тютчев и, наконец, сам Александр Самарин, ставят свою подпись под документом, обращённым к Государю. «Огромное большинство нашего народа не знает и не хочет знать иной власти, кроме власти самодержавного царя, и с недоверием отнесётся ко всякому представительному учреждению, которым самодержавие царя будет ограничено. Было бы ошибочно видеть в этом недоверии только плод предубеждения и невежества. Оно коренится в глубоком разладе между массой народа и его верхними слоями, призванными к руководящей роли в государственной и общественной жизни. Разлад этот, если не вполне ясно всеми сознаётся, то, во всяком случае, ощущается народом, как несомненный факт.

Действительно, если бы народу нашему были даны политические права, то он мог бы их осуществить, конечно, не иначе, как чрез посредство образованных классов. Но эти общественные классы у нас чужды большинству народа по своим понятиям, убеждениям и идеалам. Они живут своею, особою от остального народа духовною жизнью, и даже смотрят несколько свысока на эту «тёмную массу», у которой они не признают самостоятельных духовных основ. Может ли при таких условиях общество наше служить средоточием народного сознания, способно ли оно давать определённое выражение тому, что народная масса не умеет ясно высказать, хотя живо чувствует?»* Выска-

* Особое мнение, высказанное в Московском дворянском собрании, открытое письмо Государю. 1905. Личный архив Сергея Николаевича Чернышёва.

завшись, таким образом, против введения в Российской империи представительных органов, лица, поставившие свою подпись под этим документом, отрывок из которого мы привели, оказались прозорливыми. Действительно, меры, принимаемые в ситуации политического брожения, когда общество «вырывает» их у власти, зачастую ведут к дальнейшей политической дестабилизации и в конечном итоге, как в случае реформ 1905-го года, грозят обернуться тяжелейшими бедствиями для страны. Александр Дмитриевич, составлявший этот текст, отмечал, что если бы на Дальнем Востоке были бы победы русского оружия, то всё бы успокоилось, считая недостойным поступком использование военных трудностей нашей страны в политических целях. Однако в 1905 году пересилили иные силы, и под давлением Император подписал документы о создании Думы и предоставлении политических прав и свобод. В 1914 году нашу страну постигло новое испытание. Началась Первая Мировая война. И в этой ситуации Александр Дмитриевич не остался в стороне от нужд Отчизны. Он стал главным полномоченным Российского Красного Креста. «Это была огромная административная работа для фронта и тыла. Бесчисленное количество лазаретов по всей России, санитарных отрядов и поездов, эвакуация раненых и иногда даже просто населения, – всё это было подведомственно Красному Кресту и земскому союзу, и со всех концов нити тянулись к центру – Москве. Вокруг отца объединилась группа новых для него помощников, ставших настоящими друзьями. Все они в эти грозные дни не щадили сил, не жалели времени, а отец мой обладал незаурядным административным талантом.

Семья Самариных отдала свой большой дом на Поварской под главное управление Красного Креста, переселившись в комнаты нижнего этажа»* – вспоминала позднее дочь Александра Дмитриевича, Елизавета Александровна Самарина-Чернышёва. В 1915 году Александру Дмитриевичу предложили занять новый пост – обер-прокурора Святейшего Синода, то есть министра по делам Русской Православной Церкви. После тяжёлых для него размышлений Александр Дмитриевич согласился. В своём разговоре с Императором он выразил обеспокоенность зависимостью Церкви от Государственной Думы, где много было людей, далёких от Церкви, и особенно от теневой власти, представленной Распутиным**. Александр Дмитриевич занимал этот пост неполных три месяца – с 5 июля 1915 года (Перенесение мощей преподобного Сергия) по 25 сентября 1915 года (тоже память преподобного Сергия). В этот период его волновали не только проблемы Церкви. В 1915 году на фоне неудач на фронте император решил лично возглавить армию. Самарин высказался против. Он понимал, что отсутствие Государя в столице может привести к дальнейшей

* Елизавета Александровна Чернышёва-Самарина. Александр Дмитриевич Самарин. В кн.: Самарины, Мансуровы. Воспоминания родных. М. 2001. С. 137.

** Сергей Николаевич Чернышёв. Взгляды А.Д. Самарина на отношения Церкви и государства. В кн.: Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. Т. III. М., 2008. С. 54.

А.Д. Самарин, около 1910 г.

дестабилизации обстановки в стране. В архиве Сергея Николаевича Чернышёва хранятся черновики письма министров императору Николаю Александровичу. По ним можно глубже проследить ход мысли Александра Дмитриевича и его единомышленников. Что бы ни говорила былая и нынешняя молва о слабом и безвольном государе, но его личный контроль политической и экономической ситуации в стране был важным стабилизирующим фактором в Российской империи. В условиях нехватки преданных помощников в правительстве, отвлекаясь на руководство армией и покидая столицу, Государь фактически оставлял судно без капитана. Режим «ручного управления» страной, доставшийся ему в наследство от предыдущих правителей, не позволял императору даже на один день отвлечься от важных государственных дел без тяжёлых последствий для страны, и именно поэтому было столь необходимо присутствие государя в столице в условиях нестабильной внутриполитической ситуации. 1917 год принёс новые беды и новые заботы.

В этот период Александр Дмитриевич включился в работу по подготовке поместного Собора Русской Православной Церкви, которого не было на Руси со времён царя Алексея Михайловича. Главная цель, которую выполнил Собор, было избрание патриарха, после долгого управления Церковью Синодом сильно зависящем от государства. Тем временем, летом 1917 года Москва оказалась без митрополита, уволенного на покой, и в новых условиях, без Синода, его должны были избрать голосованием. Отец Иосиф Фудель, известный в том числе и по своему служению в Бутырской тюрьме в 1892-1907 гг. был одним из первых, кто выдвинул кандидатуру Самарина на это служение. Самарин получил на несколько или даже на один голос меньше, чем архиепископ Тихон, впоследствии избранный патриархом. Отец Иосиф Фудель хотел голосовать за Самарина, но забыл свой удостоверительный билет дома и не был допущен к урне. (Это было на собрании, где должны были записками наметить кандидатов). Позднее Александра Дмитриевича также предлагали выбрать патриархом. Самарин положился во всём на Волю Божию. Господь даровал ему иной путь. В 1918 году он был впервые арестован в Брянске и доставлен в Москву, где содержался сначала на Лубянке, а потом был переведён в Бутырскую тюрьму. О его пребывании там остались уникальные свидетельства. Елизавета Александровна приводит его письмо к родным: «Бутырская тюрьма. Великий четверг 4/17, 10 вечера: Сегодня целый день прошёл в хлопотах. Вчера вдруг решение Начальства переменялось, и у нас в одиночном корпусе разрешена Пасхальная служба в 12 час. ночи. Все очень обрадовались, и всякий по своей части стал готовиться – пением, чтением, приготовлением хоругвей, устройством стола для службы, икон и т.п. От Вас всё получено, и все глубоко благодарят за хлопоты и всё доставленное: теперь всё пригодится. Сегодня в 5 часов у нас была всенощная, шла ровно 2 часа; служил Архиепископ Никанор (Добронравов), Сергей Иванович Фрязинов и ещё два священника. Пели недурно, я читал антифоны и стихиры. (...) Во время же всенощной вызвали священника С.И. Фрязинова, к самому концу он вернулся сияющий, оказалось, что его, Н.П. Добронравова и преосвященного Никандра, освободили. Это произвело большое впечатление в связи с только что окончившейся службой. Все подходили, обнимали их, и они, и многие плакали – ведь первые двое 9 месяцев просидели! Меня торопили в это время идти на вторую всенощную, и к грусти для нас выбыл лучший наш певец – тенор Сергей Иванович Фрязинов, да и Николай П. Добронравов отлично служит... Архиепископ Никандр, получив ордер на освобождение, сказал,

что он не хочет разлучаться со своей тюремной паствой в эти дни, и просил разрешить ему остаться до 12 ч. дня первого дня Праздника. Это ему разрешили в виде необычайного исключения, и он теперь уже не арестованный, а гость в тюрьме! Это, говорят, очень многих поразило, и ему за это воздается должная похвала...»*. Александр Дмитриевич тоже был освобождён, и тоже просил оставить его в тюрьме на Пасху, так как он не мог оставить импровизированный хор, которым он регентовал в тюрьме.

В этот период Александр Дмитриевич принимает активное участие в судьбе Абрамцевского музея, которому он посвятил много сил. Во время этих трудов последовал следующий арест Александра Дмитриевича. 15 августа 1919 его вызвали повесткой в Москву, где он был подвергнут заключению и суду. Обвинитель на суде прямо заявил, что обвинения, выдвинутые Самарину, лишь повод для того, чтобы наказать его за пропаганду религии и за сам религиозный образ жизни, который является примером для окружающих, и потребовал от суда высшей меры наказания. В ответ Александр Дмитриевич произнёс следующую речь, которую приводит один из очевидцев заседания суда:** «Государственный обвинитель совершенно верно и справедливо сказал, что вменяемые мне в вину нарушения закона, по существу, только повод для привлечения меня к суду как тягчайшего преступника. Из всего сказанного им следует, что процесс, который здесь разбирался, является не моим личным процессом, не процессом Александра Самарина, а процессом “за Бога” и “против Бога”. И я, пользуясь предоставленным мне словом, открыто заявляю: “Я – за Бога”, и какой бы приговор, вы, граждане народные судьи, мне ни вынесли, я приму этот приговор как приговор свыше, как ниспосланную мне возможность делом подтвердить то, что составляет смысл и содержание всей моей жизни. И об одном лишь буду молиться, чтобы Господь послал силы всем близким мне по духу людям бодро и твёрдо встретить то, что мне по Божьей воле предстоит. И в их твёрдости и бодрости я почерпну столь необходимое мне мужество и спокойствие в последние часы моего испытания***. В конце затянувшегося судебного заседания последовал приговор: «Самарина Александра Дмитриевича – к высшей мере наказания, расстрелу (в зале раздался как бы общий вздох всех присутствующих)... – была сделана длительная пауза, потом – но ввиду победоносного завершения борьбы с интервентами, суд находит возможным заменить эту меру заключением его в тюрьму впредь до окончательной победы мирового пролетариата над мировым империализмом»****.

В Таганской тюрьме Александр Дмитриевич провёл два с половиной года. Тогда заключённые должны были работать, и ему предложили заняться воспитанием несовершеннолетних преступников, но он отказался, так как не мог это делать без наставления воспитанников в вере в Бога. Тогда ему поручили разводить кроликов. В марте 1922 года Александра Дмитриевича освободили без всяких ограничений, и он продолжил заниматься Абрамцевским музеем.

* Елизавета Александровна Чернышёва-Самарина. Александр Дмитриевич Самарин. В кн.: Самарины, Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001. С. 147.

** Анастасия Константиновна Акинтиевская/ Елизавета Александровна Чернышёва-Самарина. Александр Дмитриевич Самарин. В кн.: Самарины, Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001. С. 150-151.

*** Елизавета Александровна Чернышёва-Самарина. Александр Дмитриевич Самарин. В кн.: Самарины, Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001. С. 150-151.

**** Там же. С. 151.

А.Д. Самарин с дочерью. Якутия. 27.02.28 ст.ст.

В 1925 году последовал новый арест. Лубянка, Бутырская тюрьма, ссылка в Якутию. В 1927 году к нему приезжает горячо любимая дочь, Елизавета Александровна Самарина. В отсутствие Александра Дмитриевича родственников Мамонтовых отстранили от управления музеем. Заведующим музеем был назначен ярый атеист, священник, снявший сан и приехавший с Дальнего Востока. Этот факт был воспринят людьми, близкими к Абрамцеву как

На могиле А.Д. Самарина о. Сергей Никольский с семьёй. 1933, г. Кострома.

большое горе. В 1929 году Александр Дмитриевич с дочерью переезжает в Кострому в связи с окончанием ссылки. Проживание в Москве не было, однако, разрешено человеку, столь неудобному для большевиков из-за своего религиозного образа жизни, обладающему, к тому же большим авторитетом. Александр Дмитриевич жил в Костроме до своей кончины 30 января 1932 года и был похоронен на местном кладбище. Его дочь окончила свои воспоминания об отце 42 года спустя, в день Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1974 года, в престольный праздник храма Бутырской тюрьмы, где Александр Дмитриевич руководил пасхальным хором в 1918 году.

Список источников и литературы

1. Особое мнение, высказанное в Московском дворянском собрании, открытое письмо Государю. 1905. Личный архив Сергея Николаевича Чернышёва.
2. Елизавета Александровна Чернышёва-Самарина. Александр Дмитриевич Самарин. В кн.: Самарины, Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001. С. 121-207
3. Черновики письма министров к Государю 1915 год. Личный архив Сергея Николаевича Чернышёва.
4. Сергей Николаевич Чернышёв. Взгляды А.Д. Самарина на отношения Церкви и государства. В кн.: Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. Т III. М., 2008.

Фото из семейного архива С.Н. Чернышёва

ПОЭЗИЯ

Василий КУЗНЕЦОВ

Василий Фёдорович Кузнецов – родился 8 марта 1935 г. в деревне Елизаветино Староюрьевского района Тамбовской области. Полковник в отставке. Ветеран Вооружённых Сил СССР. Награждён орденами «Красной Звезды», «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» и другими правительственными наградами. Член литературного объединения имени Ф. Шкулёва (г. Видное Московской области).

Живёт в Москве.

О любви и верности

*Какое это огромное счастье -
любить и быть любимым*

А.П. Чехов

*Памяти верного друга моего, жены моей
Зинаиды Ивановны, посвящается*

Чем она меня пленила?
Откровенно я скажу:
Всё в себе соединила,
Что в других не нахожу...

Для меня она красива,
Как простых цветов букет.
Что за чудо! Что за диво!
У неё изъянов нет.

Если б все такими были,
Мир бы был совсем иной:
Женщин крепче бы любили,
В семьях был бы лад, покой!

Я для тебя на всё готов!
 Прости за позднее признание,
 Что с высоты своих годов
 Я говорю как заклинание:
 Готов повторно жизнь прожить,
 Ошибки прошлого исправить,
 Тебя любить, тебе служить
 И тёплый след в душе оставить,
 Готов я бед не замечать,
 Терпеть нужду, морозы, слякоть,
 И чтоб тебя не огорчать –
 Готов смеяться и не плакать,
 Во всеуслышанье кричать,
 Что ты на свете всех милее!
 И заново всю жизнь начать,
 И чтоб она была длиннее...

Уже полвека, как мы вместе!
 Но чувствам нашим нет конца:
 Душа, как прежде, не на месте,
 Друг к другу тянутся сердца...
 Какое счастье – жить на свете,
 Когда в семье есть мир и лад,
 Когда вас любят внуки, дети
 И дням последующим рад,
 Когда меж вами есть любовь,
 Неважно, много лет иль мало,
 Когда стремитесь вновь и вновь
 Жизнь повторить свою сначала.

Мне зреть её – глазам отрада,
 А вместе жить – бальзам от ран.
 Она – моей судьбы награда
 И мой чудесный талисман.

Я за любовь ей благодарен,
 За счастье и за жизнь в ладу.
 Во всём я с нею солидарен,
 И за неё на всё пойду.

Уверен я, что и она
 Со мной идти на всё готова:
 Ведь это – клад, а не жена,
 А клад – он стоит дорогого.

Я радуюсь своей судьбе,
 Что этим счастьем наградила:
 И сам завидую себе –
 Когда и где такое было?!

Когда ты рядом – то всё прекрасно,
 Хотя за окном прохладный ветер.
 Спасибо тебе говорю громогласно
 За то, что ты есть на этом свете!

Спасибо тебе за ласку и нежность,
 Спасибо тебе за всё на свете,
 За нашу судьбу, за неизбежность,
 За то, что ты есть на этом свете!

Спасибо тебе за улыбку милую,
 Спасибо тебе за руки эти,
 Спасибо тебе, моя любимая,
 За то, что ты есть на этом свете!

ПОЭЗИЯ

Ольга Семёновна Матвеева – родилась в Москве в 1956 г. Работала в МИД СССР. В настоящее время член литературно-музыкальной гостиной «Златоуст». Живёт в Москве

Ольга МАТВЕЕВА

«Размышляйте, люди, время ещё есть...»

* * *

Природа, ты – души моей отрада!
Создатель, как Тебя благодарю,
Что каждой я земной былинке рада,
И этот мир всем сердцем я люблю.

О, сколько в этом мире красоты,
Как удивительны, Господь, Твои творенья:
Моря и горы, птицы и цветы
И грозные природные явленья.

Люблю я ландыши в лесной глуши,
Порывы ветра на речном просторе,
Любуюсь звёздами в ночной тиши,
Волной прибоя, уходящей в море.

Люблю я летний дождь, осенний листопад,
И аромат цветов, и птички трели,
И золотом пылающий закат,
И звонкие апрельские капли.

Прошу вас, люди, бережнее быть,
Земли природу – искренне любить,
И этот мир прекрасный сохранить,
Чтоб внукам это чудо подарить!

Внезапно Судия придёт,
и коеждо деяния обнажатся...

Тропари Троицны

Каждый – смертен и когда-нибудь умрёт,
И на Божий суд однажды попадёт
«Коеждо обнажатся все дела...»
И кого-то Свет возьмёт, кого-то – Мгла.

Ничего душа с собой не заберёт,
Налегке на встречу с Господом пойдёт:
Там ни золото, ни деньги не ценны,
Там грехов не утаить – они видны.

Испокон веков цветёт там райский сад
И войти в него – превыше всех наград.
Попадёт туда дорогой неземной
Только тот, кто честен сердцем, чист душой.

Дверь заветную Апостол отворит
Лишь тому, кто веру в Бога сохранит.
Размышляйте, люди, время ещё есть:
Берегите свою душу, свою честь.

Совершенствуйтесь в добре, благих делах,
В покаянии, молитвах и трудах.
Верьте свято, что они не пропадут;
Мысли грешные и мрачные – уйдут.

И воздаст Господь по вере за дела,
Если Свет в душе – тогда отступит Мгла,
И не страшно, что когда-то мы умрём,
Коль бессмертье душам нашим обретём.

Луч

Луч солнца яркий, озорной
С утра в окошко бьёт,
Он говорит: «Пойдём со мной!»
С собой меня зовёт.

Ах, если б только я могла
С ним вместе прогуляться,
И по полянам и лугам
С ним рядом пробежаться!

Когда б всего лишь на часок
 Как луч, лететь на воле,
 Согрела б каждый колосок,
 Что зреет летом в поле.
 Смогла б в брильянты превратить
 Я на траве росинки
 И поскорее растопить
 На лужах утром льдинки.
 Рассеять утренний туман,
 Что у реки клубится,
 И, пролетев через фонтан,
 Как радуга, светиться.
 И по волне легко скользить,
 Как высохший листок,
 И от души позолотить
 Сырой речной песок.
 А птиц от сна растормошить,
 Явившись к ним с рассветом,
 И маки ярко осветить,
 Зажечь пунцовым цветом.
 Разрезав тучу, засиять
 На старой колокольне
 И в твердь земную проникать
 Глубокой старой штольни.
 Лучом коснувшись, приласкать
 Макушки ив высоких
 И согреть, и целовать
 Румяных яблок щёки!
 О, сколько б сделала чудес,
 Когда б, как луч, светить с небес!

ВЕРНИСАЖ

Елена ТКАЧЕВСКАЯ

Летний вечер в музее

Иногда можно считать логичным и правильным утверждение, что летние вечера надо проводить на природе, но это только иногда, а ведь бывает ощущение неповторимой прелести летнего города, слегка ошалевшего от жары, от избытка тепла, отдаваемого нагретым камнем и металлом, и потому с особой благодарностью принимающего хотя бы лёгкое дуновение вечернего ветерка, несущего запах городских цветов и деревьев, прогретой летней реки и газонной травы. Такой ветерок легко почувствовать на Крымском валу, рядом с большим городским парком и с большим, обжитым художниками городским пространством – ЦДХ. Я люблю бродить по пустынным залам летнего ЦДХ в облаке музейной прохлады и самого разнообразного проявления мира Художника. Таких миров здесь всегда великое множество! В одном из залов замечаю оживление – это открытие новой выставки, направляюсь туда. Как это нередко бывает, объединились живописец и скульптор, создали совместную экспозицию. Главное, чтобы работы не диссонировали, не подавляли друг друга, не заслоняли одна другую, а сосуществовали мирно и дружелюбно, возможно, даже помогая друг другу как старые, добрые знакомые, как понимающие друг друга без слов настоящие друзья и единомышленники. Большая часть выставочного пространства занята картинами, скульптуры небольшие, ими заселён небольшой островок посередине зала (Александр Рубец. Живопись. Пятигорск и Иван Бондаренко. Скульптура. Москва; 14 зал ЦДХ, 30.05. – 22.06.2014). Островок этот не остаётся незамеченным, притягивает, можно походить вокруг, а можно и как бы войти внутрь, между металлическими конструкциями разной высоты, на которых скульптуры и располагаются среди этих «омывающих» волн зрительского внимания.

Елена Петровна Ткачевская – родилась 3 декабря 1958 г. Доцент кафедры Химии и технологии биологически активных соединений Московского государственного университета тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова, кандидат химических наук. Написание научных трудов сочетает с трудами литературными (чаще – поэтическими, иногда – прозаическими). С 2010 г. – участник ЛИТО ЦДУ РАН. Первая публикация стихотворений состоялась в коллективном сборнике ЛИТО ЦДУ РАН под редакцией Л.И. Колодежной «Мы рождены для вдохновения» (2011).

Живёт в Москве.

Чувствуется живая вибрация жизни на пространстве выставки, скульптуры малых форм производят впечатление монументальных. Все они, кроме «Девушки-собаки», расположены на подставках из слоёв плоского зеленоватого стекла, некоторые – на каменных. Присутствие стекла добавляет лёгкости, ощущения дополнительного воздуха и света, движение которого, как и движение взгляда, приостанавливается и преломляется при встрече с творчеством.

Вот примостилась «Девушка-собака», почти чёрная бронза на блестящей поверхности чёрного металла. У «Девушки-собаки» количество точек опоры подсчитать сложно, она опирается на большую поверхность, приземлена, даже как будто прижата к земле, незавидное состояние, кто-то приручил, но зачем – неизвестно, её хочется пожалеть, отогреть, приободрить...

Как противопоставление этой потерянной девушке смотрится скульптура «Экстаз», эта девушка – из золотой бронзы на мерцающей каменной поверхности зелёного змеевика, вся обращена ввысь, в стихию страсти, к небу, хоть и горизонтальна, но всего 8 точек опоры, над поверхностью земли она – как на воздушной подушке.

Скульптуры повествуют о человеке на фоне картин о природе. Это откровенное повествование о разных состояниях, о разных проявлениях человеческой натуры, зачастую, об очень разных проявлениях, даже противоположных друг другу, как «плюс» и «минус».

Иногда это слишком явные антиподы. «Ночь» – из белого пластика, расположена на белом камне (один слой). «Утро» – из блестящей тёмной бронзы на двухъярусном постаменте: бронзовая капитель и зелёный змеевик.

Но иногда сравнения как будто неожиданные, но, тем не менее, они запоминаются. «Икар», полный решимости, «взлетает» с 16 стеклянных

Девушка-собака

Икар

Юноша-ирокез

Женщина-бабочка

квадратиков, расположенных со смещением, как ступеньки на пути к свету, к Солнцу. Фигурка «Икара» перекликается с фигуркой «Юноши-ирокеза», но последний не рвётся безоглядно в полёт, полон сомнений и раздумий, как бы вжимающих его в стул, спинка которого не даёт раскрыться крыльям. Да он и не спешит расправить крылья, пространство стула даёт ограничения, но не сковывающие, не тяжкие, ведь, поразмыслив, можно со стула и соскользнуть. Но пока юноша лишь пробует ступить во внешний мир, не очень уверенно вытягивая ногу из привычного пространства, и почему-то верится, что и он придёт к ощущению огромности этого мира, в котором есть столь желанное состояние полёта.

Триптих «Глаза» уходит истоками к изображениям глаз в Тибетских храмах, возможно, что каждый из двух симметричных треугольников и символизирует устремлённый в небо храм (или множество храмов), притягивающий множество верящих и жаждущих веры глаз, все глаза разные, им как будто тесно в пространстве этого треугольника – храма. А между треугольниками располагается рука человека, рука мастера, рука скульптора, у которой своя особая зоркость и свой пристальный взгляд на мир. Зоркость этой ладони сравнима с зоркостью сердца, или она и есть продолжение зоркости сердца.

«Молния» – на каменном постаменте в виде перевёрнутой пирамиды, это символично, ведь её вершина, её завершение направлено вниз, в землю.

Над скульптурным островком, вытягивая за собой пространство, парит «Женщина-бабочка». Её фигура условна, но главное в скульптуре – крылья, они проработаны чётко, поэтому вся она – воспарение и полёт, её стихия – воздух, ей легко и с ней легко...

Мастер, судя по энергетике работ, как будто находится в начале пути, но

скорее – в начале нового творческого этапа, учитывая огромный опыт. Островок скульптур посреди стихии пейзажей, человеческие фигурки выражают чувства и настроения, вот она жизнь во всех её проявлениях, во всех направлениях. Счастливого пути!

Иван Николаевич Бондаренко – родился в 1960 г. в Днепропетровске. В 1988 г. окончил МВХПУ (бывш. Строгановское). Член Московского Союза художников, участник художественных выставок в России и за рубежом. Работы Бондаренко находятся в музеях и частных коллекциях в России, Германии, Италии и Греции.

Фотографии из личного архива И.Н. Бондаренко

ПОЭЗИЯ

Борис МИНЧЕНКО

Борис Александрович Минченко – родился в Москве в 1969 г. Окончил среднюю школу. Пишет стихи с 15 лет. Печатался в газетах, в журнале «Наши», стихи звучали по Народному Радио. Участвовал в ряде поэтических конкурсов. В 2004 г. выпустил сборник стихов «Золотые шары», затем сборник «Услышь, Россия». Представленные стихи печатаются впервые.

Живёт в Москве.

«Завещаю вам любовь подруг...»

Юношам Грядущего

К вам я обращаюсь в Звёздный час!
Вижу Бога, вдали меня зовущего!
Многое скажу я вам сейчас,
Избранные юноши грядущего!

Человечество узнает смерть.
А потом – Планеты возрождение.
Больно мне на всё это смотреть,
Мне, постигшему судьбу Есенина!

Жить вы будете в эпоху звёзд,
Новые герои человечества!
Выбор сделан! И он будет прост.
Он определит судьбу Отечества!

К Братству, пережив войну, пойдём,
Укрепим сердца Вселенской верою.
Старый мир безумья отметём,
Атеизм назвав сердец химерою!

Завещаю вам любовь подруг.
Будет Солнца свет тысячелетия.
Знаю: образуют звёздный круг
Светлого народа многоцветие!

Пусть чудесным зорям золотым
Будет жизнь подобна нашей Родины!
Я пропел вам песню, молодым.
Все дороги вами будут пройдены!

Синяя птица

(по мотивам Метерлинка)

Синяя птица, что в небе кружится,
Невозвратимы былые года,
Юности лёгкой нашей страницы
Нам не вернуть никогда.

Счастье моё от меня улетело.
Голос священной Вселенной мне дан.
Я за Россию родную в ответе.
Смело слагаю стихов Аль-Коран.

Пусть испытания скоро начнутся.
Недолговечно людей бытиё.
Жизни ветрами жестокими рвутся.
Синяя птица – счастье моё.

Сколько же сделать в жизни я должен
Светлых стихов, добрых, правильных слов?
Синяя птица в этом поможет
В бархате лёгком провидческих снов.

Если пойду я гонцом по Вселенной,
Синяя птица, мне помоги!
Новая вера в молитве родится.
Сгинут навек, растворятся враги.

Новую веру люди признают!
Отче, творю я во Имя Твоё!
Души рождаются, не умирают.
Синяя птица – счастье моё!

Разговор со Вселенной

Светлой памяти П. Васильева

Писал стихи, как будто лебедей ловил я стаю,
И казалось, помогает мне Всевышнего рука!
Спросил я у родных, кто я, куда иду?
– Ответили: «Не знаем».
Остался я в неведеньи пока...

Срок жизни человека слишком мал.
– Давно ты у Вселенной на примете, –
Так посвящённый человек сказал...
Я промолчал. Весенний плакал ветер...

Я Русь небес люблю и понимаю!
Скажи, Россия – Родина моя,
Зачем тебя всегда я воспеваю?
Скажите мне, берёзы и поля!

Скажите мне, весенние дожди,
То плачет Бог иль знаки посылает,
Что мир заблудший укрепит Любовь,
Которую пока никто не знает?

Никто не знает истины планет.
Громады звёзд несут нам вести Света.
Кричит душа моя, что смерти – нет!
Земля родная братством на века согрета!

Родине моей – России

На тебя и меня остаётся Россия
И зелёные травы в лугах заливных.
Песнь Есенина, слава дедов, и берёзки босые,
И народ наш – великой невесты жених!

Пушкин, Лермонтов, Чехов, Аксаков
Пели лишь об Отечестве, веря в него.
Авель приоткрыл смысл Божественных знаков:
Русь великая – символ творенья всего!

О, бескрайняя Родина – ты необъятна.
Ни один иностранец тебя не поймёт.
И умом человека она неохватна,
Расстоянье покрыть может лишь самолёт!

Чем была бы Европа без Родины нашей
За века, что народ наш в бореньях постиг?
Русь испила страданий полную чашу.
Роза Мира откроет Божественный Миг.

Миг священный, миг слёз, высших истин прозренья,
Да живут на Земле все живые цветы!
Ты воистину – знак высших сил, откровенье
И Божественный символ святой чистоты!

Девочка на шаре

Девочка на шаре танцевала.
Помню школу и девятый класс,
Но душа тогда уже страдала,
Это всё я понял лишь сейчас.

Девочка на шаре. – Смысл священный
В танце этом вечном заключён.
Человек – то отрок во Вселенной,
В сон глубокий, будто, погружён.

Шар сердец людских – планета наша.
Срок подходит, близится финал.
Вижу клятву братьев я на чаше,
Эта чаша – вся Россия наша.
Чашу эту Бог России дал.

Хочется, чтоб вечно танцевалось
Девочке на шаре на земном,
И чтоб детство наше не кончалось,
И был крепок и надёжен Дом!

Землянам

Мы за двойным стеклом спокойны
И поклоняемся Тельцу,
Весь мир наш словно обезумел,
Стремительно идя к концу!

Я ощущаю бездуховность
В стране родной, что мне близка.
Ведь если ты вокруг помотришь,
Охватит горечь и тоска!

Но знайте все: Отчизна вечна,
Стоять во славе ей века!
И верю я, взойдёт над Русью
Любви вселенская звезда!

Звезда любви и всепрощенья,
Под ней мы вечно будем жить!
И все должны любить друг друга
И Господа благодарить!

За то, что мы смеёмся, дышим,
Страдаем, ходим по земле.
И пусть пройдут тысячелетья,
Но не исчезнет Русь во мгле

Того вселенского пожара,
Что обещает нам пророк!
Должны мы избежать угара,
Чтобы продлился жизни срок!

Земля родная во вселенной
Несёт нам летописный свод.
Должны мы в этой жизни брэнной
Увидеть солнечный восход.

Стонут чайки

Стонут чайки, а у нас в России
Стонут так, прощаясь, журавли!
В северной стране, под небом синим
И сирень, и вербы отцвели.

Буйство красок. Где-то на Алтае
Расцветает краснотал весной.
Родину свою совсем не знаем,
Это всё Россия – край родной.

Над седым рокоцущим туманом
Журавли, на юг стремясь, летят
И восходит солнце на востоке,
А на западе горит закат.

Родина моя, моя Россия
Православной верою крепка!
Стонут чайки, а у нас в России
Стонет так народ во все века!

О, одиночества отрада

*За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить.*

О. Манделштам

О, одиночества отрада!
Поэтом до конца мне быть!
За радость тихую мне надо
Кого теперь благодарить?!

Я вижу вьюжные метели
Замглили путь моей страны,
Где спал когда-то в колыбели
И видел золотые сны!

Но понял: златокрылый Ангел
Мой путь отмерил на Земле!
Планета наша ярко светит,
Как угольки костра в золе!

Пойми, подруга, в этом мире
Живу с рождения один!
Мне часто снится Братство Света,
Тебе – унылый муэдзин!

Моя подруга! Не приемлю
Ни минарета, ни луны!
Глаза, увидевшие землю,
В родную Землю влюблены!

И жёлтое пламя пшеницы...

И жёлтое пламя пшеницы,
И белое пламя берёз!
Нет! Мне не нужна заграница.
Люблю я Россию до слёз.

Я шёл по рязанским просторам,
Я с Грозным Казань воевал,
С монахом Андреем Рублёвым
Собор Покрова расписал!

Я мчался по пажитям дымным
На белом лихом скакуне.
И мне подпевала Россия:
«Отчизна вовеки во мне!»

Вы скажете: «Тропочкой узкой
Чудак православный пришёл».
Отвечу вам просто: «Я русский,
И сад мой ещё не отцвёл».

Добра у судьбы не просил я
И в дождь, и в мороз ледяной.
Я понял: со мною Россия,
Бог Русский навеки со мной!

Говорят, что сегодня тепло,
А мне холодно и одиноко.
Бьются рифмы мои о стекло,
Как пчела, залетевшая в окна.

Тихий день, на досуге с собой
Я теряю тепло и участие.
Как хочу ощутить женских рук
Верность, трепетность, нежность
и счастье.

И с тех пор, как земля родилась,
Бродят по свету две половинки,
Только б вечность не оборвалась,
Как сосулек звенящие льдинки.

Только б снова запел соловей,
Била жизнь океаном стозвонным.
И земле просветлённой своей
Я кладу до рассвета поклоны.

Что скажу я в последний свой час,
В миг, когда я покину безмирье,
И стихов моих хрупкий баркас
Паруса понесут, словно крылья!

Всё потом, а пока должен петь,
Свет нести прозревающим душам.
Надо верить, творить и любить,
По морям, океанам и сушам.

Только Родину примет поэт!
И душа его не замутилась,
И ложится ромашковый цвет
На простые славянские лица!

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТАПОВА

Тамара Александровна Потапова – родилась в д. Сгонники Мытищинского р-на Московской области. Училась в Политехническом институте, окончила строительный техникум по специальности «Архитектура», работала архитектором в проектных институтах. В 2011 г. была принята в Русский литературный клуб. В настоящее время является членом Ассоциации литературных объединений Москвы, печатается в поэтических сборниках, принимает участие в литературных конкурсах, фестивалях и концертах. В 2013 г. вышел первый поэтический сборник «Любимая сторона». Член Союза писателей России с марта 2014 г.

Живёт в Москве.

«Кто сказал, что гармошка не в моде?..»

Московская окраина

Майский сад невестой наряжается,
у пруда черёмуха цветёт,
и закат пожаром отражается
в зеркалах его спокойных вод.

Старый храм с берёзкою приветною
и родник с водою ледяной –
привела меня тропа заветная
в край Москвы, любимый и родной.

Здесь душа покоем наполняется:
жить да жить! При занятости всей
иногда возможность появляется
погостить на море у друзей.

Я пройду аллеей кипарисовой,
красоте магнолий долг воздам,
и помчусь в Орехово-Борисово
к незабвенным стареньким садам!

Борисовские Пруды

Когда я приехала в эти края, мне было всего двадцать лет,
И крошкой была ещё дочка моя, её драгоценнее нет.
Шумели тогда новостройки кругом, весной зацветали сады,
И не было даже в помине метро, зато голубели Пруды.

К ним летом тянулся свободный народ, катили коляски с утра:
Кто место в тенёчке удачно займёт, того не достанет жара.
В московские южные эти края влюбились мы всею душой,
И здесь же счастливая наша семья пополнилась дочкой второй.

Бывало, к Прудам на прогулку иду – от радости сердце поёт:
Я за руки дочек любимых веду, и жизнь моя ярко цветёт.
Всё кажется мне, что недавно детей возила в колясочке я,
Но в маленькой церкви в сиянии свечей уж дочка венчалась моя.

Теперь на Борисовских наших прудах возвысился Троицкий храм,
А мамы гуляют с детьми, как всегда, по тем же цветущим садам.
Плывёт по округе торжественный звон, на службу сзывая народ,
А в Троицком храме под Божьим крестом теперь моя дочка поёт.

Всё так же, как было в годах молодых, гулять на Пруды я хожу,
Но только теперь уж не дочек своих, а внуков за ручки вожу!
Вливается в город новое племя, чтоб славить столицу в веках,
И отражается связь поколений в Борисовских наших Прудах.

Где ты?

Я истомилась ожиданьем встречи,
ну, где ж ты, милый, в этот грустный вечер?
В окошко ветер суетливо бьётся,
он над бедой моей почти смеётся,
стучится в двери, словно друг желанный,
как не поверить в этот стук обманный!
Хочу тебя увидеть на пороге,
развеять все сердечные тревоги,
чтоб ты любовью возвратил мне силы,
и никуда вовек не уходил бы!

Мальвы

Отцветают мальвы, отцветают,
виновато головы склоняют,
на верхушках есть ещё бутоны,
но сурова осень, непреклонна,
наступило время расставаться,
семенам пора уж осыпаться.

Мы цвели красиво, как и мальвы,
на земле уверенно стояли,
были солнцем ласково согреты,
озаряли нас любви рассветы.
Незаметно осень наступила,
всё, что отцвело, дождями смыла.

Семена, что осенью упали,
под периной снежною проспали,
а весной проклюнулись, проснулись
и навстречу солнцу потянулись.
Зацветают мальвы, зацветают...
Рядом с нами внуки подрастают!

Загрустила я в деревне

Загрустила я в деревне, видно, плохи тут дела:
нет уже у нас сирени, что весной в садах цвела,
нет налчинок у окон, рамы пластик заменил,
а забор стальной высокий сразу всех разъединил.

Раньше в щёлочки забора было видно, как сосед
собирает помидоры в майке, в шляпе из газет.
А уж купленной обновкой мы хвалились всем подряд,
с грациозною сноровкой дефилируя меж ряд.

Собирались у колодца, чтобы новости узнать,
где, кому и как живётся, и куда сватов заслать.
Жизнь у нас теперь другая, в доме газ, водопровод,
только, вот беда какая: не общается народ.

А когда попроще жили, то умели так дружить,
что беду на всех делили, вместе легче пережить.
Если праздник – все гуляли, и задорно у ворот
в пляс гармошки зазывали, вряд ли мимо кто пройдёт!

А теперь никто не пляшет, хоть и сыт, обут, одет,
и не сеет, и не пашет, да и поля больше нет...
Всё равно люблю деревню, всей душой стремлюсь туда,
где берёзонька-царевна смотрит в зеркало пруда.

Гармошка

Кто сказал, что гармошка не в моде?
Ты пойдёшь, у народа спроси!
Словно реки, текут хороводы
под гармошку у нас на Руси.

Нет застолья без русской гармонии,
и какой без неё перепляс!
Как сердечные струны затронет
под гармошку исполненный вальс!

Развернутся меха, словно души,
только кнопки заветные тронь!
И никто не устанет их слушать,
никогда не умолкнет гармонь!

Русский язык

Русский язык мой, тебе посылаю
свой благодарный гражданский поклон,
с буквы заглавной тебя величаю,
гордо стоишь ты на страже времён.

Мама и бабушка пели когда-то,
сон навевая в мою колыбель,
часто мне сказки рассказывал папа –
звуки баюкали, словно капель.

Сердцем навек полюбила я книжки,
много читала в ночной тишине,
очень сердилась, когда вдруг мальчишки
слово плохое бросали при мне.

Русский язык – это наше богатство
и между прошлым и будущим нить,
объединил он славянское братство,
чтобы нам веру Христову крепить.

Соткана русская речь из мелодий,
и не предаю я её ни на миг,
в памяти вечны Кирилл и Мефодий,
письменность внёсшие в русский язык.

Русские

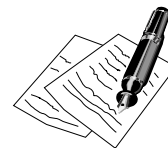
Я русская, люблю свой край до боли,
корнями предков истинно горжусь,
мне дороги берёзки, речка, поле,
воспетая в веках святая Русь.

Она взрастила много поколений,
немало победила и врагов,
её пытались ставить на колени,
она освобождалась от оков.

Детей в семье помногу раньше было,
их судьбы отражали жизнь страны,
и поднимались люди ратной силой
в годину испытаний и войны.

Всё пережили: голод, мор, разруху,
и снова птицей Феникс поднялись,
нельзя сломить народы с русским духом,
расправь, Россия, крылья, распрямись!

Тебя в беде, Отчизна, не оставим,
врагу на поруганье не дадим,
с молитвой на твою защиту встанем,
и, даст Господь, мы снова победим!

ПАМЯТЬ

Наталья МАСЛОВА

Над временем никто не властен Ни мудрый гений, ни пророк...

Написать о строгой и деловитой женщине как о поэтической натуре не просто. Никто не знал о её стихах, вырвавшихся из души в минуты одиночества и грусти. Но в год ухода в небытие, она сама позвонила мне после многих лет разлуки, и передала несколько стихов... на всякий случай.

Наталья Владимировна Маслова – доктор психологических наук, академик РАН.

Живёт в Москве.

Потешных Алевтина Павловна (1926-2010 гг.) была моей старшей коллегой по работе в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Она была родом из деревни Кушалино Тверской области. Там жили её родители: Надежда и Павел. Они были человеколюбивы: помимо Али, родной дочери, воспитывали приёмную дочь Наталью. Отец по роду занятий был лесником. Одарённая личность, он был прекрасным рассказчиком, владел словом, пером и оставил внукам обширные мемуары о своём роде. Он с любовью воспитывал дочек, а позже и внуков и привил им незаурядный интерес к русской природе, литературе и поэзии.

Окончив институт иностранных языков имени Мориса Тореза, Алевтина получила диплом филолога и в совершенстве владела французским языком. По распределению оказалась в научной библиотеке МГУ, где занималась библиографией, а позже стала старшим научным сотрудником отдела редких книг и рукописей. На её долю выпало заведование крупнейшим фондом личной библиотеки ректора МГУ имени Ломоносова (1951-1972 гг.), выдающегося математика XX века И.Г. Петровского. После кончины учёного его вдова Ольга Афанасьевна Петровская подарили более чем 20-тысячную домашнюю библиотеку учёного в университетский фонд. Алевтина Павловна была именно тем специалистом-филологом, кто принимал этот дар, описывал, формировал эту личную библиотеку и создавал общедоступный

мемориал – кабинет-библиотеку ректора МГУ на Моховой улице. С целью популяризации её сокровищ среди профессуры, аспирантов и студентов Алевтина Павловна создала и лично проводила обзорные экскурсии на русском и французском языках. Благодаря её усилиям, университетское братство получило возможность пользоваться фондами этой библиотеки, проводить здесь семинары, конференции. Большим интересом библиотека ректора пользуется у математиков, в том числе зарубежных. Хранительница уникальной библиотеки ректора придавала большое значение её историческому, литературному и поэтическому разделам. Ею были опубликованы статьи о редких книгах и рукописях из личного архива мемориальной библиотеки-музея И.Г. Петровского. Любовь к книге, чтению, поэзии позволили ей на склоне лет написать лирические стихотворения, которые пронизаны единым философским осмыслением всевластия времени:

*«Над временем никто не властен
Ни мудрый гений, ни пророк...».*

Как сказал академик Б.А. Астафьев, Лауреат Международной премии Мира Гузи, лишь одна эта строфа делает необходимым опубликовать стихи такого поэтического человека, каким была Алевтина Павловна Потешных.

Алевтина ПОТЕШНЫХ

Неизбежность

Когдаходишь близко
к краю жизни,
Не хочется спешить вперёд.
Нас всех пугает тайна бездны.
Мы знаем – это неизбежность.
И всё же в каждом миге
Теплится надежда...
А вдруг там края нет, а есть лишь поворот.

За поворотом снова встретит солнце
И шум лесов, и белых облаков полёт,
И радуги цветное коромысло
На нас волшебный тёплый дождь прольёт.

Он смоев наши горести, обиды,
Сотрёт из памяти прожитые года.
Мы снова станем молоды,
Полны надежд, красивы,
И жизнь начнётся с чистого листа.

А прошлое всё канет в лету.
Быть может, кто-то скажет: «Это бред».
Возможно так, но хочется поверить в это...

Размышления

Клонится солнышко к закату.
И всё длинней от старой липы тень.
Сижусь одна на покосившемся крыльце
И провожаю жаркий летний день.
Он медленно уходит вслед за солнцем.
И исчезает навсегда
За утонувшим в дымке горизонтом.
Неслышно сумерки печальные крадутся.
Прохладой веет полевой.
На дальние луга седой туман ложится,
И пахнет скошенной травой.
А вот и ночь в свои права вступает.
Она задумчива, торжественна, мудра.
Вуалью тёмной землю укрывает.
На небе свечи зажигают
Её волшебные слова.
Вздыхаю, мне немного грустно.
Ещё один ушёл из жизни день.
А будущее – это тень.
Все тайны скрыты и решенья.
Как милосердно, что Господь
Не одарил нас провиденьем.

Летят года

Летят года, летят года,
Спешат умчаться в бесконечность.
Не успеваем всё понять, увидеть,
Даже пожалеть – так быстро
Всё уносит вечность.
Летят года, летят года,
Как скоростные поезда,
Мелькают дни, как полустанки.
И кажется, что шар земной
Теперь быстрее стал вращаться.
Не успеваем встретить год,
Как с ним пора простаться.
И этот бег неукротимый
Не в силах мы остановить.
Над временем никто не властен –
Ни мудрый гений, ни пророк...
Сегодня мы простимся с годом,
Перешагнём через порог,
Всё, что ушло – не возвратится.
Что будет, знает только Бог.

О прошлом сожалеть

О прошлом сожалеть – бессмысленное дело.
Его не вернуть, оно уж улетело.
И изменить нельзя, хоть очень бы хотелось.
Стараюсь всё забыть, чтоб сердце не болело.
Но прошлое во мне,
Оно мне душу ранит
И не даёт уснуть, к воспоминаньям тянет.
Напрасно сон зовёт, усилие пустое.
Он ждёт, пока душа наполнится покоем.
И лишь тогда придёт,
Чтоб мягкой волною
Укрыть меня и унести с собою.

ПОЭЗИЯ

Валерий КОРАБЛИН

Валерий Васильевич Кораблин – родился в семье учителей в п. Верей г. Орехово-Зуево Московской области. После школы окончил техникум, два института (системотехника, программирование, ЭВМ). Стихи начал писать с 15–16 лет. С 16–17 лет печатался в региональных и корпоративных СМИ. Член литературной студии «Владимирские посиделки» Владимирского отделения Союза писателей России. Номинант (дипломы) конкурсов Национальная литературная премия «Поэт года 2011», «Поэт года 2012», «Поэт года 2013». Номинирован на премию «Наследие 2014». Автор шести поэтических сборников, увидевших свет в издательствах г. Владимира и г. Москвы – «Тайны грусти и радости» (г. Владимир, три одноимённых сборника, 2007–2010), «Начало тайны грусти и радости». Светлой памяти С.П. Панюшкина, члена СП России (Москва, 2012), «Осознание бесконечности» (Москва, 2012), «Дороги грусти и радости» (Москва, 2013).

Живёт во Владимире.

«Лишь солнце шагнёт из-за леса в тумане...»**Вспыхнувши весной**

Душа поэта, вспыхнувши весной,
Сочла, что страсть в неё забросит лето,
А осень грустью в дождик затяжной
К зиме остудит в сумерках рассвета.

И будет рваться в поисках она,
Как в клетке биться пойманною птицей...
Метаться ночью – днём бежать от сна,
Копаться в мыслях, вымарав страницу.

Строкой одной мешать другой строке,
И падать в бездну темы и мечтанья.
Крушить логичный вывод налегке,
Терять покой и формой обладанье.

Всё ждать, пока весна, бурля, придёт,
Разбудит соки, вызовет движенье,
Замёрзши чувства, в буйство приведёт,
Вернёт поэту страсть и вдохновенье.

Сон неведомый

Сон приснился неведомый мне.
Склон к реке, да черёмухи цвет
Белым снегом кипит на волне,
И луна не торопит рассвет.
Я на лодке плыву, одиноко.
Сердце ищет вчерашний причал, –
Клён зелёный, что скрыл бережок,
Образ милый, где я повстречал...

Сон погас, занемела вода,
Память дней утонула на дне...
Ранним утром мерцает звезда
Искрой стылой в оконном стекле.

Тишь кругом, и восток не горит...
Но душа, изведясь от невзгод,
Этот сон пусть недолго хранит
В буднях свежих ветров и свобод.

Очистится небо

Лишь солнце шагнёт из-за леса в тумане,
Обнявши лучами неверные плечи.
Улыбка, небрежно увязнув в обмане,
Позволит плести лицемерные речи.

Таинственен день, окружённый делами,
Сражённый навывлет отравленной пулей.
Случайная очередь – дерзость словами
Бесстрашно накроет роящийся улей.

И небо затянется пыльной дымкой,
Захочется ветра немного и влаги,
Чтоб стать окруженью совсем невидимкой,
Забывшей про честь в состоянье отваги.

Но солнце, с небес разогнав скоморохов,
Пальнёт горячо с голубой полусферы,
Затмив неприметное облачко вздохов,
Сотрёт из сознания злословья химеры.

И радостей малых польются потоки,
Неспешно наполнив озёра печали.
Затянутся илом и сплетни, и склоки,
Захочется вновь, чтобы песни звучали.

А ночью в черёмухах трель разливая,
Соловушка трепет сердечный разбудит,
И лунная тень на тропинке кося
Прошепчет, светлея, что утро наступит.

Очистится небо зарёю с востока,
И жизнь, обновляясь, уже не спасует,
Напомнив, что счастье в условиях порока,
Как ангел в аду: не живёт, а блефует.

Хотя б на час

Не жди, когда беда ворвётся в двери,
Рукой просящей вскинется к кресту,
В молитве жалкой встанешь на колени
Искать пути к небесному мосту.

Христа послушай разумом и сердцем,
Прочти его послания мирам,
Хотя б на час, хотя б на пару терций,
С грехом вначале можно пополам.

Живи, трудясь, без зависти и страха
И знай, что есть Всевышний над тобой,
И пусть порой проста твоя рубаха,
Тем не гордись, что может стать бедой.

Христос найдёт возделанное поле
И без труда посеет доброту,
Светлее станет встреченное горе,
Душа заполнит верой пустоту.

И, каждый день смиреньем наполняя,
Верши разумно скромные дела,
К строке молитвы голову склоняя,
Что в жизни к вере в Бога привела.

ПОЭЗИЯ

Рубен Семёнович Саркисов – родился 24 декабря 1960 г. Отец – инженер по авиационным двигателям, мать – закройщица. С 1978 по 1984 гг. обучался в Московском Авиационном Институте на факультете «Двигательные установки летательных аппаратов». По окончании института работал на предприятиях авиационной промышленности. С 1986 по 1988 гг. проходил службу в рядах вооружённых сил СССР.

Живёт в Москве.

Рубен САРКИСОВ

«Крепись держава русская...»

Московия

Град Кия Щека и Хорива
Аскольда с Диром древний град
Перуна чтили здесь и Жива
И пели на славянский лад

Олег на греков страх нагнавший
Вкруг Киев-Града Русь собрал
Волхв страха никогда не знавший
По крохам земли собирал

Кавказа Крыма и Дуная
Копьём коснулся Святослав
Свои походы начиная
Он шёл «Иду на Вы» сказав

Стяжал он в битвах звонких славу
Его года не зря прошли
Хазар жестокую державу
Стёр Святослав с лица Земли

Врагов жестоких побивая
Князь был в бою непобедим
Он правил недругов пугая
Одним лишь именем своим

Град Мономаха Ярослава
Гордился славою своей
Крепилась русичей держава
Трудами киевских князей

Свет Христианства здесь зажётся
Здесь Русь Владимир окрестил
Он в Веру новую облёкся
С ней правил славный князь и жил

Но на куски свою державу
Князья надумали делить
Пришла идея к Святославу
В наследство вотчины дарить

И стали множиться уделы
Пошли раздоры дележи
Везде границы и пределы
Черезполосица межи

Уделы множились дробились
На брата брат пошёл войной
С годами силы расплылись
Тут хан Батый пришёл с Ордой

Он по одной разбил дружины
Он по кускам Русь проглотил
И у князей согнулись спины
В бараний рог их хан скрутил

Совсем держава раздробилась
Под твёрдой ханскою пятой
Чуть позже Польша навалилась
Стал Киев ляшскою землёй

Ещё столпом был Город Новый
Сам Рюрик здесь на царство сел
Но Новгородский люд торговый
Стать частью Ганзы захотел

Два века по-немецки жили
Стал онемечиваться град
И войско в латы нарядили
Совсем уж на тевтонский лад

И чтоб Россия возродилась
Чтоб стала вновь сама собой
Чтоб вражья сила не ярилась
Творя поджоги и разбой

Москва поднявши крест и меч
Страну вокруг себя сплотила
И вражью силу стала сечь
И Русь из праха возродила

Труды лишенья кровь и пот
 Россию к жизни воротили
 Москва — державности оплот
 Здесь люди славные царили

Года слагалися в столетья
 Но сквозь невзгоды и года
 Сквозь поношенья и бесчестья
 Была Москва тверда всегда

Опора духа силы славы
 И Веры истинной оплот
 Центр притяжения державы
 Здесь русский дух в веках живёт

Свидание

Снег скрипит под башмаками
 Люто царствует мороз
 Тёмно-карими глазами
 Сотворила ты гипноз

Пахнет в воздухе весною
 Злая вьюга не метёт
 Если рядом мы с тобою
 Сад в душе моей цветёт

Этот день морозный давний
 Не забыть мне никогда
 Образ светлый и желанный
 Ясно вижу сквозь года

Набат

Проснись держава сонная
 Не спи честной народ
 Проснись душа народная
 Ты спишь который год

Гнилой морали жадности
 Нам стыдно гимны петь
 Триумфа зла и наглости
 Не можем мы стерпеть

Крепись держава русская
 Вставай огромный мир
 Готовит клика узкая
 Цепей и рабства пир

Нам байки сладкозвонные
 Обманщики поют
 А сами цепи прочные
 Незримые куют

Страшнее и опаснее
 Они стальных цепей
 Нет цербера ужаснее
 Чем голод для людей

Оковы те бесплотные
 Не снять и не разбить
 Без них мы безработные
 Должны мы их любить

Божий мир

Звон весенних талых вод;
 Юных листьев бурный рост;
 Ярких красок хоровод;
 Песня что принёс нам дрозд;

Тёплый ливень серебристый;
 Грома грозного удар;
 Неба свод лазурный чистый;
 Жизнь дающий солнца жар;

Жёлтых листьев тихий танец;
 Свежий утренний туман;
 Клёнов праздничный багрянец;
 Лета бабьего дурман;

Зимней вьюги голос резкий;
 Леса белые одежды;
 Щёк румянец молодецкий;
 Года нового надежды;

Божий мир благой и дивный;
 Так хорош любой порой;
 Верит род людской наивный,
 Будет он всегда такой

Любовь долготерпит

*Любовь долготерпит, милосердствует,
любовь не завидует, любовь не превозносится,
не гордится, не бесчинствует, не ищет своего,
не раздражается, не мыслит зла,
а сорадуется истине;
всё покрывает, всему верит, всего надеется,
всё переносит.*

**Новый Завет. Первое Послание к Коринфянам
Святого Апостола Павла, гл. 13,4**

Муж задерживался на работе. Приготовленный обед остывал. Телефонный звонок прервал её тревожные ожидания. Старшая медсестра из больницы, где муж заведовал отделением, плача сообщила, что шеф с тяжёлым инфарктом миокарда находится в реанимации, врачам не подчиняется, от лечения отказывается. Внезапная горестная весть ошеломила её.

Шёл сорок шестой год брака. Несмотря на свой пенсионный возраст, муж на сердце не жаловался. Участник боевых действий в Великой Отечественной войне, будучи энергичным талантливым врачом, справедливым и доброжелательным человеком, он имел широкую популярность среди больных и товарищей по работе; в своё время принимал активное участие в организации этой тысячекоечной больницы и отдал ей последние двадцать лет своей службы. Когда-то она, его жена работала здесь вместе с мужем.

Ей достался человек с сильным типом нервной деятельности. Как известно, такие люди не принимают необдуманных действий, но, приняв, по их мнению, правильное решение, непоколебимо и чётко его выполняют. Она любила своего мужа нежно, искренне и самоотверженно, как самого дорогого человека на свете. Даже имя его – Николай Иванович, Коля, – считала самым ласковым и красивым. Она была твёрдо уверена в превосходстве его профессиональных знаний, в физической силе, в искусстве общения с пациентами и

*Евгения Викторовна Дорогова – родилась в Москве в 1928 г. Член Творческого объединения «Проба пера» Центральной библиотеки №165 им. Ф.И. Тютчева. Публиковала автобиографические рассказы в альманахе «Чонгарский бульвар» в 2011–2014 гг. Врач, кандидат медицинских наук. Ветеран Великой Отечественной войны.
Живёт в Москве.*

коллегами. Всю жизнь (имея врачебный диплом и учёную степень) она у него чему-то училась. Как жена, при случавшемся иногда расхождении взглядов на ту или иную проблему, никогда ему не возражала. Однако, соглашаясь с ним, тайно оставалась при своём мнении. Каким-то непостижимым образом это её мнение становилось позже его решением, которое он неукоснительно исполнял.

Оглушённая, находясь в странном ступоре, она решала: «Что же делать? Почему он ведёт себя буйно? Почему отказался преодолеть болезнь? Никто его так хорошо не знал, как она. Ответ был ясен. Да потому, что почувствовав остановку своего сердца и, сверившись с электрокардиограммой, понял – жизнь кончилась. Боль он перетерпит сам – единолично, но зато освободит себя и коллег от реанимационной суматохи, а свою любимую жену от никчёмного и слабого инвалида-мужа! Раз решил, значит, сделает это. Надо торопиться, чтобы разубедить его и попытаться спасти. Огромное напряжение охватило её, повелевшую себе: «Спокойно, никаких слёз! Требуется немедленно доктору стать актрисой!» Невыплаканный слёзный ком перехватил горло, руки безостановочно крупно дрожали. Необходимо было сыграть роль счастливой, благополучной женщины, считающей его болезнь пустяковым эпизодом.

Ожидая вызванное такси, она накинула на праздничное платье отглаженный белый халат, на тщательно завитые волосы надела кокетливую врачебную шапочку. Вспомнила о красивых туфлях, нелюбимых из-за высоких каблуков. Ах, да, макияж, духи!

В больнице царил вечерняя тишина. С сотрудниками нового поколения медиков, пришедшего на смену их поколению, она не была знакома. Лишь в лифте с удивлением узнал её пожилой доктор, носивший ласковое прозвище коллег «Колобок», который проводил её в реанимационное отделение. На звонок в запертую дверь вышел молодой врач, похожий на олимпийского чемпиона, в отделение не пустил. Колобок стал убедительно объяснять, кто эта пожилая элегантная дама. В ответ «олимпиец» позвал не менее представительного спортсмена, своего начальника. Тот увидел в посетительнице умудрённого опытом врача и решил принять её помощь в непростой ситуации с необычным больным.

Её Коля, бледный, осунувшийся, без всякой одежды, закрыв глаза, лежал под простыней. Она несколько раз прошла рядом с его кроватью, намеренно стуча каблуками. Он сказал: «Духи французские, – и открыл глаза, – как “гренадёры” тебя пропустили?» «А как же иначе, – ответила она, – если на мне такие туфли?» Его синие губы дрогнули в усмешке. «Гренадёры» в боевой готовности встали за её спиной. Оглядывая окружающую сияющую белизной чистоту помещения, она заявила беззаботно: «Унылое местечко! Тебе надо поскорее отсюда выбраться!» Он оживился и стал горячо просить её поговорить с Главным о разрешении перевода его в свой обжитый за долгие годы служебный кабинет, где он может умереть спокойно. Она с радостью согласилась и заверила его, что это правильное решение, так как поражение мышцы сердца небольшое и, полежав в покое несколько дней, он сможет уйти домой. «Гренадёры» насторожились. К такому пациенту применить физическую силу они не решались. Продолжая светский разговор, как бы между прочим, она спросила: «А не считает ли он, что для безопасности перемещения по коридорам и лифтам надо бы сделать то-то и то-то, чтобы не нарушать общее кровообращение?» Он согласно кивнул. Она кивнула гренадёрам. Те

мгновенно навалились на него со всем своим лечебным арсеналом, призвав на помощь медицинских сестёр.

Между тем приятная беседа с женой продолжалась. Обсуждался вопрос, куда в кабинете переместить кресло и в какую сторону подвинуть шкаф, чтобы освободить место для кровати. Сменив весёлый тон на ворчливый, она стала укорять его за некомпетентность в электрокардиографии: «Как можно спутать лёгкий инфаркт с тяжёлым?» Зная, что в душе даже безнадёжных больных всегда теплится слабая надежда на спасение, она продолжала описывать виды разнообразных зубцов кардиограммы, характерных для тяжёлого или лёгкого поражения сердца, окончательно сбивая его с толку. Он ей поверил.

В этот момент в палате появился доктор «Колобок». Поняв, какую тяжёлую роль разыгрывает жена Николая Ивановича, он немедленно включился в игру. «Николай Иванович, дорогой, закричал он с порога. Мне рассказали о тебе массу всякой чепухи, а он тут завёл роман с дамой!» «Это моя жена, – ответил больной». Колобок церемонно поцеловал руку жене и принялся её обнимать, пытаясь поцеловать. Действия его не приводили к успеху, так как дама была намного выше его ростом. «Эй, эй, – закричал муж, стараясь подняться, – я те щас!..» Однако, лекарства из «гренадёрского арсенала» уже проявили своё действие. Больной повис на руках врачей и погрузился в глубокий благодетельный сон.

На следующий день Главный врач больницы лично посетил заслуженного коллегу, распорядился перевести его в отдельную палату и поставить в ней кровать для жены.

Отдавая себе отчёт в тяжёлом состоянии мужа, она продолжала оставаться в нервном напряжении. Жена работала как санитарка, помогая персоналу, как медицинская сестра, блестяще владеющая разнообразными инъекциями, как врач, не пропуская ни единого вдоха больного. Дни и ночи смешались для неё в одну длинную череду кропотливого, ответственного труда.

В прерывистых снах она видела своего Колю старшим лейтенантом, молодым парнем, попавшим в первый послевоенный набор студентов Московского Государственного медицинского института им. И.В. Сталина. Недавнему командиру санитарной роты, орденосцу, за боевые заслуги было разрешено закончить высшее медицинское образование (в виде исключения) в гражданском ВУЗе. Он удивлял её своим упорством в учёбе, краткостью речи, благородством, скромностью и достойным офицера поведением. За долгие военные годы Коля растерял знания по общеобразовательным предметам. Она, вчерашняя школьница-отличница, старалась помогать в изучении химии и физики, отмечала его присутствие на занятиях, когда он выполнял служебные обязанности в Части, передавала ему толковые краткие рефераты пропущенных занятий. Любовь пришла только через три года. Дружить офицеру с ней было легко. Выросшая в рабочей семье среди трёх братьев, она была лишена жеманства и капризов, относилась к нему как к старшему брату и всегда оставалась надёжным товарищем.

Теперь, по прошествии десятков лет, находясь с ним в больничной палате, она потеряла счёт дней и ночей. В одну из них её разбудил крик мужа. Он метался в постели. Среди неразборчивых слов мелькнуло: «эвентерация!» (выпадение кишечника из раны живота). В страхе она откинула одеяло. Живот был цел, пульс – приличный, температура – обычная. «Прости, – сказал Коля, – я разбудил тебя. Прошло много лет после Войны, но она продолжает

жить в нас и снится по ночам». «Да нет, – ответила она, – я из-за ревности хотела посмотреть, не подвалилась ли к тебе под бок одна из многочисленных здешних красавиц?» Он засмеялся: «А уж как я-то ревновал! Однажды пришлось пойти на серьёзный риск и исчезнуть из казармы, где мне надлежало находиться. Не мог же я оставить тебя на целую ночь, окружённой только что демобилизованными лихими парнями, желавшими стать хирургами!? Помнишь ли ты наше студенческое дежурство в хирургической клинике?» В её памяти сохранился этот яркий эпизод, резко изменивший не только выбранную врачебную специальность, но и всю её дальнейшую жизнь.

Руководил студенческим кружком доцент, фронтовой хирург, всеобщий любимец. Среди ночи шла операция ампутации ноги на уровне бедра. Ведущему хирургу ассистировали врач и студент Николай (её будущий муж). Вдруг ведущий хирург поменялся местами со студентом. Николай, заняв его место, спокойно повёл операцию дальше. Доцент комментировал ход операции, хвалил «ведущего» хирурга, за бережное обращение с тканями, за правильные действия. Замерев, с изумлением и гордостью смотрели кружковцы, как работает их старший товарищ. Именно тогда она поняла, что он и есть её тот самый единственный и дорогой человек, кому принадлежит её жизнь. Когда же Коля, взяв в руки обыкновенную пилу, быстро перепилил толстую бедренную кость, и тяжёлая нога глухо шлёпнулась в таз, она поняла: «Коля прав. Хирургия не её профессия!»

Но настало время, когда утром с директорским обходом явился Главный врач, окружённый врачебной свитой. «Пора прощаться!», – сказал он мужу. Обращаясь к жене с лёгким поклоном, добавил: «Вручаю его Вам, коллега, на реабилитацию. Помните, жду его скорейшего возвращения к работе!»

Оставшись наедине с мужем, она расслабилась. Будто огромная тяжесть спала с плеч, не в силах устоять, она упала на кровать, спрятала ручьём катившиеся слёзы в подушку. Безудержные рыдания сотрясали тело. Муж бросился к ней, ласково обнял, зашептал сбивчивые нежные слова. Горячая мужская слеза упала на её голову. «Мы с тобой – единое существо, говорил он, как сросшиеся сиамские близнецы. Успокойся! Не то прибегут «гренадёры» и поменяют нас местами. Пошли скорее! Мы так долго не были дома!»

Прошло ещё двенадцать лет счастливой жизни. Остановилось его сердце совсем от другой причины.

ПОЭЗИЯ

Анатолий УВАРОВ

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью и многими другими правительственными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы – веки» (2011).

Живёт в Москве.

«Вольной птицей взлечу выше Кезьминских гор...»

Лето

Звени, красуйся лето красное!
Хвала тебе – красавица Земля!
Хвала тебе – Ярило золотое!
Да здравствуют широкие поля,
Зелёные леса и небо голубое!

Я открыл окно,
И пахнуло вдруг
Из полей в лицо
Дивной свежестью.
Задышала грудь,
Сердце бьётся сильнее,
И любитесь глаз
Перламутром полей.

Там, на свежем ветру,
Бирюзовой волной
Колосится вовсю
Рожь высокая,
Льётся солнце рекой,
Лучезарен зенит,
Над рекою Сурой
Гимн могучий звенит.

Это лето меня
К себе в гости зовёт –
Походить, погулять
По заветным местам,
Обещает мне мёд
И цветы, и бальзам,
И из сена постель,
Хочешь тут, хочешь там...

Брошу всё, убегу
В безграничный простор,
Вольной птицей взлечу
Выше Кезьминских гор
И с родной стороной
Воедино сольюсь –
Красотою земной
Допьяна я напьюсь!

Выйду в поле, жаворонок
Песню звонкую поёт!
И душа, как журавлёнок
Устремляется в полёт:
В синеву родного неба,
В даль загадочных полей,
В золотую ниву хлеба,
В лес зелёный, что за ней,
В золотое царство лета,
Где под солнцем всё блестит –
И уже душа поэта
Не страдает, не грустит.

Радость

Я люблю смотреть на небо,
На густые зелены,
В это время, где б я ни был,
Радость в сердце у меня.

Радость – светлая, большая,
Как безоблачный зенит,
Она сердце вдохновляет –
Стихи новые дарит.

Первозданные красоты
Для меня, как сладкий мёд,
К синим далям и высотам
Моё сердце так и льнёт!

Летний сон

Уснуло озеро лесное.
Недвижим трепетный камыш.
Над берегами, над водою
Царят безмолвие и тишь.

Полупрозрачные просторы
Туманной негою полны:
Ни пенья птиц, ни разговора,
Ни плеска голубой волны.

В округе всё утомилось
И пребывает в той поре,
Когда кому и что приснилось –
Расскажут только на заре.

Травы

Ах, какие травы
Нынче разрослись!
Всюду – слева, справа –
Стеной поднялись,
Росами сверкают,
Плещутся волной,
Зеленью ласкают
Глаз счастливый мой...

Жаль, что на поляны
Утренней порой
Косарей нагрянет
Богатырский строй
И пойдёт рядами,
Косами звеня, –
Лягут полосами
Мои зеленя,
Упадут на землю,
Срезанные в вал –
И лишён веселья
Будет Подызвал...

Так шумите, травы,
Радуйте мой глаз,
Пока есть, на славу,
Силушка у вас!

После дождичка,
В меру тёплого,
Веет свежестью
И прохладой,
На лугу в траве –
Нежной, бархатной –
Рой опять растёт
Пышной грядой.

А над полюшком –
Свежей пашенкой –
Сизый пар встаёт,
Поднимается,
Светит солнышко,
Но не жаркое,
Всё растёт, цветёт,
Наливается...

В лесу

А в лесу – тишина,
Воздух свеж и чист:
Там и клён, и сосна,
И берёзовый лист,
Вековые дубы
Дружат с елями там,
На полянах – грибы,
И приволье цветам,
Там поёт соловей,
Раздаётся «ку-ку»,
И с подругой своей
Дремлет сыч на суку,
С деревянной клюкой,
Средь замшелых ветвей,
Стережёт их покой
Царь лесной – Берендей,
Из-под мощных корней
Родничок бьётся там –

Нет водицы вкусней,
Убедился я сам,
Там везде благодать,
Суший рай для души...
Милый друг, побывать
В том лесу поспеши!

Жаворонок

Надо мною жаворонок
В небе утреннем летает:
Как он весел, как он звонок,
Как он солнышко встречает!

Он всё выше, выше вьётся
В зорьке нежной, золотистой,
Над полями так и льётся
Голосочек его чистый.

Сколько счастья, сколько света
У пичуги – жаворонка!
Подарила ему это
Всё родимая сторонка.

Для неё он эту песню
Вдохновенно исполняет,
Потому-то в поднебесье
Всё летает и летает...

